

A movie poster for 'The Daughter of the King'. The top half shows a man with long dark hair in a teal coat and a woman in a white ruffled dress standing in a flooded, ornate palace. The man holds a sword. The bottom half shows a mermaid swimming in the blue water. The title 'ДОЧЬ КОРОЛЯ' is written in large gold letters across the middle.

Вонда Н. МАКИНТАЙР

ДОЧЬ КОРОЛЯ

Яркое и вдохновенное воплощение страстей, интриг
и предубеждений далекой эпохи...

Kirkus Reviews

The Big Book

Вонда Макинтайр

Дочь короля

«Азбука-Аттикус»

1997

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Макинтайр В. Н.

Дочь короля / В. Н. Макинтайр — «Азбука-Аттикус»,
1997 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-20910-7

Есть вещи, перед которыми бессильна даже абсолютная власть. «Король-солнце» волен распоряжаться чужой жизнью, но его собственная неумолимо утекает в прошлое. Бессмертие – вот чего испокон веков жаждали владыки, и Людовик XIV не стал исключением. В надежде обрести власть над самой смертью он отправляет ученого-священника, отца де ла Круа, в экспедицию за легендарными морскими созданиями, чья плоть, согласно преданиям, дарует вечную жизнь. И вот наконец долгожданный корабль возвращается с удивительной пленницей. Неизвестно, способно ли это загадочное существо даровать королю победу над смертью, но судьбы многих людей оно изменит безвозвратно... В 1997 году роман «Дочь короля» был удостоен сразу двух литературных премий – «Небыюла» и Интергалактической премии за лучший роман. В 2022 году состоится долгожданная мировая премьера экранизации романа. Отдельные сцены картины снимались в знаменитом Версале (глубокой ночью, когда не было туристов), в частности масштабная танцевальная сцена в Зеркальной галерее, самом известном интерьере парадной резиденции «короля-солнце». Главные роли в фильме исполняют Пирс Броснан, Уильям Хёрт и Кая Скоделарио.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-20910-7

© Макинтайр В. Н., 1997

© Азбука-Аттикус, 1997

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	59
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Вонда Макинтайр

Дочь короля

© Софья Ардынская, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

Солнце Иванова дня раскаленным белым диском сияло высоко над головой. Безбрежное голубое небо ослепляло взор.

Королевский флагманский корабль внезапно покинул прозрачно-зеленое мелководье и вошел в индигово-синие волны бездонных глубин.

Капитан галеона стал отдавать одну команду за другой; матросы со всех ног бросились выполнять приказания. Паруса дрогнули и наполнились ветром; главные, гигантские прямые паруса напряглись до предела. Медленно, со скрипом и стоном, неповоротливый корабль развернулся. На фок-мачте галеона заиграл штандарт Людовика XIV, словно украсив ширь небес королевским девизом «Nec Pluribus Impar»¹. На фор-марселе засияла эмблема короля – золотой солнечный лик со множеством лучей.

Оставив позади коварные мели, галеон двинулся вперед, взрезая килем морскую гладь и с шумом поднимая вдоль бортов волны. Позолоченная фигура на носу корабля простирала руки навстречу солнцу и соленым брызгам. Маленькие радуги окружали мерцанием ее когти и плавники раздвоенного хвоста. Резная русалка словно освещала цветными бликами путь галеону во славу короля.

Внимательно вглядываясь в водный простор, раскинувшийся меж носом корабля и горизонтом, Ив де ла Круа стремился обнаружить цель своих поисков вдоль тропика Рака, прямо под солнцем. Он прищурился, не в силах вынести прямых солнечных лучей, и схватился за леер. Галеон шел с попутным ветром, и потому на палубе по-прежнему царили жара и духота. Черная ряса Ива увлажнилась от пота, темные волосы прилипли ко лбу. Тропическое море искрилось и с каждым мгновением неуловимо меняло облик, поражая и очаровывая молодого иезуита.

– Démons! – крикнул впередсмотрящий.

Ив впился взглядом в волны, пытаясь узреть, что заметил матрос, но его ослепляло солнце, и вожаемая цель была слишком далеко. Корабль с шумом и гулом взрезал воду.

– Вон там!

Прямо по курсу океан, казалось, бурлил. Над волнами взмывали какие-то создания. Словно дельфины, в морской пене резвились гибкие твари.

Флагман двинулся по направлению к невиданным существам. Над океаном разнеслись не щебет и свист дельфинов, а пение сирен. Матросы испуганно умолкли.

Ив замер, сдерживая волнение. Он был твердо уверен, что достигнет своей цели именно в этом месте и именно в этот день; он никогда не сомневался в успехе. Теперь ему оставалось лишь вести себя с достоинством, не обнаруживая чрезмерной радости.

– Сеть! – завопил капитан Дешере, перекрывая сладостное пение. – А ну, спустить сеть, мерзавцы!

По его команде матросы опрометью кинулись к лебедке. Они боялись его больше, чем морских чудовищ. Заскрипело дерево, застонали тросы, заныл металл. Сеть с грохотом опустилась за борт. Какой-то матрос грязно выругался.

Загадочные существа резвились, не замечая приближающегося галеона. Они по-дельфиньи выскакивали из воды, поднимая фонтаны брызг, взбивая пену. Они ласкали друг друга, свиваясь хвостами, и упоенно пели гимн собственной безудержной чувственности. Море словно вскипало вокруг совокупляющихся созданий.

¹ Буквальный перевод – «Не уступаю многим» (лат.). Однако точное значение остается спорным. Среди вариантов перевода – «Один над всеми», «Один против всех», «Способный на многое».

Их возбуждение невольно передалось Иву, овладев его разумом и телом, всецело подчинив себе его волю. Ужаснувшись своей плотской податливости, он закрыл глаза, склонил голову и мысленно произнес молитву, прося Господа ниспослать ему покой и отрешенность.

Стук разворачиваемой сети, тяжелые удары ее тросов о борт вернули его к реальности. Дешере сыпал проклятиями. Ив будто не слышал срамных слов: во время плавания он приучил себя не обращать внимания на ругательства и богохульства.

Вновь овладев собой, Ив стал безучастно ждать. Он хладнокровно подмечал детали облика своей добычи: размер, цвет, численность, значительно сократившуюся за сто лет, с тех пор как их видели в море последний раз.

Галеон на всех парусах помчался прямо в гущу совокупляющихся русалок. Как Ив и думал, как и надеялся, как и ожидал, проштудировав ученые труды своих предшественников, русалки столь страстно предавались любви, что забыли обо всем на свете. Они заметили врага, когда было уже слишком поздно.

Сладостное пение сирен внезапно сменилось пронзительными животными воплями ужаса и боли. Загнанные звери всегда издают крики, будучи не в силах спастись от охотника. Ив сомневался, что животные способны испытывать страх, но полагал, что они могут ощущать боль.

Галеон двинулся на русалок, подминая их мощным килем, топя и заглушая их предсмертные вопли. По высоко взметнувшимся смертоносным волнам пронеслась сеть.

Дешере кричал на матросов, перемежая брань командами. Те подняли лебедкой сеть. Под водой русалки отчаянно бились о борт галеона. Их голоса ударяли в обшивку корабля, точно в барабан.

На палубу выбрали сеть с невиданными обитателями глубин. На их темных кожистых телах играл солнечный свет.

– Выпускайте голубей. – Ив старался сдержать волнение.

– Слишком далеко, – прошептал помощник королевского голубятника. – Им не долететь.

Птицы беспокойно ворковали в своих плетеных клетках.

– Выпускайте их!

Если ни один голубь из сегодняшней стайки не достигнет земли, долетит какой-нибудь из завтрашней или послезавтрашней.

– Как прикажете, святой отец.

С десятков почтовых голубей энергичными взмахами взмыли в небо. Вскоре мягкий шорох вздымающихся и опадающих крыльев стих. Ив на мгновение оглянулся. Один голубь закружился, набирая высоту. Серебряная капсула с посланием, привязанная к его лапке, вспыхнула в солнечных лучах, словно возвещающая скорое торжество Ива.

Глава 1

Процессия из пятидесяти карет растянулась по извилистой мощеной улице. Жители Гавра прижимались к стенам по обеим ее сторонам, выкрикивая приветствия королю и придворным, дивясь роскоши карет и упряжи, восхищаясь яркими нарядами, драгоценностями и кружевами, бархатом и золотой парчой, широкополыми, с пышными перьями шляпами молодых аристократов, сопровождавших своего повелителя верхом.

Мари-Жозеф де ла Круа мечтала когда-нибудь поучаствовать в такой процессии, но реальность совершенно затмила самые смелые ее ожидания. Она ехала в великолепной карете герцога и герцогини Орлеанских, уступавшей лишь королевской. Она сидела напротив герцога, брата короля, обыкновенно величаемого месье, и его супруги мадам. Место рядом с ней занимала их дочь мадемуазель.

С другой стороны возле нее лениво раскинулся на сиденье друг месье, шевалье де Лоррен, прекрасный и томный, не скрывавший, как наскучило ему долгое путешествие из Версали в Гавр. Лотта – мадемуазель, «я должна запомнить, что теперь, когда я служу при дворе, теперь, когда я ее фрейлина, называть ее следует только так», – мысленно одернула себя Мари-Жозеф – выглянула из окна кареты, почти в таком же восхищении, как и Мари-Жозеф.

Шевалье вытянул длинные ноги через весь пол, скрестив лодыжки у самых туфельек Мари-Жозеф.

Невзирая на пыль, зловоние, свидетельствующее о близости порта, ржание лошадей, крики всадников и грохот карет, катящих по булыжной мостовой, мадам настояла на том, чтобы открыть оба окна и раздвинуть занавеси. Она чрезвычайно любила свежий воздух, и Мари-Жозеф вполне разделяла ее склонность. Хотя мадам было уже немало лет – более сорока! – она всегда верхом сопровождала короля на охоту. Она как-то намекнула, что на охоту могут пригласить и Мари-Жозеф.

Месье предпочел защититься от вредоносных испарений, безраздельно господствовавших за стенками кареты. Он не выпускал из рук шелковый платок и ароматический шарик, наполненный благовониями. Платком он стряхивал пыль с бархатных рукавов и золотого кружева своего платья, а ароматический шарик – наспичгованный гвоздикой апельсин – то и дело подносил к носу, стремясь изгнать уличные миазмы. Когда карета приблизилась к порту, смрад разлагающейся рыбы и гниющих на солнце водорослей сделался невыносим, и Мари-Жозеф мысленно пожалела, что у нее нет ароматического шарика.

Карета дернулась и замедлила бег. Кучер крикнул лошадям: «Тпру!» Их подковы звонко зацокали по булыжнику. Горожане высыпали на улицу, барабанили кулаками о стенки кареты, вопили, просили милостыню.

«Глядите, мадемуазель де ла Круа!» Лотта притянула Мари-Жозеф к себе, чтобы она тоже смогла выглянуть из окна. Мари-Жозеф было интересно все: она жаждала запомнить все подробности путешествия. По обеим сторонам улицы люди в лохмотьях махали руками в знак приветствия и кричали: «Ура! Да здравствует король!» – а иные умоляли: «Хлеба!»

Всадник, не теряя присутствия духа, пробирался сквозь толпу. Мари-Жозеф поначалу приняла его за мальчика-пажа на пони, но потом заметила, что на нем жюстокор, синий, расшитый золотом, носить который дозволялось лишь приближенным короля, его доверенным лицам. Осознав свою ошибку, она покраснела от смущения.

Отчаявшиеся горожане хватали придворного за полы, теребили его золотые кружева, цеплялись за седло. Вместо того чтобы отогнать их кнутом, он стал от имени короля раздавать милостыню. Тех, кто стоял близко, он лично оделял деньгами, а тем, кто не в силах был до него дотянуться, – старухам, калекам, оборванным детям – бросал монеты. Толпа образовала вокруг него водоворот, могучий, как океан, и зловонный, как вода в Гаврском порту.

– Кто это? – спросила Мари-Жозеф.

– Люсьен де Барантон, – ответила Лотта, – граф де Кретьен. Вы с ним не знакомы?

– Нет, я... – Она оборвала себя на полуслове. Ей не пристало обсуждать рост господина де Кретьена при дворе.

– Он представлял его величество, устраивая военный поход моего брата, но я не имела случая с ним познакомиться.

– Он отсутствовал при дворе все лето, – промолвил месье, – но вижу, не утратил расположения моего брата-короля.

Карета остановилась, зажатая густо сбитой толпой. Месье замахал платком, отгоняя злобное конского и людского пота и гниющей рыбы. Всадники эскорта закричали, пытаясь оттеснить нищих и зевак.

– После этого мне придется заново покрасить карету, – в изнеможении посетовал месье. – И несомненно, я кое-где лишусь и позолоты.

– Людовик Великий уж слишком снизошел до своих подданных, – съязвил Лоррен, – чтобы и им перепала частичка его славы. – Он рассмеялся. – А впрочем, не беда, Кретьен потопчет их боевым конем.

«Я и то скорее сумею укротить боевого коня, чем он», – подумала Мари-Жозеф. Сарказм и циническая веселость Лоррена было позабавили ее, но потом смутили.

Ей сделалось страшно за графа де Кретьена, но никто более не выказал беспокойства. Кони других придворных происходили от скакунов, привезенных из Крестовых походов, но граф Люсьен выбрал некрупного, светло-серого в яблоках, который как нельзя более ему подходил.

– Его конь не больше дамской лошадки! – воскликнула Мари-Жозеф. – Вдруг этот сброд стащит его с седла?

– Не беспокойтесь! – Лотта погладила Мари-Жозеф по плечу и прошептала: – Подождите только, и сами увидите. Никому не удастся сбросить месье де Кретьена с седла!

Граф Люсьен слегка притронулся к шляпе, приветствуя толпу, и нищие и зеваки в ответ разразились радостными криками, многие принялись кланяться. Его лошадь не останавливалась ни на минуту, не давала толпе сомкнуться со всех сторон. Она гарцевала, выгибала шею, фыркала, помахивала хвостом, точно флажком, и ловко проходила меж людьми, чувствуя себя как рыба в воде. Мгновение спустя граф Люсьен выехал из толпы. Провожаемый веселыми возгласами, он поскакал по улице вслед за королем. Несколько мушкетеров приказали толпе расступиться; карета и эскорт месье сдвинулись с места, не упуская из виду графа Люсьена.

Мимо, блистая и притягивая взор, галопом пронеслась стайка юных аристократов. Поравнявшись с окном, брат Лотты Филипп, герцог Шартрский, осадил своего крупного гнедого и вонзил шпоры ему в бока, подняв на дыбы и явно щеголяя позолоченной кирасой. На шляпе у Шартра развевались пышные перья, сюртук был сшит из дорогого бархата, а рукоять шпаги украшена драгоценными камнями. Недавно вернувшись из летней кампании, он еще не сбрил тоненькие усики, вроде тех, что в юности носил его величество.

Мадам улыбнулась сыну, Лотта весело помахала рукой. Шартр картинным жестом сорвал шляпу и, не спешиваясь, со смехом отвесил им поклон. На шее у него трепетал свободно повязанный шарф, концы которого были заправлены в петлицу.

– Как хорошо, что Филипп снова дома! – промолвила Лотта. – Живой и невредимый.

– И одетый как последний распутник! – Мадам говорила без обиняков, с сильным немецким акцентом, хотя и прибыла во Францию из Пфальца более двадцати лет тому назад. Вздыхнув, она покачала головой и, явно любуясь сыном, произнесла: – Да и манеры его оставляют желать лучшего. Ему надлежит заново привыкать к придворному этикету.

– Дайте же ему хотя бы недолго насладиться военной славой, мадам, – упрекнул ее месье. – Сомневаюсь, что брат мой король еще раз поручит нашему сыну командование.

– Значит, и под пули ему лезть не придется, – подытожила мадам.

– Значит, придется забыть о славе.

– А слава мало кому выпадает на долю, мой друг. – Лоррен наклонился к месье и накрыл ладонью унизанные перстнями пальцы герцога. – Ею обделен племянник короля. Ею обделен брат короля. Славой увенчан один лишь король, лишь ему хватает славы.

– Довольно, сударь! – вмешалась мадам. – Напоминаю вам, что вы говорите о своем монархе!

Лоррен откинулся на спинку сиденья, прижавшись рукой к худенькому плечу Мари-Жозеф, так что под чувственной мягкостью бархатного сюртука она ощутила литые мускулы.

– Именно так, мадам, – произнес он. – Полагаю, это единственное, в чем мы сходимся.

Внебрачный сын его величества герцог дю Мэн, сияя рубинами и золотым кружевом, заставлял своего вороного проделывать курбеты возле самого окна, пока мадам, метнув на него возмущенный взгляд, не фыркнула и не отвернулась. Герцог расхохотался и галопом погнал коня в начало процессии.

– Вот уж кому на боевом коне разъезжать не пристало, – пробормотала мадам, не глядя на Лоррена. – Ну зачем этому паршивому отродью, мышинному помету, такой конь?

Месье и Лоррен встретились глазами и улыбнулись.

Скакун Шартра понесся за Мэном. Юные принцы производили блестящее впечатление. В седле они забывали о своих физических недостатках. Неподвижный, остановившийся глаз Шартра придавал ему залихватский вид; хромота Мэна делалась незаметна. Мэн был так хорош собой, даже горб его не портил. Король публично признал сына, одна лишь мадам до сих пор не упускала случая позлословить о его происхождении.

Мимо кареты промчались законные внуки его величества; трое маленьких мальчиков понукали своих чубарых, белых в «барсовых» пятнах пони, изо всех сил колотили их каблуками в бока, пытаясь угнаться за незаконнорожденным сводным дядей Мэном и законным кузеном Шартром.

– Спрячься от солнца, дитя мое, – посоветовал месье Лотте, – не то загорись.

– Но сударь...

– И испортишь дорогое новое платье, – добавила мадам.

– Да, месье. Да, мадам.

Мари-Жозеф тоже поспешила укрыться от солнца. Жаль было бы лишиться нового платья, лучшего из всех, что у нее имелись, пусть даже это и обноски Лотты. Она разгладила желтый шелк и развела полы так, чтобы продемонстрировать серебристую нижнюю юбку.

– А вот вы, мадемуазель де ла Круа, – продолжил месье, – смуглы, словно гурон. Скоро вас начнут дразнить индианкой, и мадам де Ментенон скажет: «А ну, верните мне мое старинное прозвище!»

Лоррен ухмыльнулся. Мадам нахмурилась:

– Старая ведьма никогда не вспомнит о своем прозвище. Ей хочется, чтобы все думали, будто она родилась в Ментеноне и имеет какие-то права на титул маркизы!

– Мадам...

Мари-Жозеф показалось, что ее долг – вступить за мадам де Ментенон. Когда Мари-Жозеф только прибыла во Францию из монастырской школы на Мартинике, маркиза проявила к ней большую доброту. Хотя Мари-Жозеф уже исполнилось двадцать и она не могла войти в число воспитанниц мадам де Ментенон в Сен-Сире, маркиза назначила ее на должность учительницы математики, и Мари-Жозеф стала обучать младших девочек. Как и Мари-Жозеф, мадам некогда прибыла с Мартиники во Францию без гроша за душой.

Мадам де Ментенон часто рассказывала о Мартинике ученицам, вверенным ее попечению. Она вспоминала о лишениях, которые ей пришлось вынести в Новом Свете. Убеж-

дала девочек из высокородных, но обедневших семейств, что если они будут богобоязненны и послушны, как она, то его величество наделит их приданым и они не узнают нужды.

Месье перебил Мари-Жозеф:

– А вы пользуетесь тем кремом, что я подарил вам?

Он пристально уставился на нее, не отнимая от носа ароматического шарика. Цвет лица у него был очень нежный. К тому же он подчеркивал аристократическую бледность с помощью пудры и черных мушек на щеке и в уголке рта.

– Этот крем бесподобен, но и он вам не поможет, если будете, невзирая на все предупреждения, сидеть на солнце!

– Папа, какой вы злой! – упрекнула месье Лотта. – Сейчас Мари-Жозеф куда бледнее, чем она была, когда только приехала во Францию.

– И все благодаря моему крему! – провозгласил месье.

– Ах, оставьте ее! – взмолилась мадам. – Что за беда, если она, как и я в юности, не прочь побродить по лесам и садам. Как сказал его величество, придворные совсем разлюбили сады. Кроме меня, да вот теперь еще мадемуазель де ла Круа. Так о чем вы только что говорили?

– Вздор, пустяки, мадам, – пробормотала Мари-Жозеф, радуясь, что месье успел перебить ее до того, как она высказала свое мнение о мадам де Ментенон. Выражать свое мнение при дворе всегда было рискованно, а хвалить мадам де Ментенон в присутствии мадам – совершенно безрассудно.

– Тпру! – крикнул кучер.

Замедляя ход, карета сильно качнулась. Мари-Жозеф чуть было не соскользнула с сиденья на пол. Ее лодыжки задела стройные длинные ноги шевалье де Лоррена. Лоррен галантно поддержал ее за руку, не дав упасть, и не отпускал, даже когда карета выровнялась. Своим бедром он касался ее бедра. Он улыбнулся, глядя на нее сверху вниз. Мари-Жозеф улыбнулась в ответ, а затем опустила взгляд, устыдившись собственного разыгравшегося воображения. Шевалье был необычайно хорош собой, хотя уже и не молод. В свои пятьдесят пять он был ровесником короля. Он носил длинный черный парик, как и его величество. Глаза у него были ярко-голубые. Мари-Жозеф снова прислонилась к спинке, освобождая ему место. Шевалье подвинулся, устраиваясь поудобнее. Вытянув ноги, он прижал ее туфельки к основанию сиденья, так что она не могла пошевелиться.

– Сядьте прямо, сударь! – потребовала мадам. – Никто не давал вам права сидеть развалившись в моем присутствии!

Месье ласково похлопал шевалье по колену.

– Это я позволил Лоррену вытянуть ноги, – промолвил месье. – Мой друг слишком высок для нашей кареты.

– А я слишком толста, – возразила мадам. – Но я же не разлеглась на всем сиденье.

Лоррен выпрямился, задев макушкой парика о потолок кареты.

– Приношу мадам самые глубокие извинения.

Он взял свою шляпу с пышными перьями и открыл дверцу, а выходя, провел плюмажем по запястью Мари-Жозеф.

Месье поспешил выйти следом за ним.

Мари-Жозеф, уняв сердцебиение, сосредоточила все свое внимание на мадам и Лотте, как ей и полагалось.

– В Версаль я вернусь вместе с Ивом, – быстро сказала она. – Тогда на обратном пути всем будет свободнее.

– Дитя мое, – вздохнула мадам, – это не имеет никакого отношения к размерам кареты.

Мадам встала и спустилась вниз по ступенькам. Месье помог выйти ей, а Лоррен – Лотте. Мари-Жозеф выпорхнула за ними, торопясь увидеть брата. Лоррен уже поджидал ее с изысканной вежливостью, словно она была членом семьи брата короля. Он подал ей руку. Знаки его

внимания одновременно волновали и смущали ее. Он лишал ее душевного равновесия. Ничто на Мартинике никогда не смущало ее: там она жила тихой, уединенной жизнью, вела хозяйство в доме брата, помогала ему проводить эксперименты и читала книги обо всем на свете.

Она ступила на мостовую рядом с мадам, которой чувство собственного достоинства не позволяло замечать грязь и зловоние. Король пожелал встретить вернувшуюся экспедицию в порту, а мадам полагала себя неотъемлемой частью двора и потому сопровождала его величество, не сетуя и не жалуясь.

Мари-Жозеф украдкой улыбнулась. Мадам не жаловалась при посторонних. В кругу семьи принцесса Пфальцкая не стеснялась в выражениях и зачастую высказывала неллицеприятные мнения.

Месье тронул Лоррена за локоть. Лоррен поднес к губам руку Мари-Жозеф и хотел было присоединиться к месье, но рядом с ним, как и подобает супруге, уже шествовала мадам. Шартр спешился, бросил поводья лакею и предложил руку сестре.

Мари-Жозеф сделала реверанс и отступила назад. Ей предстояло найти место в конце процессии, позади тех, кто превосходил ее знатностью и положением.

– Пойдемте с нами, мадемуазель де ла Круа, – предложила мадам. – Шевалье готов сопровождать вас.

– Но, мадам!..

– Я знаю, что значит скучать по близким. Я не видела своих родных двадцать лет, с тех пор как приехала во Францию. Пойдемте с нами, и никто не заставит вас терпеть разлуку с братом долее, чем того потребуют обстоятельства.

С благодарностью, с изумлением Мари-Жозеф склонилась в придворном поклоне и поцеловала край платья мадам. Тут же отдал поклон мадам и месье Лоррен. Мари-Жозеф поднялась. К ее удивлению, шевалье, улыбаясь своей пленительной, загадочной улыбкой, поцеловал руку не мадам, а ей.

Словно во сне, Мари-Жозеф в сопровождении одного из самых прекрасных придворных оказалась в начале величественной и пышной процессии, о месте в которой она не смела и мечтать.

Королевская карета стояла первой в череде пятидесяти других. На ее дверцах сияли золотые солнца. Восьмерка лошадей была копытами, фыркала, позвякивала упряжью. Все лошади были белые, в небольших, размером с монету, черных пятнах. Этих чубарых, «барсовых» упряжных жеребцов прислал в подарок своему брату – французскому монарху китайский император. Внукам короля были подарены такие же чубарые пони.

– Осторожно, мадемуазель де ла Круа! – тихо предостерег ее Лоррен, когда они проходили мимо великолепной упряжки. Терпкий запах конского пота смешивался с запахом рыбы и водорослей. – Эти твари – наполовину барсы и питаются сырым мясом.

– Что за нелепость, сударь! – возразила Мари-Жозеф. – Лошадь не может соединиться с барсом.

– И вы не верите в существование грифонов...

– В мире скрываются доселе невиданные создания, но все они – творение природы...

– Или химер...

– А не порождение орлов и львов...

– Или русалок?

– И не порождение смертных женщин и демонов!

– Я и забыл, вы же изучаете алхимию, подобно вашему брату.

– Сударь, он изучает не алхимию, а натурфилософию!

– Выходит, алхимию он оставляет вам – алхимию красоты!

– Воистину, сударь, никто из нас не увлекается алхимией. Он занимается натурфилософией, а я – математикой, в меру своих скромных сил.

Лоррен снова улыбнулся:

– Не вижу разницы.

Она хотела было объяснить, что, в отличие от алхимика, натурфилософ не занимается поисками бессмертия и превращением низменных металлов в золото, но Лоррен пренебрежительно пожал плечами:

– Дело в том, что я вообще малообразован. Математика – это что же, арифметика? Какой ужас! Если бы я изучал математику, мне пришлось бы упражняться, суммируя собственные долги! – Он комически содрогнулся от страха, наклонился к Мари-Жозеф и прошептал: – Вы так прекрасны, что я поневоле забываю о том, что вы занимаетесь... тайными науками.

Мари-Жозеф покраснела:

– Я не имела случая ассистировать брату с тех пор, как он уехал с Мартиники.

«А также заниматься математикой», – с сожалением подумала она.

Молодые аристократы соскакивали с лошадей; их отцы, матери и сестры выходили из карет. Герцоги, герцогини, пэры Франции, иностранные принцы², версальские придворные в роскошных нарядах выстроились, согласно порядку старшинства, чтобы поприветствовать своего короля.

Рядом с королевской каретой граф Люсьен соскользнул со своего арабского скакуна. Дворяне, имевшие тот же чин, что и граф Люсьен, носили шпаги, а у него на поясе висел короткий кинжал. Он и в остальном не стремился следовать моде. Хотя и облаченный в расшитый золотом синий жюстокор, знак особо приближенного придворного, он отказался и от кружевного жабо, и от лент. Вместо них он повязал простой шейный платок, заправив его концы в петлицу. Он отрастил короткие усики, точно армейский офицер. На такое нарушение правил решил только Шартр, который до сих пор упивался своими военными победами, однако все прочие придворные были гладко выбриты, под стать королю. Парик на графе Люсьене был каштановый, по военной моде подвязанный на затылке. Ему следовало бы выбрать черный парик, подражая королю, и носить его, опустив крупные локоны на плечи, как предпочитал его величество. Мари-Жозеф полагала, что пользующийся особой королевской милостью граф де Кретьен, конечно, может пренебречь модой, но, одеваясь и причесываясь словно армейский капитан, выглядит нелепо, выставя себя на посмешище.

Опираясь на эбеновую трость, граф Люсьен жестом подозвал шестерых лакеев. Они развернули вдоль причала шелковый алый с золотом ковер, чтобы его величество ненароком не наступил в ил или рыбу требуху.

Придворные выстроились по обеим сторонам персидского ковра, улыбаясь и скрывая зависть к графу Люсьену, заслужившему милость и доверие монарха.

Мари-Жозеф внезапно поняла, что стоит совсем рядом с королевской каретой, которую заслоняли от нее только ближайšie члены семьи его величества. Мадам прошествовала мимо Мэна, его супруги и брата, настаивая на том, что ее семья по положению выше внебрачных детей его величества, хотя и признанных королем.

Граф Люсьен приказал принести портшезы. Четверо носильщиков в королевских ливреях поспешно доставили крытые носилки его величества, еще четверо – портшез мадам де Ментенон.

Граф Люсьен распахнул дверцу королевской кареты.

У Мари-Жозеф неистово застучало сердце. Она могла почти дотронуться до короля, их разделяла только каретная дверца, с которой на нее бесстрастно взирали золотой лик солнца. Вот промелькнул темно-коричневый рукав, белые перья на шляпе, красные высокие каблуки лакированных башмаков. Его величество ответил на приветственные крики подданных.

² *Иностранный принц* (фр. prince étranger) – до 1789 г. титул французского аристократа, имевшего право на тот или иной европейский трон.

Какой-то оборванец протиснулся сквозь толпу.

– Хлеба! – крикнул он. – Нас душат твои налоги, мы умираем с голоду!

Мушкетеры прищипорили коней, намереваясь схватить наглеца. Земляки поскорей утащили его с глаз долой, и он исчез в толпе. Отчаянные крики бунтаря стихли, напоследок он пробормотал приглушенное проклятие. Король не удостоил эту сцену вниманием. Следуя примеру его величества, все притворились, будто ничего не произошло.

Его величество сел в портшез, даже не ступив на землю или на персидский ковер.

Во втором портшезе устроилась мадам де Ментенон, бледная и бесцветная, в черном платье, с незатейливо убранными волосами. Ходили слухи, что, когда король тайно обвенчался с нею или, как полагали некоторые (и была убеждена мадам), сделал ее своей любовницей, она была необычайно хороша собой и необычайно остроумна. «Интересно, – думала Мари-Жозеф, – ей делают комплименты в надежде на благосклонность?» Насколько знала Мари-Жозеф, мадам де Ментенон не искала ничьей благосклонности, уповая лишь на короля и Господа Бога, каковых она не разделяла, а ее благосклонностью пользовался всего один придворный, герцог дю Мэн, которого она любила как сына.

Граф Люсьен возглавил маленькую процессию из двух портшезов, двинувшуюся по деревянному настилу к причалу. Он немного прихрамывал, глухо отбивая тросточкой ритм по персидскому ковру.

Носильщики отнесли портшез мадам де Ментенон в сторону, ожидая, когда можно будет стать на полагающееся ей место в процессии, ведь тайная супруга короля носила всего лишь титул маркизы.

Придворные попарно развернулись, следуя за королем: первым прошествовал овдовевший великий дофин, монсеньор, единственный законнорожденный прямой наследник его величества. Маленькие сыновья монсеньора, герцог Бургундский, герцог Анжуйский, герцог Беррийский, шли тотчас за ним.

Месье и мадам, Шартр и мадемуазель д'Орлеан, Лоррен и Мари-Жозеф вступили в череду придворных, следовавших за королем в строгом соответствии с титулом. Одна Мари-Жозеф была здесь лишней. Она ощущала одновременно благодарность к мадам и неловкость, ведь это было грубым нарушением этикета, а когда Мари-Жозеф проходила мимо герцогини Мэнской, та бросила на нее злобный взгляд.

Королевский галеон покачивался на волнах у дальнего конца причала с убранными парусами, его тяжелые снасти поскрипывали. С кормы словно срывались сияющие золотом солнечные кони Аполлона, и движение корабля вселяло в них призрачную жизнь.

Легкий ветерок донес из гавани запах соли и водорослей. Королевский штандарт затрепетал было на мачте, а потом снова вяло опал в жарком воздухе. Матросы стали выгружать на причал вещи Ива: ящики со снаряжением, мешки и сумы, зловещий сверток, смутно напоминавший тело в саване.

Ив стремительно сбежал по сходням. Мари-Жозеф тотчас его узнала, хотя, когда они расстались, он казался наивным неотесанным юнцом. Теперь перед нею был взрослый мужчина, красивый, элегантный и суровый в своей длинной черной рясе. Ей хотелось кинуться к нему навстречу через весь причал, броситься на шею, но Сен-Сирская школа и Версаль научили ее обуздывать чувства.

Шестеро матросов медленно спустились по сходням, склоняясь под тяжестью сети, которую они несли на шестах. В сети покачивалась позолоченная ванна. Дойдя до оконечности узкого настила, Ив положил руку на край ванны, останавливая ее колебания. К нему присоединился капитан галеона, и вместе они двинулись вдоль причала. Ив не выпускал края ванны, то ли оберегая ее содержимое, то ли не желая и на миг с ним расстаться.

И тут в небе, над головой собравшихся, поплыла пленительная мелодия, пропетая чьим-то нежным голосом. Ее прелесть, столь неожиданная в это мгновение и в этом месте, ошело-

мила Мари-Жозеф. Никто в королевской свите не осмелился бы запеть здесь и сейчас, не получив приказа его величества. Наверное, запел кто-то из команды галеона, кто-то, кто выучил этот прекрасный мотив в чуждадных краях.

Ив подошел ближе. Он опустил руку в ванну, глубоко под воду. Песня внезапно смолкла, и воздух взорвался рычанием и фырканием.

Придворные тесно обступили портшез его величества. Мари-Жозеф оказалась в толпе рядом с мадам, и та незаметно пожала ей руку.

– Ваш брат вернулся, все хорошо, все опасности позади, – прошептала мадам. – Остальное не важно.

– Он вернулся, все опасности позади, и он доказал свою правоту, – едва слышно произнесла Мари-Жозеф на ухо мадам. – Вот что было важно моему брату.

Ив и матросы приблизились к королю и остановились у самого края персидского ковра. Матросы не ступили на ковер; носильщики не сошли с него на доски настила.

– Отец де ла Круа... – произнес граф Люсьен.

– Месье де Кретьен... – откликнулся Ив.

Они обменялись поклонами. Ив тщетно пытался скрыть гордость и торжество за деланным бесстрашием. Он обвел взглядом придворных Людовика. Они собрались здесь, на грязном причале, словно в Мраморном дворе Версаля, ради него, Ива. Мари-Жозеф улыбнулась: ей льстило, что брат занял высокое положение королевского натурфилософа, исследователя и путешественника. Она ожидала, что он улыбнется ей в ответ, отметив, возможно с удивлением, что она тоже добилась успеха в Версале за столь малое время.

Однако Ив оглядел собравшихся аристократов, даже не задержавшись взглядом на Мари-Жозеф. Мадам протиснулась вперед, потянув за собой Мари-Жозеф, чтобы получше рассмотреть, что же таится в ванне.

Вновь зазвучала песня, сначала это был шепот, но постепенно он перерос в крик, вопль отчаяния и ужаса. Мари-Жозеф поежилась.

Существо в ванне неистово забилося, обдав брызгами Ива и вздрогнувших от страха матросов. Загадочное создание стало судорожно срывать спеленавшую его парусину.

Граф Люсьен отворил дверцу портшеза. Его величество выглянул наружу. Придворные склонились в глубоком поклоне, дамы сделали реверанс. Мужчины обнажили голову. Мари-Жозеф тоже присела в реверансе, зашуршав шелковыми юбками. Даже матросы попытались поклониться, хотя держали тяжелую ношу и не имели никакого представления об этикете. Загадочная тварь снова вскрикнула, а когда ванна качнулась и покосилась, пряди ее иззелена-черных волос взметнулись через край.

– Оно живое, – констатировал Людовик.

– Да, ваше величество, – подтвердил Ив.

Ив отвернул лоскут промокшей парусины. Тварь, обезумев, забилась, обдав водой шелковый сюртук Людовика. Людовик отстранился, поднеся к лицу ароматический шарик. Ив снова закрыл загадочное существо.

Его величество обернулся к капитану:

– Мы удовлетворены.

Король откинулся на спинку кресла, скрывшись от глаз. Граф Люсьен закрыл дверцу, и носильщики быстрым шагом понесли портшез прочь. Мари-Жозеф снова сделала реверанс. Придворные расступились, кланяясь, когда мимо них проплывал портшез.

Граф Люсьен вручил небольшой, туго набитый кожаный мешочек капитану галеона. Граф кивнул Иву и отправился следом за королевским портшезом.

Капитан развязал тесемки кошель, высыпал золотые монеты на ладонь и рассмеялся от счастья. Граф Люсьен вознаградил его пригоршней луидоров – золотых монет, отчеканенных в честь короля. Для человека его положения это было целое состояние.

– Благодарю вас, ваше величество! – крикнул капитан вслед удалявшемуся портшезу. – Благодарю вас, королевский шут!

Придворные ахнули. Шевалье де Лоррен усмехнулся и, наклонившись, что-то прошептал на ухо местье, а тот поднес к лицу ароматический шарик и кружевной платок, чтобы скрыть злорадную улыбку.

Граф Люсьен не ответил, хотя, должно быть, расслышал издевку. Его трость приглушенно постукивала по ковру, пока он взбирался по настилу на набережную.

Ив в ярости схватил капитана за плечо:

– Замолчите сейчас же! Это его превосходительство Люсьен де Барантон, граф де Кретьен!

– Нет! – со смехом возразил капитан, покачав головой. – Вот теперь вы изволите шутить, отец де ла Круа. – Он поклонился. – Выгодное было дельце. Я к вашим услугам в любое время, даже если опять захотите половить русалок.

Он зашагал обратно к галеону.

Мадам слегка подтолкнула Мари-Жозеф:

– Поздоровайтесь с братом.

Мари-Жозеф поблагодарила, сделав реверанс, подхватила шелковую юбку, оберегая ее от поблескивающей зловонной рыбьей чешуи, и бросилась к Иву. Он по-прежнему словно ее не замечал.

Мари-Жозеф невольно приостановилась. «Неужели он сердится? – подумала она. – Как такое возможно? Вот у меня есть причины на него злиться, а я же не злюсь!»

– Ив?..

Ив взглянул на нее и удивленно поднял темные, красиво изогнутые брови:

– Мари-Жозеф?

Выражение его лица мгновенно потеплело. Только что перед нею стоял сосредоточенный, суровый, аскетический иезуит, целиком принадлежавший миру взрослых, и вот он уже опять превратился в ее старшего брата, и его охватила безудержная радость. В три шага преодолев разделявшее их расстояние, он обнял ее, оторвав от земли, и закружил в воздухе, как маленькую девочку. Она обхватила его за плечи, прижавшись щекой к черной шерстяной материи.

– Я тебя с трудом узнал, какое там, просто не узнал! Ты совсем выросла!

Она хотела сказать ему так много, что решила молчать от страха, вдруг выпалит все сразу, путано и бессвязно. Он опустил ее на землю и стал пристально вглядываться в нее. Она улыбнулась, смотря на него снизу вверх. Когда он улыбался, на лице у него обозначались светлые незагорелые морщинки. Его кожа от загара стала совсем смуглой, а ее – сделалась светлой и почти обрела модную бледность. Его черные волосы в беспорядке ниспадали на плечи – в отличие от большинства мужчин при дворе, он не носил парика, – в то время как ее непослушные золотисто-рыжие кудри были укрощены с помощью шпилек и щипцов и искусно уложены аккуратными локонами под проволочным каркасом и кружевными оборками фонтанжа – модного головного убора.

А вот глаза у него были все те же, прекрасные, ярко-голубые.

– Брат, милый, вид у тебя чудесный, – наверное, путешествие пошло тебе на пользу.

– Ну что ты, сплошь тяготы и морская болезнь, – возразил Ив. – Но я был так занят, что и времени страдать не оставалось.

Он обнял ее за плечи и повел к позолоченной ванне. Таинственное создание билось в своей темнице, оглашая окрестности воплями.

– Несите на набережную, – приказал Ив матросам.

Те торопливо зашагали вдоль причала. Их обнаженные татуированные руки напряглись под тяжестью ванны с водой и загадочной добычей Ива. Мари-Жозеф попыталась заглянуть

в ванну, но мокрая парусина скрывала от глаз ее обитателя. Она прижалась к Иву, обвив его рукой за талию. У нее еще будет время как следует рассмотреть морское чудовище.

Они шли меж рядами придворных. Все без исключения, даже мадам, месье и принцы и принцессы королевской крови, силились разглядеть существо, которое Ив поймал для короля.

А еще, поравнявшись с Ивом, мужчины притрагивались к полям шляп, а дамы делали реверансы.

Удивленный, Ив на мгновение растерялся. Мари-Жозеф хотела было незаметно толкнуть его локтем в бок, чтобы напомнить ему, своенравному и капризному, о правилах хорошего тона. Мальчиком он всегда уделял больше внимания своей коллекции птиц, чем своим манерам.

К удивлению и восторгу Мари-Жозеф, Ив поклонился месье и мадам с грацией истинного придворного и сдержанностью, приличествующей его сану.

Мари-Жозеф присела в реверансе перед месье, поднесла к губам и поцеловала край платья мадам. Тучная герцогиня милостиво улыбнулась ей и кивнула в знак одобрения.

Ив поклонился членам королевской семьи и прошел меж двумя рядами придворных, с достоинством отвечая кивками на их приветствия.

Посередине причала, меж герцогами и герцогинями, графами и графинями, Мари-Жозеф и Ив догнали второй портшез. Его окна были плотно закрыты, а занавеси за стеклом – задернуты. Бедную мадам де Ментенон, которой вменялось в обязанность всего лишь сопровождать короля из Версаля в Гавр, нисколько не интересовала загадочная морская тварь и торжествующий охотник, сумевший ее пленить.

– Жаль, что я не смогла пойти с тобой в плавание! – вздохнула Мари-Жозеф. – Вот бы мне увидеть морских чудовищ на воле!

– Что ты, мы только мерзли, мокли и мучились от морской болезни, а еще чуть было не утонули во время урагана. Если бы ты была на борту, во всех этих злоключениях обвинили бы тебя – есть поверье, что женщина на военном корабле приносит несчастье.

– Что за глупый предрассудок! – возмутилась Мари-Жозеф. Плавание с Мартиники во Францию было сопряжено со многими неудобствами, но просто вскружило ей голову.

– Тебе куда более пристала жизнь в стенах монастыря.

У Мари-Жозеф перехватило дыхание. Да как он смеет?! Да что он знает о монастырской школе?! А если бы знал, то не обрек бы ее на несколько лет прозябания в скуке монотонной череды дней, в одиночестве и тоске.

– Я так по тебе скучала, – произнесла она. – Я волновалась!

– Каждый раз, вспоминая тебя, я мысленно слышал твои чудесные мелодии. Ты все еще сочиняешь музыку?

– В Версале нет места композиторам-дилетантам. Но ты скоро услышишь то, что я сочинила в последнее время, обещаю.

– Я так часто воображал тебя... Но не в таком платье.

– Тебе не нравится?

– Оно очень вызывающее.

– Оно вполне благопристойно, – возразила она, решив не упоминать о своей первой реакции на туго стянутую талию и глубокое декольте. Когда она впервые надела роброн, она еще ничего не знала о придворных обычаях.

– Сестре священника не подобает являться на людях в таком платье.

– Являться на людях в таком платье не подобает бедной уроженке колоний. Но ныне ты – королевский натурфилософ, а я – фрейлина мадемуазель. Мне положено ходить в роскошном платье.

– А я-то думал, – посетовал Ив, – что ты вдали от всех соблазнов преподаешь арифметику в монастырской школе.

Они медленно поднялись с причала на набережную.

– Я не могла остаться в Сен-Сире, – стала оправдываться Мари-Жозеф, – ведь все наставницы должны принимать монашество.

Ив с удивлением поглядел на нее:

– Но разве это – не лучший жребий?

Она чуть было не сказала резкость, но от необдуманного ответа ее спас отъезд короля. Его величество как раз садился в карету, и Мари-Жозеф, Ив и все придворные склонились в поклоне. Карета покатила по мощеной улице в сопровождении эскорта мушкетеров. Вслед за нею с криками «ура!», воплями, мольбами устремились оборванные, истощенные горожане.

Мари-Жозеф огляделась в надежде, что шевалье де Лоррен снова подаст ей руку, но он сел в карету месье. Другие придворные поспешили к своим коляскам и верховым лошадям, и вот уже по булыжнику зацокали подковы, загрохотали колеса, и вся процессия двинулась за монархом.

На опустевшей набережной остались только граф Люсьен, несколько мушкетеров, королевский голубятник, несколько грузовых повозок и простой экипаж.

Голубятник бросился навстречу своему помощнику, который едва тащился по причалу вместе с носильщиками, сгибаясь под тяжестью нагроможденных друг на друга плетеных клеток, по большей части пустых. Голубятник принял у него клетки с оставшимися голубями.

– Поставьте ванну сюда, – велел Ив матросам, указав на первую повозку. – Осторожно!

– Я хочу посмотреть... – начала было Мари-Жозеф.

Мимо прогрохотали по мостовой последние кареты.

Испугавшись шума, криков и шелканья кнутов, морская тварь забилась и завопила. От ее дикого звенящего вопля Мари-Жозеф в ужасе осеклась, а ломовые лошади чуть было не понесли.

– Осторожно! – снова воскликнул Ив.

Мари-Жозеф вытянула шею, пытаясь заглянуть за край ванны.

– Тише, тише, все хорошо! – стала уговаривать она.

Тварь пронзительно вскрикнула.

Матросы уронили ванну. Шесты и сеть попадали внутрь. На мостовую хлынула вода. Морская тварь застонала. Матросы бросились к галеону. Навстречу им шли голубятники: старший – нежно держа птиц огромными грубыми ручищами, посадив их на голову и на плечи, младший – таща пустые клетки. Матросы чуть было не сбили их с ног: младший уронил клетки, старший принялся поспешно прятать своих питомцев за пазуху.

– Вернитесь сейчас же! – надрывался Ив.

Матросы не подчинились. Их товарищи, которым были поручены другие грузы Ива, побросали ящики, суммы и тело в саване и тоже кинулись на корабль.

Глядя на расстроенное лицо Ива, Мари-Жозеф изо всех сил старалась не рассмеяться. Возчики с трудом удерживали лошадей и не могли грузить вещи, а мушкетеры не хотели: нести тяжести было ниже их достоинства и не входило в их обязанности. И разумеется, нельзя было рассчитывать на помощь графа Люсьена.

Разозлившись, Ив упрямо пробовал поднять ванну. Ему едва удалось оторвать от земли один угол. Какие-то мальчишки в лохмотьях, отставшие от толпы зевак, забрались на каменную стену и оттуда стали осыпать его насмешками.

– А ну, хватит!

Услышав приказ графа Люсьена, сорванцы затихли. Они соскочили со стены и хотели было броситься врассыпную, но он заговорил с ними неожиданно мягко и бросил каждому по монетке.

– Вот тебе су. И тебе. И тебе... Выполните, что вам скажут, – получите еще. Помогите отцу де ла Круа погрузить вещи.

Мальчишки наперегонки кинулись к Иву, готовые делать, что он велит. Грязные, оборванные, босые, они нисколько не страшились стонов морской твари. Возможно, им приходилось работать за хлебную корку. Они подняли ванну на первую повозку, вещи – на вторую, а тело в саване опустили на повозку, наполненную колотым льдом.

«Образец для препарирования, – решила Мари-Жозеф. – Мой хитренький братец поймал одну русалку для короля, а другую – для себя».

– Ив, поедem со мной, – попросила она.

– Не могу, – ответил он, взбираясь на первую повозку. – Я не вправе оставить эту тварь.

Разочарованная, Мари-Жозеф направилась к скромному экипажу. Лакей распахнул дверцу. Граф Люсьен, привстав на цыпочки, галантно помог войти. Ее удивило, насколько сильная у него рука. Пальцы у него оказались не короткие, как она ожидала, а непропорционально длинные. Он носил изящные замшевые перчатки. «Интересно, позволит ли он нарисовать свои руки?» – подумала она.

Ей очень хотелось узнать, почему он задержался на набережной. Ей было неловко разговаривать с ним, ведь он занимал высокое положение, а она – никакого. И если уж быть честной, она не знала, *как* с ним говорить – склонившись или глядя на него сверху вниз, с высоты ее роста. Она разрешила для себя этот вопрос, забравшись в экипаж.

– Благодарю вас, месье де Кретьен, – произнесла она.

– Не стоит благодарности, мадемуазель де ла Круа.

– Вам удалось увидеть морское чудовище?

– Я равнодушен к уродливым порождениям природы, достойным кабинетов редкостей, мадемуазель де ла Круа. Прошу извинить меня, я спешу.

Мари-Жозеф сделалось жарко от смущения. Она невольно оскорбила графа Люсьена и подозревала, что он не останется в долгу.

Граф что-то сказал своей серой арабской лошади. Та стала на колени, согнув передние ноги. Граф Люсьен вскарабкался в седло. Лошадь вскочила, на мгновение утратив всю свою грацию. Взметнув хвост султаном, она поскакала галопом, унося графа Люсьена вслед за его повелителем.

Глава 2

Версальский парк озарился лучами заката. Прибывающая луна приближалась к зениту. Почувствуй стояла, упряжные лошади резвее побежали сквозь лес по накатанной грунтовой дороге.

Мари-Жозеф прислонилась головой к стенке экипажа. Как жаль, что она не смогла поехать с мадам в переполненной карете месье. Мадам бы непрерывно отпускала шутки по поводу сегодняшнего путешествия. Месье и Лоррен занимали бы ее любезной и остроумной болтовней. Шартр скакал бы рядом с каретой и рассказывал ей о своих последних химических экспериментах, ведь она была единственной женщиной, а то и вовсе единственным человеком при дворе, способным понять, о чем он говорит. Его супруга, разумеется, не понимала, да и не разделяла его интересов. Герцогиня Шартрская всегда поступала, как считала нужным. Сегодня, например, она не сочла нужным покинуть парижский Пале-Рояль вместе со свитой его величества, своего отца.

Если бы с Мари-Жозеф заговорил Шартр, то к ним вполне мог бы присоединиться и герцог дю Мэн. А потом и внук короля герцог Бургундский, и его маленькие братья потребовали бы, чтобы им разрешили поучаствовать в беседе.

Мэн, как и Шартр, был женат; герцог Бургундский был еще отроком, а его братья – детьми. Кроме того, по своему положению они неизмеримо превосходили Мари-Жозеф. Знаки их внимания не могли вылиться во что-то более серьезное.

Тем не менее Мари-Жозеф наслаждалась их обществом.

Соскучившись в одиночестве, устав от езды в тесном экипаже, Мари-Жозеф выглянула из окна. Здесь, вдалеке от резиденции его величества, никто не следил за привольными, широко раскинувшимися лесами. Подлесок усеяли упавшие ветки. Хрупкие побеги папоротника склонились над самой дорогой. Закат окрасил все вокруг приглушенным золотисто-алым цветом. Если бы она ехала верхом, одна, то остановилась бы послушать шум леса, птичьи песни в сумерках, понаблюдать за плавным полетом летучих мышей, трепещущих крыльями. Но экипаж все катился навстречу сгущающейся тьме, а кучер, слуги и даже ее брат не слышали таинственной музыки.

Подлесок исчез, деревья сделались реже, ветви уже не усеивали землю. По такому укропленному, не таящему опасностей лесу охотники могли нестись, не разбирая дороги. Мари-Жозеф вообразила, как скачет по узенькой петляющей тропке за королевской свитой, преследующей оленя.

И тут вечерний лес пронзил неистовый, бешеный крик. Мари-Жозеф невольно схватилась за дверцу и край сиденья. Лошади испуганно шарахнулись, фыркнули и бросились вперед. Экипаж накренился. Измученная упряжка кинулась прочь от невыносимого звука. Кучер закричал и натянул вожжи, сдерживая лошадей.

Тигриний рык в зверинце его величества разбудил и взволновал всех остальных экзотических животных. Затрубил слон, заурчал и зарычал лев, заревели дикие быки.

Дерзко и яростно запела морская тварь.

При звуках этой завораживающей, мрачной мелодии у Мари-Жозеф учащенно забилося сердце. Щебет и трели, чередующиеся вскриками, показались ей столь же чувственными, страстными, первозданными, как орлиный клекот. Ухоженные версальские леса скрывали те же загадочные тени, что непроходимые тропические заросли Мартиники.

Морская тварь снова вскрикнула. Зверинец умолк. Морская тварь оборвала песню, прошептала что-то и затихла.

Экипаж с грохотом обогнул поперечный рукав Большого канала. Над водой его клубился призрачный туман; невысокие волны с плеском набегали на борта многочисленных маломерных судов его величества, стоявших на причале. Под колесами захрустел гравий Королевской

аллеи; повозки свернули с Королевского проезда к фонтану Аполлона. Экипаж Мари-Жозеф двинулся прямо, к Версалию и окружающим его регулярным паркам.

– Кучер!

– Тпру!

Мари-Жозеф выглянула из окна. В ночном воздухе ощущалось густое, жаркое дыхание усталых лошадей. В опустевших садах царила непривычная тишина, фонтаны не журчали.

– Пожалуйста, поезжайте следом за моим братом!

– Но, мамзель...

– А потом будете свободны целый вечер...

– Да, мамзель!..

Он развернул лошадей.

Ив перебежал от одной повозки к другой, пытаясь руководить двумя группами рабочих одновременно.

– Так, вы, – возьмите ванну! Она тяжелая. Осторожно! Эй, вы! Не трогайте лед!

Мари-Жозеф распахнула дверцу экипажа. К тому времени, как усталый лакей соскочил с запяток, чтобы помочь ей, она уже бежала к повозкам.

Над фонтаном Аполлона был раскинут гигантский шатер. Внутри мерцали свечи, освещающая шелковые стенки. Шатер сиял, словно огромный фонарь.

Целые ряды свечей, расставленных по краям Зеленого ковра, проливали мягкий рассеянный свет на дорожку, ведущую по холму к Версалию. Этот широкий ровный газон, обрамленный посыпанными гравием дорожками и мраморными статуями богов и героев, словно делил парк пополам, простираясь между фонтаном Аполлона и фонтаном Латоны.

Мари-Жозеф, придерживая юбки, кинулась к повозкам. Ив разрывался между ванной, обителью чудовища, и саваном во льду.

– Мари-Жозеф, не позволяй им трогать образец, пока я не вернусь! – небрежно бросил Ив через плечо, как будто ничего не изменилось, как будто он не вступил в орден иезуитов и они по-прежнему жили на Мартинике, она по-прежнему вела его хозяйство и ассистировала во время опытов.

Ив бросился в шатер. С шелкового полога бесстрастно взирал солнечный лик – эмблема короля. Двое мушкетеров развели полог в стороны, пропуская Ива.

– Осторожно уберите лед, – велела рабочим Мари-Жозеф. – Перенесите тело.

– Но отец де ла Круа приказал...

– А теперь приказываю я.

И все-таки рабочие колебались.

– Вдруг мой брат забудет об этом образце до утра? – предположила Мари-Жозеф. – Тогда вы прождете всю ночь.

Они неохотно, но безропотно повиновались и стали убирать лед с закутанного в саван тела. Осколки льда со звоном посыпались наземь. Мари-Жозеф внимательно следила, чтобы рабочие не повредили образец. Она помогала Иву и прежде, когда была маленькой девочкой, а он – мальчиком-подростком и оба они учили латынь и греческий, читали наивного старца Геродота и Галена, штудировали Ньютона. Разумеется, Ив всегда первым выбирал то, что ему по душе, но никогда не возражал, если она норовила улизнуть, захватив Ньютоновы «Principia»³, или спала, держа их под подушкой. Мари-Жозеф очень опечалила пропажа книги господина Ньютона, она мечтала разыскать еще один экземпляр и гадала, не открыл ли он за

³ Речь идет о латинском трактате Исаака Ньютона «Philosophiæ Naturalis Principia Mathematica» (1687) (русское название – «Математические начала натуральной философии»), в котором сформулирован закон всемирного тяготения и основы классической механики.

последние пять лет новые закономерности движения планет, не дал ли новое объяснение природы света или силы тяготения.

Рабочие подняли закутанное в саван тело. Осколки льда посыпались на гравийную дорожку. Мари-Жозеф направилась вслед за рабочими в шатер. Ей не терпелось как следует разглядеть морскую тварь, живую или мертвую.

Фонтан Аполлона и прилегающий участок земли скрывал огромный шатер. Под шатром фонтан окружала стальная клетка. В этом новом узилище из воды вздымался, знаменуя рассвет, Аполлон на золотой колеснице, запряженной четверкой солнечных коней, а дельфины и трубящие в раковины тритоны возвещали о наступлении утра.

«Странно, – подумала Мари-Жозеф, – Аполлон мчится с запада на восток, против солнца».

От края каменного бассейна к деревянному помосту на уровне воды вела лестница из трех низких, широких ступеней. Шатер, клетка, лестница и настил были установлены для удобства Ива, но загораживали вид на колесницу Аполлона.

У самого входа в клетку на настиле из прочных, гладко оструганных досок стояло лабораторное оборудование. Перед этой импровизированной лабораторией были расставлены несколько табуретов, два кресла и целый ряд канапе.

– Можете положить образец на стол, – сказала рабочим Мари-Жозеф.

Они послушно исполнили указание, явно радуясь, что наконец избавятся от смердевшей зловещей ноши.

В черной рясе, высокий и изможденный, у входа в клетку стоял Ив. Рабочие попытались поставить ванну на край бассейна.

– Осторожно, не уроните, ставьте, ставьте!

Морская тварь закричала и забилась. Дно ванны заскрежетало по камню. Один из рабочих громко выругался, другой, бросив испуганный взгляд на Ива, пихнул товарища локтем в бок. Мари-Жозеф хихикнула, прикрываясь ладонью. Хотя Ив и был священнослужителем, брань его не смущала.

– Осторожно спускайте ее по ступенькам, тихо, плавно! А теперь под воду!

Ванна со стуком запрыгала вниз по ступенькам, но в конце концов рабочие установили ее на помосте. Ив опустил рядом с ней на колени и стал аккуратно распутывать скрывавшую ее сеть. Не в силах сдержать любопытство, Мари-Жозеф кинулась к нему. Ее шелковая нижняя юбка зашуршала по гладким доскам лабораторного помоста, словно по мрамору Зеркального зала Версаля.

Не успела она добежать до клетки, как полог шатра снова раздвинулся. Вошел рабочий с ведром свежей рыбы и водорослей, поставил его на пол у самой двери клетки и поспешно ретировался. Другие рабочие втащили лед и бочку опилок.

Не удовлетворив любопытства, Мари-Жозеф вернулась к образцу для вскрытия. Она хотела было развернуть саван, но передумала, пожалев усталых, испуганных рабочих.

– Вы, двое, обложите тело льдом, а лед присыпьте опилками. Остальные принесите из повозок оборудование отца де ла Круа.

Они повиновались, стараясь как можно реже прикасаться к морской твари: от нее исходил резкий запах противогнилостного раствора и смрад разложения.

«Иву придется поспешить со вскрытием, – сказала себе Мари-Жозеф. – Иначе будет препарировать скелет с остатками сгнившей плоти».

Мари-Жозеф привыкла к таким запахам за годы, что она ассистировала брату в экспериментах и исследованиях. И словно бы не ощущала зловония. А вот рабочие старались не дышать глубоко и время от времени с несчастным видом бросали испуганные взгляды на Ива и ванну, в которой стонала морская тварь.

Рабочие рассыпали на лабораторном столе поглощающие запах опилки.

– Лед нужно приносить каждый день, – напомнила Мари-Жозеф. – Не забывайте, это очень важно!

Один из рабочих поклонился:

– Да, мамзель. Месье де Кретьен уже об этом распорядился.

– Можете идти.

Они наперегонки бросились прочь из шатра, не в силах выносить смрад мертвой морской твари и стоны живой. Мари-Жозеф придвинулась ближе, привлеченная печальной песней русалки. Рабочие Ива наклонили ванну к краю помоста, зачерпнув воду. Мари-Жозеф кинулась к фонтану:

– Ив, дай посмотреть...

Когда Ив распустил тугие узлы на парусине, ночь огласил скрежет и скрип водяных насосов. В трубах фонтана что-то забурлило, заворчал, а потом из него хлынула вода. Прозрачные струи взметнулись над фонтаном Аполлона, словно в воздухе выросли королевские лилии. Средняя струя поднялась на такую высоту, что обрызгала потолок шатра. Брызги звенящим дождем упали на колесницу Аполлона, зарыбили по поверхности бассейна, залили морскую тварь. Пронзительно закричав, она забилась, колотя Ива раздвоенным хвостом. Ив отшатнулся:

– Выключите фонтан!

Тварь с рычанием пыталась выбраться из ванны. Ив отпрянул, увертываясь от зубов, когтей и хвоста. Рабочие кинулись выполнять его приказание.

Тварь тяжело соскользнула в воду, совершив побег и оказавшись в новой тюрьме – в фонтане Аполлона.

Мари-Жозеф схватила Ива за руку. Набежавшая волна растеклась вокруг подошв сапог Ива, словно он шел по воде. Полы его рысы намокли.

«Мой брат шествует по водам, – с улыбкой подумала Мари-Жозеф, – пора бы ему научиться не мочить при этом одежду!»

Струи фонтанов взмыли чуть ли не под самый потолок шатра, потом забили вполовину первоначальной высоты, потом забурлили в соплах. Королевская лилия увяла. Скрип насосов внезапно умолк. Ни рябь, ни даже пузырьки не нарушали теперь глади бассейна.

Ив отер лицо рукавом. Мари-Жозеф стояла на две ступеньки выше и почти сравнялась с ним ростом. Она положила руку ему на плечо.

– Ты осуществил свою мечту, – сказала она.

– Надеюсь, что да.

Мари-Жозеф, наклонившись, стала вглядываться в поверхность бассейна. На дне его затаилась какая-то смутная тень, скрываемая отражением свечей в воде.

– Пока она жива, – произнес Ив, – но сколько проживет...

Он обеспокоенно замолчал.

– Даже если совсем недолго – ничего страшного, – успокоила его Мари-Жозеф. – Я хочу ее увидеть! Позови ее!

– Она не откликнется. Это же неразумная тварь, она меня не поймет.

– Мой кот меня понимает, – похвасталась Мари-Жозеф. – Неужели ты не мог научить ее, за столько-то недель, в море все равно делать нечего!

– У меня не было времени ее дрессировать, – нахмурился Ив. – Она отказывалась есть, мне пришлось кормить ее насильно! – Он сложил руки на груди, гневно воззрившись на прозрачную воду. Морская тварь покачивалась в воде, безмолвная, притихшая. – Однако я исполнил желание его величества. Сделал то, что не удавалось никому за последние четыреста лет. Я поймал русалку и живой доставил ее на сушу.

Мари-Жозеф склонилась ближе к воде, пытаясь разглядеть морскую тварь. Тело у нее оказалось длинное, куда длиннее и стройнее, чем у дельфинов, резвившихся у берегов Мартиники. Вокруг ее головы клубились под водой спутанные волосы.

– Слыханное ли дело – рыба с волосами! – воскликнула она.

– Она не рыба, – возразил Ив. – Она дышит воздухом. Если она не вынырнет подышать...

Он отошел по настилу от края бассейна и спустился на землю. Мари-Жозеф осталась, не сводя глаз с пленницы.

Морская тварь в ответ уставилась на нее горящими, жутковатыми глазами, в которых отражался свет, и развела руками, показав снабженные плавательными перепонками кисти.

На нее упала тень Ива. Она отплыла на дно бассейна, прикрыв золотистые глаза. Ив стиснул стрекало.

– Пусть только попробует у меня утонуть.

Он уколол русалку, надеясь, что она зашевелится, чтобы избежать боли.

– А ну, плыви! Проклятье, давай всплывай!

Ее волосы в воде напоминали раскрытый веер. Плавники раздвоенного хвоста дрогнули. Тварь поежилась.

– Хватит, ты же ее пугаешь, ей больно!

Мари-Жозеф стала на колени на краю помоста и опустила руки в воду:

– Иди сюда, не бойся!

И тут перепончатые пальцы морской твари сомкнулись вокруг ее запястий, она кожей ощутила их жар. Острые, точно лезвия ножей, когти прикоснулись к ее рукам, но не вонзились.

Морская тварь увлекла ее на дно бассейна.

Ив закричал и стал колоть русалку стрекалом. Тварь чуть-чуть отплыла, чтобы он не мог до нее дотянуться. Мари-Жозеф, промокшая до нитки, попыталась подняться на ноги, задыхаясь и кашляя. В холодной воде ее юбки всплыли, как лепестки водяной лилии. Она тщетно их одергивала. Нижняя юбка, потерявшая форму, прилипла к ногам, ткань, сделавшаяся жесткой, царапала кожу.

– Скорее, держись за руку...

– Нет, постой...

Морская тварь проскользнула мимо нее, спасаясь бегством, но потом повернула назад, и Мари-Жозеф ощутила под водой прикосновение ее голоса.

– Не пугай ее больше...

Она протянула руку по направлению к русалке:

– Ну плыви ко мне, ну пожалуйста...

– Осторожно, это злобное, свирепое животное...

– Да ты же напугал ее до смерти...

Морская тварь словно дотронулась голосом до кончиков ее пальцев и запела. Трели русалки сплетались над поверхностью воды, словно сгущающиеся клубы тумана. Медленно-медленно, почти не шевеля раздвоенным хвостом, точно неживая, морская тварь подплыла к Мари-Жозеф.

– Русалочка, хорошенькая русалочка, вот и умница...

– Его величество будет здесь с минуты на минуту, – раздался голос графа Люсьена.

Мари-Жозеф ошеломленно оглянулась. Граф Люсьен стоял у края бассейна. Он незаметно и бесшумно вступил в шатер, пересек лабораторный помост и вошел в клетку. Ив остался внизу, на помосте, вровень с водой, а граф Люсьен наверху, на краю фонтана; так они стояли лицом к лицу.

Напротив мушкетеры развели полог. По Зеленому ковру к Аполлону двигалось факельное шествие.

– Я еще не готов предстать перед его величеством, – возразил Ив.

Мари-Жозеф снова искала глазами морскую тварь. Та замерла; совсем близко, еще чуть-чуть, и девушка могла бы до нее дотянуться, но тогда она метнулась бы в сторону – ни дать ни взять пугливый жеребенок, только зеленый.

– Если его величество готов выслушать вас, – промолвил граф Люсьен, – то вы тем более должны быть готовы предстать перед его величеством.

– Да, – сник Ив, – конечно.

Морская тварь вытянула руки, дотронувшись когтями до кончиков пальцев Мари-Жозеф.

– Мадемуазель де ла Круа, – провозгласил граф Люсьен, – в таком виде вы не вправе показываться на глаза его величеству.

Мари-Жозеф ахнула при мысли, что ее облик мог оскорбить взор короля. Придерживая отяжелевшие, намокшие юбки, она неловко двинулась к помосту по неровному дну бассейна, спотыкаясь на высоких каблуках.

Морская тварь закружилась вокруг нее, отрезая ей путь к отступлению и внезапно вынырнула, взметнувшись вверх перед самым ее лицом и судорожно глотая воздух. Мари-Жозеф не могла оторвать от нее глаз, потрясенная и очарованная. Русалка, подняв фонтан брызг, упала в воду и замерла, в свою очередь не сводя глаз с девушки.

Хотя руки и кисти у нее были похожи на человеческие, она казалась уродливее любой обезьяны. Ее раздвоенный хвост непрестанно свивался кольцами и бил по воде. Меж длинными пальцами виднелись перепонки, а сами пальцы украшали мощные острые когти. Длинные, спутанные прямые волосы ниспадали на спину и плечи, полускрыв настоящие женские груди – широкие и отвисшие, с маленькими темными сосками. Под водой ее грубую, цвета красного дерева кожу осыпали бисерные пузырьки, переливающиеся в свете свечей.

Морская тварь не мигая воззрилась на Мари-Жозеф золотистыми глазами, единственно прекрасными во всем ее облике. Безобразная и величественная, словно горгулья на фасаде готического собора, она носила глубокие уродливые рытвины на лбу и щеках, напоминавшие оспины. Нос у нее был приплюснутый, с низкой переносицей, ноздри узкие. Клыки как у хищника выступали над нижней губой.

– Она великолепна. Великолепна и ужасна, – слышался ровный, чарующий голос его величества.

Граф Люсьен и Ив склонились перед монархом в глубоком поклоне. Король, уже в другом костюме, в других кружевах, в другом парике, внимательно разглядывал морскую тварь. Его взор равнодушно скользнул по Мари-Жозеф, король словно бы не заметил ее. Все придворные, от месье и мадам до мадам де Ментенон и августейших внуков, завороченно всматривались вглубь бассейна. Одни искали взглядом русалку, другие же едва ли не с большим изумлением озирали Мари-Жозеф.

Испуганная морская тварь зарычала и нырнула на дно.

Если Мари-Жозеф сейчас выберется из фонтана, ей придется предстать пред взором короля. Из-за столь вопиющего нарушения этикета Лотта может ее уволить. Не исключено, что ей придется покинуть двор. Чувствуя, что вот-вот разрыдается от безысходности и стыда, Мари-Жозеф попятилась, надеясь укрыться в тени, и чуть было не упала, наступив на нижние юбки.

Граф Люсьен бросил наземь шляпу, сорвал с плеч плащ и заслонил Мари-Жозеф от взоров короля.

Надежно укрытая от глаз, Мари-Жозеф замерла, стоя в холодной воде. Морская тварь темной тенью метнулась прочь. Она схватилась за прутья решетки, стала трясти ее, повернулась, гневно хлестнув хвостом, снова подплыла к настилу и чуть-чуть выглянула из воды, так что показались только ее горящие глаза и спутанные темно-зеленые волосы.

Большинство придворных прекрасно видели Мари-Жозеф. Однако ее неожиданное появление в бассейне их совершенно не волновало. Волновала их лишь возможная реакция его величества: что, если это зрелище его оскорбит?

Мадам встретила глазами с Мари-Жозеф и неодобрительно покачала головой, но губы у нее дрогнули, она явно героически сдерживала улыбку. Месье тактично отвел взгляд, а вот Лоррен воззрился на нее без всякого стеснения. Он улыбнулся. Она поспешно обхватила себя руками, смущенная тем, что предстала в столь неприглядном облике перед столь блестящим придворным.

«Мне кажется, я тоже сейчас рассмеюсь, – пронеслось в голове у Мари-Жозеф. – Если до того не умру от холода».

– Вы оправдали наше высокое доверие, отец де ла Круа. – Его величество вышел к Иву на помост, но не переступил за край фонтана. – Подумать только, живая русалка!

– Ваша русалка, – почтительно поправил Ив.

– Месье Бурсен, что вы скажете? – спросил Людовик. – Украсит ли сие чудище наше торжество?

Месье Бурсен, в невзрачном жюстокоре, каковой ему полагалось носить в соответствии с низким статусом при дворе, бросился на зов. Он поклонился, потирая руки, высокий, тощий, мертвенно-бледный и безобразный, – точь-в-точь ангел смерти.

– А она доживет до празднества? Она не отказывается есть?

Бурсен заглянул за край бассейна. Морская тварь кружила вокруг статуи Аполлона, напевая печальную мелодию.

– Она почти не принимает пищи, – сообщил Ив.

– Значит, вы должны ее откормить.

– Вы же иезуит, – с жаром напомнил ему Людовик. – Где же ваши хваленые хитрость и красноречие? Заставьте ее есть.

Морская тварь вновь вцепилась в прутья клетки и принялась трясти их, подняв сноп брызг.

– Прикажите ей перестать, – взмолился месье Бурсен, – не то ее мясо испортится!

Мари-Жозеф ужасно хотелось успокоить русалку, но она не решилась подать голос из-за спасительного графского плаща.

– Не могу, – возразил Ив. – Это дикое животное, оно не слушается человека.

– Она успокоится, – предположил Людовик, – когда привыкнет жить в неволе.

Его величество спустился на землю, постукивая по деревянным ступеням высокими каблуками. Ив и месье Бурсен последовали за ним.

– Месье де Крегьен, – любезно обратился Людовик к графу Люсьену.

– Ваше величество?

– Мадемуазель де ла Круа, – воззвал к Мари-Жозеф Людовик, уже выйдя из клетки, но так и не оборачиваясь.

У Мари-Жозеф перехватило дыхание.

– Д-да, ваше величество?

– Вы что же, дожидаетесь, пока вам не нанесет визит Аполлон?

Придворные рассмеялись, а Мари-Жозеф покраснела, уловив смысл шутки. Смех постепенно стих.

– Н-нет, ваше величество.

– Тогда выходите оттуда немедленно, а не то заболаете.

– Да, ваше величество.

Она с трудом вскарабкалась на помост. Граф Люсьен по-прежнему скрывал ее от любопытных глаз своим плащом, а теперь, когда она взбиралась по ступенькам, приподнял плащ своей тростью. Если вода в бассейне была холодной, то воздух показался и вовсе ледяным.

Дрожащая, мокрая, она перешагнула через край бассейна, проскользнула мимо придворных и затаилась в тени лабораторного оборудования.

По-прежнему стоя спиной к фонтану, король обратился к мадам де Ментенон:

– Моя дорогая, вам понравилась русалка?

Шевалье де Лоррен прошествовал мимо графа Люсьена и картинным жестом сбросил с плеч длинный темный плащ. Под ним оказался синий жюстокор, такого же цвета, что и у графа Люсьена, но не столь богато отделанный золотыми кружевами. Синий жюстокор был своего рода знаком отличия, свидетельствующим о принадлежности к доверенным лицам короля. Месье не удержался и проводил Лоррена взглядом, не в силах сосредоточить внимание на короле.

– Это создание необычайно безобразно, сир, – откликнулась мадам де Ментенон.

– Не безобразнее дикого вепря, мадам.

Лоррен накинул плащ Мари-Жозеф на плечи. Ее облек подбитый мехом бархат, охватило тепло его тела, объял аромат его духов.

– Благодарю вас, сударь. – У нее стучали зубы.

Лоррен поклонился и занял свое место возле месье. Тот дотронулся до его плеча. В свете свечей сверкнули его бриллиантовые перстни.

– Полагаю, это демон, сир, – промолвила мадам де Ментенон.

– Ваша светлость, это порождение природы, – возразил Ив. – Святая Матерь наша Церковь всесторонне изучила свойства морской твари и причислила ее к животным. Таким, как слон его величества или крокодил его величества.

– Однако, отец де ла Круа, – упрекнул его король, – вы могли изловить и особь попригожее.

Ив подошел к секционному столу, вынудив Мари-Жозеф отступить еще дальше в тень. Граф Люсьен по-прежнему заслонял ее от его величества, а мокрое платье теперь скрывал плащ Лоррена, но локоны неопрятными спутанными прядями облепили лицо. Фонтанж смешно сбился набок, его проволочный каркас до боли врезался ей в затылок, грозя вырвать волосы.

Ив развернул парусину, скрывавшую тело. По доскам настила тоненько застучали осколки льда.

– Все русалки, вне зависимости от пола, одинаково безобразны, ваше величество, – объявил Ив.

Придворные столпились вокруг него, спеша увидеть мертвую русалку. На стене шатра их тени торопливо стеснились вокруг тени брата Мари-Жозеф. Ив нынче был луной при солнце его величества, и другие придворные надеялись, что им тоже перепадет частичка отраженного света.

– От нее исходит смрад, ибо таковы основные соки ее тела.

Мари-Жозеф осторожно выглянула из-за края плаща, которым скрывал ее граф Люсьен. Месье прикрывал нос платком. Мари-Жозеф вполне понимала желание тех, кто не привык присутствовать на вскрытиях, иметь при себе ароматический шарик.

– Не показывайтесь, мадемуазель де ла Круа, – с трудом сдерживая раздражение, посоветовал ей граф Люсьен.

Разумеется, он предпочел бы занять полагающееся ему место рядом с королем. Людовик, со свойственным ему великодушием и тактом, сделал вид, будто не заметил его отсутствия.

Мари-Жозеф сжалась в комочек, снова спрятавшись за спасительным плащом, откуда ей были видны только тени брата, короля и придворных.

– Противогнилостный раствор действительно имеет сильный запах, месье, – подтвердил Ив.

– Признаюсь как на исповеди, – если, конечно, мой духовник простит мне такую неверность.

Тень Людовика кивнула тени отца де ла Шеза, его исповедника, а в голосе его величества послышалась едва заметная насмешка. Отец де ла Шез низко поклонился.

– Признаюсь, я не слишком-то верил вам, отец де ла Круа, – произнес король. – Однако вы обнаружили этих загадочных созданий в неизведанных морях Нового Света. Ваши предположения оправдались.

– Все данные указывали на то, что они собираются именно в этом месте именно в это время, – скромно добавил Ив. – Я всего-навсего оказался первым, кто сличил все свидетельства прошлого. Русалки избрали своей обителью уединенный остров Эксума, где им не грозит никакая опасность и где они встречаются, когда июньское солнце проходит над глубокой океанской впадиной. Там они совокупляются без разбору, как неразумные животные.

Воцарилось выжидательное молчание.

– Пожалуйста, избавьте нас от подробностей, – сурово промолвила мадам де Ментенон.

– Для истинного натурфилософа не существует запретных тем! – вмешался герцог Шартрский, одержимый страстью познания, которая вызывала тревогу при дворе и подозрения у низших классов. – Иначе как постичь сущность мироздания?

– Быть может, для натурфилософа и нет запретных тем, но моих обычных подданных может смутить многое и многое, – поправил молодого человека его величество. – А то и ввести в искушение.

– Но сущность мироздания...

– Замолчите сейчас же! – послышался тихий, но твердый голос мадам.

Мари-Жозеф стало жаль Шартра. При его титулах и богатстве, он не мог удовлетворить свою жажду знания. Он был бы счастливее, если бы, как Мари-Жозеф, не занимал вовсе никакого положения.

«Счастливее-то счастливее, – подумала Мари-Жозеф, – но лучших научных инструментов и оборудования у него бы точно не было».

– Со времен Людовика Святого, – провозгласил король, – никто еще не привозил во Францию живую русалку. Не могу не воздать вам хвалу, отец де ла Круа.

Его величество ловко сменил тему, и возникшее было напряжение спало.

– Ободрение и поддержка вашего величества гарантировали успех моей экспедиции, – сказал Ив.

– Я порекомендую вас моему кузену, его святейшеству папе Иннокентию.

– Благодарю вас, ваше величество.

– И я буду присутствовать при вскрытии русалки.

– Я... я...

Мари-Жозеф мысленно умоляла Ива ответить любезно и почтительно.

– Интерес, проявленный вашим величеством к моим исследованиям, – высшая честь для меня, – нашелся с ответом Ив.

Его величество обернулся к графу Люсьену. С минуту они о чем-то посоветовались; король кивнул.

– Завтра. Можете начать вскрытие завтра, после мессы.

– Завтра, ваше величество? Но возможно ли это, тело уже начало разлагаться...

– Завтра, – тихо повторил король, будто не слыша Ива. – После мессы.

Мари-Жозеф хотела выскочить из-за плаща, вместе с братом умолять его величество о снисхождении и убедить его, что нельзя терять времени. Однако, раз нарушив этикет, она не смела больше рисковать своей репутацией. Она не решалась предстать перед королем; она не могла даже обратиться к нему первой, пока он сам не соблаговолит заговорить.

На шелковой стене шатра низко склонилась в поклоне тень Ива.

– Прошу прощения у вашего величества за чрезмерную горячность. Благодарю вас, сир. Завтра.

Тени заколебались, слились было и снова распались попарно.

– Помню, когда я был молод, как отец де ла Круа, – сказал Людовик, – я тоже видел в темноте.

Придворные рассмеялись его шутке.

Когда процессия, возглавляемая королем и мадам де Ментенон, потянулась к выходу из шатра, граф Люсьен опустил плащ и набросил на плечи. Он стоял перед Мари-Жозеф, сжимая и разжимая пальцы.

Точно из-под земли вырос Лоррен:

– Можете пока оставить себе мой плащ, мадемуазель де ла Круа...

Мари-Жозеф с трудом произнесла, стуча зубами от холода:

– Благодарю вас, сударь.

– И может быть, вы вознаградите меня, когда я за ним явлюсь.

Жар смущения не мог унять ее дрожь.

Месье взял Лоррена под руку и повлек его прочь от Мари-Жозеф. Они проследовали за королем. Месье что-то прошептал, Лоррен ответил, и оба рассмеялись. Месье отвернулся. Лоррен что-то проговорил. Месье взглянул на него с застенчивой улыбкой.

Механизмы фонтанов поскрипывали и скрежетали. Фонтан Аполлона по-прежнему не бил, но фонтан Латоны позади Зеленого ковра играл водяными струями, на потеху королю.

– Граф Люсьен, – начала было Мари-Жозеф, – благодарю вас за...

– Моя обязанность – избавлять его величество от неприглядных зрелищ.

Граф церемонно поклонился. Он поспешил навстречу Иву, мимо секционного стола с инструментами, опираясь на трость, чтобы скрыть легкую хромоту. Мари-Жозеф принялась растирать озябшие руки в надежде хоть немного согреться.

Граф Люсьен протянул Иву кожаный кошель, в два раза больше того, что он вручил капитану галеона.

– Его величество просил передать вам.

– Я глубоко благодарен его величеству, но не могу принять это. Вместе с посвящением в духовный сан я принес и обет нестяжания.

Граф Люсьен удивленно взглянул на него:

– Как все ваши братья во Христе, которые обогащаются...

– Его величество спас мою сестру от войны на Мартинике. Он дал мне возможность продолжать исследования. Я ни о чем более не прошу.

Мари-Жозеф ступила между ними, заслонив собой Иву, и протянула руку. Граф Люсьен положил тяжелый, туго набитый золотом кошель ей на ладонь. Кончиками пальцев она невольно коснулась его руки.

Он сделал вид, будто не заметил прикосновения. Пальцы у него были длиннее и куда более ухоженные, чем у Мари-Жозеф, стыдившейся своей грубой кожи.

«Готова поспорить, ему точно не приходилось скрести щеткой пол в монастыре», – подумала она. Она могла вообразить его только в блестящем окружении.

– Благодарю вас, граф Люсьен, – сказала Мари-Жозеф. – Это действительно позволит моему брату продолжить исследования. Теперь мы сможем купить новый микроскоп.

Она надеялась, что денег хватит даже на инструмент минхера ван Левенгука. А потом, кто знает, вдруг останется еще и на книги?

– Пусть поведение сестры послужит вам уроком, отец де ла Круа, – промолвил граф Люсьен. – Богатством и привилегиями наделяет король. Его внимание, *как бы оно ни выразилось*, слишком ценно, чтобы им можно было пренебречь.

– Знаю, сударь. Но я не ищу ни богатства, ни привилегий, а лишь возможности продолжать работу.

– Ваши желания, в отличие от желаний его величества, не играют никакой роли. Он позволил вам присутствовать на церемонии его утреннего пробуждения. Завтра вы можете присоединиться к придворным, имеющим право пятого входа.

– Благодарю вас, месье де Кретьен.

Ив поклонился. Осознавая, сколь высокая честь ему оказана, Мари-Жозеф присела в глубоком реверансе.

Граф откланялся и вышел из шатра.

– Ты понимаешь, что это значит? – воскликнула Мари-Жозеф.

– Это значит, что я заслужил королевскую милость, – ответил Ив, криво улыбаясь. – А еще это значит, что время, которое я мог бы посвятить исследованиям, мне придется потратить на пустые церемонии. Но я должен угодить королю.

Он обнял Мари-Жозеф за плечи:

– Да ты вся дрожишь!

Сестра прижалась к нему:

– Во Франции холодно!

– А Мартиника – провинция на краю света!

– Ты рад, что его величество призвал тебя в Версаль?

– А тебе не жаль было уезжать из Фор-де-Франса?

– Нет! Я...

Русалка шепотом запела.

– Она поет, – объявила Мари-Жозеф. – Поет, как птица!

– В самом деле...

– Дай ей рыбы, вдруг она такая же голодная, как и я.

Он пожал плечами:

– Она не станет есть.

Он зачерпнул водорослей из корзины и бросил русалке сквозь прутья клетки, а потом кинул рыбу и потряс решетку, чтобы убедиться, что она надежно заперта.

При звуках печальной русалочьей мелодии на Мари-Жозеф словно повеяло благоуханным мягким ветром Карибского моря. Внезапно, когда в воду плюхнулась рыба, пение смолкло.

Мари-Жозеф затрясло от холода.

– Пойдем! – приказал Ив. – Не то заболеешь.

Глава 3

Русалка держалась на поверхности, то ли напевая, то ли тихо постанывая. Звуки ее голоса эхом отдавались от стенок бассейна.

В воду упала гнилая рыба. Русалка нырнула, испуганно отплыла, потом, сделав круг, вернулась, понюхала рыбу, выловила ее из воды и, размахнувшись, отшвырнула подальше. Пролетев меж прутьями клетки, рыба глухо шлепнулась на землю.

Русалка запела.

Мари-Жозеф провела Ива по узкой грязной лестнице и темной передней, застланной вытертым ковром, на чердак Версальского дворца. Ее холодное, влажное платье намочило меховую подкладку плаща, которым ее укутал Лоррен. Она не переставала дрожать.

– Неужели здесь нам предстоит жить? – в замешательстве спросил Ив.

– У нас целых три комнаты! – возмутилась Мари-Жозеф. – Придворные плетут интриги, пускаются на подкуп и какие угодно ухищрения, лишь бы только получить то, что нам пожаловали!

– Убогий чердак.

– Во дворце его величества.

– Моя каюта на галеоне и то была чище.

Мари-Жозеф открыла дверь своей темной, холодной, скудно обставленной комнатки и от удивления застыла на пороге. Из комнаты лился свет.

– Да и моя комната в университете была больше, – пренебрежительно сказал Ив. – Здравствуй, Оделетт.

При этих словах со стула, отложив шитье, поднялась красивая молодая женщина.

– Добрый вечер, месье Ив, – приветствовала его турчанка, рабыня Мари-Жозеф, которая родилась с нею в один день и которую она не видела долгих пять лет. Она улыбнулась своей хозяйке без всякого подобострастия: – Здравствуйте, мадемуазель Мари.

– Оделетт! – Мари-Жозеф бросилась ей на шею. – Да как же, откуда... Я так рада тебя видеть!

– Мадемуазель Мари, вы промокли до нитки! – Оделетт показала на дверь гардеробной. – Уходите, месье Ив, я должна снять с мадемуазель Мари всю одежду!

Оделетт всегда, с самого детства, относилась к Иву без капли почтения.

Ив с комической серьезностью отвесил ей поклон и ушел устраиваться в своих новых комнатах.

– Откуда ты взялась? Как ты сюда попала?

– Разве вы этого не хотели? – спросила Оделетт, одну за другой расстегивая нескончаемые пуговицы на роброне Мари-Жозеф.

– Конечно, но я не смела и надеяться, что они разрешат тебе уплыть во Францию. Еще до своего отъезда я кому только не писала: матери настоятельнице, приходскому священнику, губернатору...

Влажный шелк соскользнул вниз, обнажив ее руки и плечи: Мари-Жозеф поежилась от прикосновения холодного ночного воздуха.

– А потом, в Сен-Сире, я обратилась за помощью к мадам де Ментенон! Я даже писала королю! – Она сжалась в комочек, растирая озябшие плечи. – Впрочем, мне кажется, ему даже не показали мое письмо!

– Возможно, ваше прошение удовлетворил губернатор. Я прислуживала его дочери во время плавания, хотя мать настоятельница не спешила меня отпустить.

Оделетт распустила мокрые тесемки на корсете Мари-Жозеф. Мари-Жозеф ежилась, стоя на вытертом коврикe. Испорченное платье и серебристая нижняя юбка бесформенной грудой лежали у ее ног. Оделетт повесила плащ шевалье на вешалку.

– Я как следует почищу его щеткой, и, может быть, когда он высохнет, на нем не останется пятен. А ваша прекрасная нижняя юбка!..

Оделетт привычно захлопотала по хозяйству, как будто они и не расставались вовсе. Она растерла Мари-Жозеф клочком старого одеяла, особенно налегая на ее руки и плечи, чтобы хорошенько согреть. С диванчика, установленного в оконной нише, за ними следил кот Геркулес.

Мари-Жозеф расплакалась от злости и облегчения:

– Она запретила мне видаться с тобой!

– Тише, мадемуазель Мари. Теперь судьба благоволит к нам.

Оделетт подала ей изношенную ночную рубашку из простого тонкого муслина, который совсем не согревал.

– Ложитесь скорей, а не то заболете лихорадкой, и мне придется позвать хирурга.

Мари-Жозеф натянула рубашку.

– Мне *не нужен* хирург. Я *не хочу*, чтобы ты приглашала хирурга. Я просто замерзла. От фонтана Аполлона путь неблизкий, особенно если бежать в мокром платье.

Оделетт вытащила шпильки из золотисто-рыжих волос Мари-Жозеф, распустив их по плечам спутанными прядями. Мари-Жозеф покачнулась от усталости и чуть было не упала.

– Ложитесь, мадемуазель Мари. Вас так и бьет озноб. Ложитесь в постель, а я расчесу вам волосы, пока вы будете засыпать.

Мари-Жозеф устроилась между перинами, все еще дрожа.

– Геркулес, поди сюда.

Полосатый кот, сузив глаза, наблюдал за ней с приоконного диванчика. Он зевнул, потянулся, приподнялся, дугой выгнув спину, и глубоко вонзил когти в бархатную подушку. В два прыжка он одолел расстояние, отделявшее его от постели. Обнюхав пальцы хозяйки, он прошелся по ее животу и стал топтаться, довольно урча. Хоть он и выпускал когти, под периной она ощущала только мягкое надавливание его лапок да слышала тихое, приглушенное царапанье. Потом он свернулся клубком, теплым и тяжелым, и снова заснул.

– Спрячьте руки, – приказала Оделетт, выше подтягивая перину.

– Нет, это непристойно...

– Вздор, делайте, как я вам велю, а не то умрете от чахотки.

Оделетт плотнее подоткнула перину у нее на шее, а потом распустила волосы Мари-Жозеф по подушке и осторожно расчесала спутанные пряди.

– Никогда больше не выходите в свет такой растрепой!

– На мне был фонтанж, – широко зевнула Мари-Жозеф, – но его сбила русалка. От усталости она забыла, о чем шла речь. – Ты должна непременно увидеть русалку! Ты ее увидишь, обещаю!

«И все-таки я так взволнована, что не смогу заснуть», – подумала Мари-Жозеф. Мгновение спустя Оделетт опустила ей на грудь тяжелую, аккуратно заплетенную косу. Мари-Жозеф уже задремала и не почувствовала, как Оделетт кончает убирать ее волосы. Оделетт задудла свечу. По комнате поплыл дым, отдающий горелым салом. Тенью во тьме Оделетт неслышно скользнула к окну.

– Не закрывай, – сонным голосом попросила Мари-Жозеф.

– Так холодно, мадемуазель Мари, – пожаловалась Оделетт.

– Придется привыкнуть.

Оделетт юркнула под перину, обволакивая Мари-Жозеф благоуханным теплом. Мари-Жозеф обняла ее:

– Я так рада, что ты снова со мной.

– Вы могли меня продать, – прошептала Оделетт.

– Ни за что! – Мари-Жозеф не призналась Оделетт, как горько, будучи монастырской воспитанницей, она стала раскаиваться в том, что владеет рабыней. Она готова была покаяться в этом грехе. Ее убедили доводы монахинь, измучило чувство вины. Однако она вовремя сообразила, что монахини побуждают ее не освободить, а продать Оделетт. Сестры полагали, что на Оделетт, с ее-то умениями, способностями и утонченным вкусом, легко найдется покупатель вне стен монастыря, и надеялись получить немалую выгоду от ее продажи.

«Я должна дать ей вольную, – подумала Мари-Жозеф. – Но если я освобожу ее сейчас, я могу только отпустить ее на все четыре стороны, и что же с нею станется, без родных и без средств? Она похожа на меня, но ее не оберегает любящая семья или брат, ей не покровительствует король. Ее единственное приданое – красота».

– Я никогда тебя не продам, – повторила она. – Ты будешь жить со мной, а если смогу, я тебя освобожу, но ты никогда не будешь принадлежать никому, кроме меня.

Над Версалем в безмолвном воздухе вознеслась мелодия, сложная, изощренная и печальная.

– Не плачьте, мадемуазель Мари, – прошептала Оделетт, смахнув слезы со щек Мари-Жозеф. – Теперь судьба к нам благоволит.

– Слышишь, поет русалка? – спросила Мари-Жозеф.

«Я и вправду ее о чем-то спросила? – подумала Мари-Жозеф. – Или мне это только снится? Я и вправду слышу русалку или это сон?»

Внезапно тишина взорвалась топотом тяжелых сапог, звоном шпаг, грубыми криками. Мари-Жозеф попыталась было убедить себя, что и это ей снится, но до этого ей снилось что-то совсем другое. Геркулес уставился на дверь горящими в сумеречном свете глазами и нервно забил хвостом.

– Мадемуазель Мари? – Оделетт села в постели, мгновенно проснувшись.

– Спи, наверное, это не к нам.

Оделетт с головой укрылась периной, но с любопытством выглядывала в оставленную щель.

– Отец де ла Круа!

Кто-то звал Ива и колотил в дверь его комнаты. Мари-Жозеф сбросила перину, сорвала с вешалки плащ Лоррена и распахнула дверь:

– Тише! Не то разбудите моего брата!

Двое огромных королевских мушкетеров загораживали низкий, узкий проход. Стоило им повернуться, как они задевали потолок перьями шляп, стучали шпагами по деревянной обшивке стен. Грязными сапогами они наследили на ковре. Дым от их факела запятнал потолок. Горящая смола заглушала запахи мочи, пота и плесени.

– Мы вынуждены разбудить его, мадемуазель.

Даже наименее рослый из них возвышался над Мари-Жозеф на целую голову.

– Мы пришли из-за русалки. Шатер кишмя кишит демонами.

В покоях знатной дамы капрал мушкетеров снял шляпу.

Дверь Ива отворилась, и он выглянул в коридор, сонный, растрепанный, в кое-как застегнутой не на все пуговицы рясе.

– Демонами? Что за вздор!

– Мы сами слышали шорох кожистых крыльев!

– А еще там разит серой! – сообщил мушкетер повыше.

– Кто стережет русалку?

Они поглядели друг на друга.

Ив застонал, захлопнул за собой дверь и стал спускаться по лестнице. Мушкетеры двинулись за ним.

– Мадемуазель Мари...

Мари-Жозеф махнула Оделетт, приказывая замолчать.

Она чуть-чуть поотстала, чтобы Ив не заметил ее и не отослал обратно. Когда мужчины скрылись из виду, она пошла следом.

Сбежав по черной лестнице, она поспешила по таинственному, опустевшему, темному дворцу. Придворные его величества уже разобрали обгоревшие свечи, что было их дополнительной привилегией. Вытянув руки, чтобы не упасть в темноте, она пробиралась по маленькому охотничьему замку Людовика XIII, вокруг которого некогда вырос и разросся величественный и пышный Версаль Людовика XIV.

Кутаясь в плащ Лоррена, она выбралась на террасу. Луна уже зашла, но звезды еще слабо светили. Свечи, освещавшие путь королю, догорели, расплывшись лужицами воска. Фонтаны молчали. Мари-Жозеф пробежала по холодным, влажным от росы каменным плитам, мимо Потешных прудов, по лестнице, проложенной над фонтаном Латоны. За ним, на Зеленом ковре, выделялся смутным пятном мушкетерский факел.

Боковым зрением она заметила, как мимо промелькнула какая-то странная тень, и, вздрогнув, Мари-Жозеф испуганно замерла.

Трепеща на ветру, во мраке засияли белые цветы апельсинового деревца. Садовники, толкавшие тачку, остановились, чтобы поклониться Мари-Жозеф.

Она ответила на их поклон, вспомнив, что, конечно, им приходится работать по ночам; перед его величеством сады и парки Версаля должны предстать во всем своем совершенстве.

Они покатали тачку дальше, под колесами заскрипел гравий. Когда его величество изволит прогуливаться после обеда, свежие цветущие деревья, выращенные в оранжереях, будут улаживать его взор. Монарха должны окружать только красота и великолепие.

Мари-Жозеф бросилась к шатру русалки. Фонарь внутри погас; факел у входа освещал лишь откидной полог, украшенный солнечным диском.

– Прежде чем войти, произнесите молитву!

– Совершите экзотизм!

– Он хотел сказать «экзорцизм»!

– Там нет никакой нечистой силы!

– Помилуйте, мы сами слышали!

– А как они крыльями-то били!

– Кожистыми, точь-в-точь летучие мыши!

Ив схватил факел, отбросил полог и вошел в шатер. Запыхавшаяся от бега, Мари-Жозеф проскользнула мимо мушкетеров вслед за братом.

Внутри все как будто осталось потревоженным, лабораторное оборудование стояло на месте, по доскам настила тихонько постукивали капли от тающего льда, фонтан по-прежнему окружала клетка. В воздухе ощущался тяжелый запах разлагающейся рыбы и противогнилостного раствора. Его-то, решила Мари-Жозеф, мушкетеры и приняли за серный смрад.

Она верила в демонов и нечистую силу: если верить в Бога и Его ангелов, можно ли отрицать существование демонов? – но думала, что ныне, в век науки и прогресса, демоны не часто удостаивают своим вниманием земную юдоль. К тому же у русалки не больше шансов их лицезреть, чем у слона или павианов в зверинце его величества.

Мари-Жозеф хихикнула, представив себе демона на пикнике в королевском зверинце.

Ив порывисто обернулся на ее смех.

– Нечему тут хихикать! – заявил он. – Тебе вообще пора спать!

– Да я бы и сама не отказалась.

– Суеверные идиоты! – пробормотал Ив. – Вот уж действительно, узрели нечистую силу.

Пламя факела отразилось в лужице воды, неизвестно откуда взявшейся на гладко оструганных досках.

– Ив...

Водяная струйка вела от фонтана к лабораторным инструментам. Дверь в клетку была распахнута.

Ив с проклятием бросился к секционному столу. Мари-Жозеф кинулась в клетку.

Русалка покачивалась на воде в нескольких саженях от помоста, волосы веером расходились вокруг ее плеч. В пламени факела глаза у нее горели зловещим огнем, словно у кошки. Она тихо напевала какую-то мрачную мелодию.

– Ив, она здесь, все хорошо, она не ранена...

– Не подходи, тут повсюду битое стекло. Ты ведь босая?

– А ты?

Ив со звоном смел осколки в ведро.

– У меня ступни совсем задубели: мы же привыкли в плавании обходиться без сапог.

Ив вошел в клетку и встал рядом с Мари-Жозеф, держа факел над самой водой. Искорка упала в волны и с шипением потухла. Русалка ощерилась, издала негодующий свист и нырнула в глубину.

– Она выползла отсюда! Она вскарабкалась по ступенькам! Я и не предполагал, что русалки способны передвигаться по суше. Она опрокинула склянку и бежала обратно в бассейн. Наверное, я просто прикрыл дверь клетки, но не запер.

– Ты же при мне ее проверил, – возразила Мари-Жозеф. – Ты запер ее на засов и даже потряс на всякий случай.

Он пожал плечами:

– Не может быть! Завтра попрошу еще и цепь.

Ив почти упал на стул и застыл, сгорбившись, опустив голову... Длинные черные спутанные волосы скрыли его лицо. Мари-Жозеф поспешно подхватила выпавший из его руки факел, села рядом и обняла его плечи.

Он потрепал ее по руке.

– Я просто устал, – пробормотал он.

– У тебя столько работы, – вкрадчиво произнесла Мари-Жозеф, – позволь тебе помочь.

– Это было бы нарушением этикета.

– В детстве я тебе недурно ассистировала, да и сейчас не растеряла своих умений.

Она боялась, что он наотрез ей откажет. «Я больше не узнаю брата, – печально подумала она. – Я уже не могу угадать заранее, что он ответит, как он поступит».

Он поднял голову, нахмурился и помолчал.

– А в чем состоит твоя служба при мадемуазель?

Мари-Жозеф хихикнула:

– Иногда мне приходится держать ее платок, если мадемуазель д'Арманьяк не успеет завладеть им первой. Она и не заметит, если я отлучусь. Я только скажу, что я нужна тебе, что мы будем исследовать русалок к вящей славе его величества...

Он повеселел:

– Я был бы благодарен тебе за помощь. Ты по-прежнему небрезглива?

– Брезглива! Скажешь тоже!

Она рассмеялась.

– Ты готова описывать вскрытие?

– С радостью!

– Мне придется посвятить препарированию все свое время. Присмотришь за живой русалкой? Будешь ее кормить...

– А как же! А еще я ее приручу.

– Уж и не знаю, какие тебе понадобятся уловки и ухищрения, чтобы заставить ее есть. Он улыбнулся чудесной улыбкой, и на миг с его лица исчезла усталость.

– Я уверен, что у тебя все получится. Ты всегда лучше умела обходиться с живыми тварями, чем я.

В восторге оттого, что она вновь сопричастна его жизни, его работе, Мари-Жозеф поцеловала брата в щеку.

Зевнув, он с усилием встал:

– Еще можно немного поспать.

Улыбка на его лице сменилась кривой усмешкой.

– Даже иезуиты не приучили меня вставать с петухами.

– Я возьму это на себя, – пообещала Мари-Жозеф. – Я разбужу тебя вовремя, чтобы ты не опоздал на церемонию королевского пробуждения.

– Я был бы тебе очень обязан, – произнес Ив.

Он выпроводил Мари-Жозеф из клетки, запер дверцу на засов и как следует потряс ее, чтобы вновь, как и вечером, убедиться в надежности запора. Русалка проводила их стенаниями.

– Ой! – Мари-Жозеф отпрянула, ощутив под ногой что-то скользкое и холодное.

– Что случилось? Ты наступила на стекло?

Она подняла мертвую рыбу:

– Твоя русалка отказывается от рыбы, которой ты ее кормишь.

Глава 4

Мари-Жозеф шла по безмолвным рассветным садам Версаля. Садовники исчезли с первыми лучами солнца, но придворные еще спали, а посетители еще не явились. Пока ей одной принадлежала эта красота, облака белоснежных цветов, напоенный апельсиновым благоуханием воздух.

Она шагала по Зеленому ковру к фонтану Аполлона, размышляя, как спланировать день. Она покормит русалку, потом вернется во дворец, времени у нее останется еще предостаточно, разбудит Иву и позавтракает с ним хлебом и шоколадом. Он будет присутствовать на церемонии пробуждения его величества. Она не сможет его сопровождать, ибо женщинам запрещено принимать участие в этом ритуале, зато будет ждать его в караульне, вместе с другими дамами и мужчинами, которым не посчастливилось так, как Иву, а потом в свите его величества отправится к мессе.

Утро было восхитительное. Мир был восхитительный. «Если я сейчас подобью ногой камешек, – подумала она, – то несколькими росчерками пера, сделав всего несколько расчетов, смогу описать его взлет и падение. Я могу исчислить, с какой силой он упадет на следующий камень, а отскочив – на следующий. Открытия господина Ньютона позволяют мне описать все, что я хочу, даже пути звезд и планет в далеком будущем. А теперь, когда я вышла из монастыря, никто мне этого не запретит!»

Легкий ветерок зашелестел листьями апельсиновых деревьев в кадках. Мари-Жозеф подумала, как рассчитать колебание трепещущих листьев, и, хотя и не сумела тотчас найти верное решение, была убеждена, что рано или поздно это будет ей под силу.

«Господин Ньютон наверняка быстро справился бы с такой простой задачей, – подумала она. – Осмелюсь ли я написать ему еще раз? Удостоит ли он меня ответом, если однажды соблаговолил написать мне, а я тогда не смогла ответить? Вот бы узнать, что было в письме».

Версальский дворец стоял на невысоком холме; Зеленый ковер вел под уклон к шатру русалки.

Насколько легче идти, чем вчера вечером, заметила она. Сегодня она надела амазонку, куда более удобную, чем придворный роброн.

Когда она подходила к лабораторному шатру, несколько массивных повозок, осевших под тяжестью бочек, как раз катили по Королевской аллее к фонтану.

Граф Люсьен легким галопом пустил своего серого арабского скакуна мимо повозок. Горячий конь, взметнув гравий из-под копыт, весело вскинув черный хвост, подскакал к шатру. Граф Люсьен приветствовал Мари-Жозеф взмахом трости. Под его надзором рабочие развели полог шатра, а возчики выстроили в ряд телеги.

Мари-Жозеф вошла в шатер, подняла засов на дверце клетки и, торопливо пройдя к краю фонтана, стала искать взглядом русалку.

Длинные темные волосы и переливчатые кожистые хвостовые плавники мерцали под копытами Аполлоновых солнечных коней.

– Русалка!

Морская тварь взмахнула хвостом и забилась глубже под статую. Мари-Жозеф потянулась было за рыбой, но потом передумала. Вокруг корзины стояла лужица растаявшего льда, разило несвежей рыбой.

– Лакей!

В отличие от русалки, слуга опрометью кинулся на ее зов, с почтительным выражением лица, не поднимая глаз.

– Да, мадемуазель?

– Немедленно выкиньте эту зловонную гадость! Где свежая рыба? И где обещанный лед?

– Сейчас доставят из кухни, мадемуазель, вот-вот, уже несут.

Он махнул рукой в сторону входа, откуда показались трое слуг: один с плетеной корзиной, двое других – с тачками, полными льда.

– Хорошо. Спасибо.

Он отвесил торопливый поклон и бросился давать указания остальным. Те отнесли корзину рыбы в клетку и принялись лопатами выгружать мелко наколотый лед, высыпая его на образец для вскрытия.

Мари-Жозеф выбежала в центр фонтана, на край помоста. Доски были сухие, а значит, русалка больше не пыталась бежать.

«Наверное, она вне себя от ужаса, – со вздохом подумала Мари-Жозеф. – Испуганных животных трудно приручить».

Она шлепнула рукой по воде, вспомнив, как похлопывает по одеялу, приманивая Геркулеса.

– Плыви сюда, русалочка. Хорошая, хорошая русалочка.

Русалка следила за нею из-под колесницы Аполлона.

Мари-Жозеф взяла за хвост рыбу и поболтала ею в воде. Русалка подняла голову, открыла пасть и высунула язык, словно пробуя воду на вкус.

– Да, хорошая, хорошая русалочка. Плыви сюда, ко мне, я дам тебе рыбку.

Русалка с шумом выплюнула воду.

– Вы можете заставить ее есть?

Мари-Жозеф обернулась:

– Граф Люсьен! Я не думала, не ожидала...

Он стоял на бордюре фонтана, рассматривая русалку. Мари-Жозеф не слышала, как он подошел. Он холодно взглянул на нее.

– Вы что же, не узнали меня, – спросил граф Люсьен, – оттого что я сбрил усы?

Он говорил столь сухим тоном, что Мари-Жозеф не решилась рассмеяться: вдруг она неправильно поняла его шутку?

Он действительно сбрил свои пшеничные усы. Может быть, кто-то объяснил ему, что придворные теперь отпускают усы только во время военных кампаний и сбривают тотчас по возвращении в Версаль, чтобы походить на гладко выбритого короля. Он сменил свой простой шейный платок на кружевное жабо с лентами, а простой, подвязанный на затылке по обычаю военных парик – на модный, с локонами, ниспадающими на плечи расшитого золотом синего жюстокора. Большинство придворных предпочитали черные парики, любимые его величеством, однако граф Люсьен выбрал золотисто-каштановый, выгодно подчеркивавший нежный цвет его лица и светло-серые глаза.

– Я вас узнала, – чопорно ответила Мари-Жозеф, – но вы же адъютант его величества и состоите в свите. Я не ожидала увидеть вас в шатре русалки.

– Коль скоро русалка занимает мысли его величества, я обязан за ней присмотреть, мадемуазель де ла Круа, – возразил он. – Русалка вверена попечению вашего брата...

– Сударь, пока мой брат изучает мертвую русалку, живая вверена моему попечению.

– В таком случае нам с вами придется видаться часто. Вы сможете заставить ее есть?

– Надеюсь, что да.

– Ваш брат кормил ее насильно.

– Уверена, что приучу ее брать пищу у меня из рук.

– Его величеству не требуется ручная русалка. Его величеству потребна русалка, хорошо откормленная.

Он отклонялся и стал неуклюже, как маленький ребенок, спускаться с края фонтана на землю по низенькой лесенке, опираясь на трость. Мари-Жозеф смотрела ему вслед.

С другой стороны фонтана задним ходом подогнали к клетке повозку. Рабочие стали скатывать по настилу оглушительно грохочущие бочки. Откуда ни возьмись появился садовник и принялся разравнивать граблями следы колес, оставленные на гравии.

Рабочий выбил кувалдой днище бочки, вдавив его внутрь, и в бассейн хлынула морская вода.

Пробили одну бочку, другую, третью, и вот уже в воздухе разлился прохладный запах океана. На поверхности воды в бассейне заплескались пузырьки, задрожала рябь.

С силой ударив мощным раздвоенным хвостом, русалка взлетела над водой. Вода полилась из ее открытой пасти, с темных волос, заструилась по телу. Спутанная прядь на лбу окрасилась светло-зеленым.

«Интересно, почему поблекла прядь? Уж не заболела ли русалка?» – забеспокоилась Мари-Жозеф.

Русалка вывела музыкальную трель и опустила голову под воду.

Гибким, плавным движением, даже не взрезав водную гладь, она нырнула на дно, а когда всплыла на поверхность, в зубах у нее билась живая серебристая рыба. Русалка подбросила скользкую увертливую рыбу в воздух и поймала ее пастью. Рыбий хвост какое-то мгновение трепетал меж ее губами. Потом русалка сглотнула. Рыба исчезла.

– Живая рыба! – воскликнула Мари-Жозеф. – Ей нужна живая рыба!

Русалка снова нырнула и устремилась к повозкам, в чистую морскую воду. Доплыв до решетки, она вцепилась в прутья и принялась трясти их. Металл загремел и зазвенел, точно рыцари скрестили копыта на турнире. Русалка закричала, одним броском просунула руку меж стальными прутьями и схватила возчика за лодыжку.

– А ну, отпусти, черт бы тебя побрал! – Не ожидавший нападения возчик в ужасе отпрянул, попятился и опрокинулся навзничь, подбив бочку, бочка покатилась, завертелась и разлетелась в щепки, ударившись о прутья решетки. Клепки и стальные обручи градом посыпались в воду. Русалка снова бросилась на решетку и трясла ее, пока прутья не задрожали и не зазвенели.

Возчик в панике схватился за кнут и, со свистом рассекая воздух, чуть не ударил русалку по рукам.

– Проклятая нечисть!

Снова просвистел кнут.

С пронзительным криком ужаса русалка нырнула под воду, подняв сноп брызг.

– Не смейте!

Мари-Жозеф выбежала из клетки и бросилась вдоль края фонтана наперерез возчику. Огромные лошади-тяжеловозы с фырканием забили копытами.

– Не смейте! – снова задохнулась от негодования Мари-Жозеф.

Русалка в испуге заходила то криком, то свистом.

Вне себя от страха и ярости, возчик опять взмахнул кнутом, на сей раз готовясь нанести удар Мари-Жозеф. Мари-Жозеф замерла, не столько испуганная, сколько пораженная.

Воздетая рука возчика застыла высоко в воздухе, но не опустилась для удара – ее перехватила эбеновая тросточка графа Люсьена. Обезумевший великан попытался отбить ее, не соображая, что его удерживают от совершения преступления.

– Возчик! – возвысил голос граф Люсьен.

Возчик наконец осознал, что чуть было не ударил благородную даму, на которую уже поднял руку.

Граф Люсьен опустил трость и снова сел в седло. Его серый арабский скакун стоял не шелохнувшись, лишь прядая ушами, то закладывая их, словно прислушиваясь к всаднику, то настораживая при столах и щебете русалки, и беспокойно косился на возчика.

– Мадемуазель де ла Круа поручена забота о русалке *его величества*! – сказал граф Люсьен.

– Месье, мамзель, прошу прощения...

Охваченный ужасом и раскаянием, возчик бросил кнут наземь.

– Вы уволены, – произнес граф Люсьен тоном, не допускающим возражений.

Ростом возчик превосходил графа Люсьена в два раза, весом – раза в три, а нож у него на поясе был куда длиннее графского кинжала. Однако смелостью и самообладанием явно уступал. Возчик мог ожидать и куда более сурового наказания, которое непременно последовало бы, если бы он не успел убраться до того, как к фонтану прибегут мушкетеры. Он схватил вожжи и с проклятиями принялся понукать лошадей. Упряжка рванулась с места. Повозка с грохотом покатилась прочь. Откуда ни возьмись снова появился садовник и разровнял на гравии следы копыт и колес.

– Граф Люсьен... – Мари-Жозеф с трудом переводила дыхание, колени у нее подгибались, она не находила слов от волнения.

– Вас больше не побеспокоят.

Он кивнул ей. На скаку он наклонился, подцепил тростью брошенный кнут, свернул его нетугим кольцом и повесил на луку седла.

К ней подбежали запыхавшиеся мушкетеры.

– Что случилось, мадемуазель? – спросил лейтенант.

– Вы же видите, – Мари-Жозеф махнула рукой на разбитую бочку и лужу морской воды, – не удержали.

Во дворце Люсьен проследил, чтобы конюх отвел его серую арабскую кобылу Зели в стойло, а потом неуклюже поднялся по ступенькам на второй этаж, где располагались королевские покои. В воздухе чувствовался аромат апельсиновых деревьев.

Несмотря на все его великолепие, жить в Версальском дворце было неудобно и тягостно, ведь он был построен на болоте: летом в нем донимала жара и духота, зимой мучил холод и дымили камин. Ради славы король Франции пожертвовал комфортом.

Мушкетеры с поклоном пропускали графа де Кретьена; не услышав ни одного вопроса, никем не останавливаемый, Люсьен дошел до коридора позади опочивальни его величества. Пользоваться этим потайным входом позволялось только сыновьям короля и нескольким особо приближенным придворным.

Лакей распахнул потайную дверь. Люсьен вошел в покой и занял свое место возле королевского ложа под пышным пологом, за золотой балюстрадой, отделявшей монарха от подданных, свидетелей его пробуждения.

В прохладной, сумеречной парадной спальне царил безмолвие. Шпалеры белого шелка, расшитые золотом, мерцали как осеннее рассветное солнце. Полог постели был увенчан султаном из белых перьев.

Люсьен поклонился месье, монсеньору, августейшим внукам. Ответил на приветствие Лоррена. Учтиво, но холодно кивнул лейб-медику Фагону и лейб-хирургу Феликсу.

Часы пробили восемь. Слуги раздвинули занавеси, и из открытых окон в покой хлынули свет утреннего солнца и холодный воздух. Солнце позолотило и без того сияющие золотом шпалеры и парчовый полог ложа, заиграло на золотистом паркетном полу, осветило прекрасные картины и зеркала, тенью подчеркнуло выпуклость барельефа, изображавшего Францию, стерегущую сон монарха.

Люсьен и Лоррен развели полог пышного ложа. Главный камердинер склонился к королю и прошептал: «Сир, пора».

Разумеется, к этому времени король давно проснулся. Он всегда представал перед своими подданными величественным; не пристало ему являться перед ними лысым, пыхтя, поче-

сываясь и протирая глаза, как простому смертному. Он редко спал в собственной постели, а мадам де Ментенон никогда не спала в королевской парадной опочивальне. Его величество имел обыкновение спать в ее покоях и поутру возвращаться в свою постель для ритуала пробуждения.

Его величество приподнялся, а месье поддержал его, в чем не было нужды.

– Доброе утро, дорогой братец, – произнес Людовик. – Я пробудился.

– Доброе утро, сир, – ответил месье. – Рад видеть вас этим утром в столь добром здравии.

Месье передал брату чашку шоколада. Король обладал здоровым аппетитом, но никогда не вкушал ни крошки по утрам. Шоколад в чашке остыл и подернулся пенкой, ведь его несли через весь дворец из далеких кухонь; в Версальском дворце блюда неизменно подавались на стол холодными.

Его величество намеренно отказался от удобств ради великолепия и точно так же пожертвовал уединением частной жизни, чтобы не спускать глаз со знати и держать ее в узде. Любой аристократ мог считаться потенциальным врагом, как Людовику было хорошо известно со времен гражданской войны, развязанной против него собственным дядей. Отчасти Люсьен был обязан своим фавором при дворе той непоколебимой верности, с которой служил Людовику его отец.

«Когда я достигну зрелых лет, – подумал Люсьен, – и, увечный, как отец, вернусь в Барантон, надеюсь, что буду в такой же чести, как он».

Люсьен отвел полог ложа. Месье протянул руку его величеству, помогая ему встать. Его величество милостиво сообразовалось принять помощь. В ночной рубашке и в коротком парике, окруженный придворными, которые удостоились великой благосклонности – права первого входа, он вышел из алькова, где помещалось его пышное ложе.

Лоррен подал его величеству шлафрок.

Стоя в дверях первого покоя, церемониймейстер ударил об пол своим жезлом и возвестил:

– Его величество пробудился.

Духовник его величества преклонил колени рядом с ним возле ложа. Не переставая болтать, придворные глядели, как молится король.

Люсьен, Лоррен, месье, лейб-медик, лейб-хирург образовали маленький эскорт, сопровождавший его величество к закрытому седалищу с судном. Люсьен внимательно следил за его величеством, боясь заметить малейшие симптомы его давнего недуга. К счастью, со времен операции утренние омовения перестали причинять королю боль. Люсьен опасался за жизнь своего монарха. Людовик привык стоически, безмолвно терпеть страдания. Однако за год болезни тело жестоко его измучило.

Немало потерзал его и хирург.

Люсьен не мог не признать, что Фагон и Феликс исцелили его величество от анального свища. Прежде чем приступить к лечению короля, хирург изрядно попрактиковался на крестьянах и узниках. Многих из них он отправил на тот свет и распорядился похоронить под покровом ночи. Он также запретил сопровождать погребение колокольным звоном, дабы никто не узнал о его неудачах.

«Вместе с тем, – думал Люсьен, – не буду спорить, кое-кого он спас. Он вернул нам короля. Что будет, когда его величество опочит и на трон взойдет монсеньор?..»

Как его величество мог произвести на свет монсеньора, столь жалкого и бесцветного наследника, было выше понимания Люсьена.

Люсьен утешал себя тем, что его величество пребывает в отменном здравии. Король был стар, но бодр, крепок и деятелен в самой своей старости.

Месье поднес его величеству чашу с винным спиртом. Его величество омочил в ней кончики перстов. Люсьен поднес ему полотенце. Его величество отер руки.

Фагон осмотрел короля, что делал каждое утро.

– Ваше величество находится в добром здравии. – Фагон говорил намеренно громко, так чтобы его слышали придворные. – Если его величеству угодно, я могу побрить сегодня его величество.

– Весьма польщен, – откликнулся Людовик. – Давно ли вам приходилось брить чей-либо подбородок, Фагон?

– В последний раз, когда я был учеником, но бритва моя с тех пор не затупилась.

Королевский цирюльник отошел в сторону, скрывая разочарование оттого, что его сместили в столь важный день. Доктор Фагон побрил его величество. Он снял с короля маленький утренний парик и сбрил коротенький седой ежик точными, рассчитанными, плавными движениями.

– Отличная работа, сударь. Быть может, в вас погиб превосходный цирюльник.

Если Фагона и оскорбила эта острота, он не подал виду.

– Все мои таланты навеки в распоряжении вашего величества.

Ритуал утреннего пробуждения шел своим чередом, и церемониймейстер отворял двери королевской опочивальни все прибывавшим и прибывавшим придворным. Когда в спальный покой вступили удостоившиеся права пятого входа, Люсьен с негодованием заметил, что отец де ла Круа пренебрег приглашением его величества.

«Любой, не оценивший подобную честь по достоинству, поступает мерзко, – подумал Люсьен. – Но для иезуита столь грубое нарушение этикета просто непростительно».

Месье совлек с его величества шлафрок и передал ему рубашку. С ее воротника и обшлагов хлынул водопад кружев. Его величество надел чулки тончайшего французского шелка и панталоны черного атласа. Ножны украшал жемчуг, а эфес шпаги – затейливый орнамент. Жюстокор был заткан золотыми лилиями. Все ткани, из которых были сшиты его одеяния, были произведены на лучших французских мануфактурах ради сегодняшнего триумфа, ибо сегодня надлежало произвести неизгладимое впечатление на итальянцев, похвалявшихся, что это их-де сукно, их кружево и кожа и украшения задают тон в мире моды.

Месье стал на колени перед братом и помог ему надеть башмаки на высоких каблуках. Хотя его величество отказался от цветов пламени и солнца, к которым питал пристрастие в первые годы царствования, он по-прежнему являлся на официальных приемах в красных туфлях. На их массивных золотых пряжках сияли бриллианты. Благодаря высоким каблукам рост его величества увеличивался до пяти с половиной футов.

Лакей принес небольшую приставную лесенку; Люсьен вскарабкался по ней. Изготовитель королевских париков передал ему новый, изысканный парик его величества, львиную гриву, сплетенную из блестящих черных человеческих волос. Люсьен возложил его на голову монарха и расправил на его плечах длинные завитые локоны. Парик добавил королю еще три дюйма роста. Где-то в предместье Парижа крестьянская девица продала на парик свои волосы, выручив столько же, сколько ее отец – за год непосильного труда.

Монсеньор великий дофин передал королю шляпу. Белые страусовые перья словно мерцали в утреннем свете.

Гул одобрения волной прокатился по выстроившимся за балюстрадой придворным; точно по команде, они одновременно отдали поклон королю.

Его величество возглавил торжественную процессию и, сопровождаемый членами семьи и фаворитами, отправился навстречу новому дню.

Невзирая на приглушенный ропот рабочих, Мари-Жозеф заставила их процедить морскую воду из нескольких последних бочек. В сачке остались клочья водорослей, несколько улиток и пять-шесть живых рыбок.

– Просто вылейте воду в бассейн, мадемуазель, – посоветовал лейтенант мушкетеров. – Демон же ловил рыбу, поймает и этих.

– Я хочу научить русалку брать корм у меня из рук, – сказала Мари-Жозеф.

– Берегите пальцы, – скривился мушкетер.

– Если бы она хотела, то могла бы укусить или даже утопить меня вчера ночью, – возразила Мари-Жозеф, – а она мне ничего не сделала. Так что мне нечего бояться.

– Кто знает, что у этих демонов на уме, – философски заметил он, как будто имел немалый опыт общения с демонами.

– А вы не могли бы доставить мне еще живой рыбы? – спросила она одного из рабочих.

– Рыбка-то живая, мамзель, не скоро ловится.

Он провел рукой по жидким темным волосам.

– Если привезете живой рыбы, граф Люсьен вам хорошо заплатит.

– А если не привезете, как следует отхлещет... – стал насмехаться над приятелем загорелый молодой парень в повязанном по-пиратски платке. – А кнутик-то одолжит у Жоржа.

– Никогда он не сделает ничего подобного! – воскликнула Мари-Жозеф, но потом спохватилась и подумала: «А вдруг может? Решит, что кто-то непочтителен к его величеству, и отхлещет».

– Сколько вам понадобится живой рыбы, мамзель, и сколько вы заплатите?

– Привезите столько, сколько зараз можете съесть за обедом, если, кроме рыбы, нет ничего другого.

Рабочие выловили из бассейна последние клепки разбитой бочки и пошвыряли их на дно повозки. Испугавшись грохота, русалка забилась еще глубже под одного из Аполлоновых дельфинов. Рабочие притронулись к шляпам, забрались в повозки и укатили.

Снова откуда ни возьмись примчались несколько садовников, снова разровняли следы колес и копыт на гравии, снова убрали все до единого конские яблоки и исчезли, расставив по одной безупречной линии деревца и кустарники в кадках и оборвав все увядшие цветы.

Мушкетеры принялись опускать полог шатра, чтобы Мари-Жозеф осталась наедине с русалкой. Она сидела в тишине не шелохнувшись, а сверху и с боков на нее лился шелковистый солнечный цвет. Русалка под водой подплыла ближе.

Мари-Жозеф придирчиво осмотрела живых рыбок. Они бились и трепетали. Если она не сумеет быстро подманить русалку, придется бросить их в бассейн, иначе они уснут. Мари-Жозеф закатала расшитый рукав амазонки до локтя, опустила руку в кувшин и схватила одну рыбку.

Поплотнее сжав ее извивающееся тельце в кулаке, Мари-Жозеф стала на колени и потрясла ею под водой:

– Ну плыви сюда, ну пожалуйста!

Русалка устремилась вперед, но в последний миг повернула в сторону. Вокруг запястья Мари-Жозеф заиграла рябь.

– Ну плыви сюда, ну пожалуйста, смотри, какая вкусенькая рыбка!

Русалка плавала вперед-назад, со ступенек до нее почти можно было дотянуться рукой.

– Ну пожалуйста, ну, русалочка! Тебе надо есть.

Рыбка в кулаке у Мари-Жозеф слабо забилась. Русалка стрелой метнулась мимо нее, слегка оцарапав когтями кончики ее пальцев. Мари-Жозеф ахнула от восторга. Русалка выхватила у нее рыбу и проглотила.

– Умница, вот и умница, русалочка!

Вне себя от радости, Мари-Жозеф выловила из кувшина вторую рыбку.

– Русалочка, плыви ко мне!

Испуганная собственной смелостью, русалка отплыла к Аполлону и скрылась под копытами его солнечных коней.

«Может быть, Аполлон гонит колесницу против солнца, чтобы остановить время, – подумала Мари-Жозеф. – Может быть, если он будет двигаться с запада на восток, время потечет вспять, и мы никогда не умрем и будем жить вечно».

Она оглянулась и только сейчас заметила сияние солнца, проникавшее сквозь прозрачный шелк шатра.

У нее перехватило дыхание. Солнце поднялось уже высоко, намного выше, чем она ожидала. Она швырнула рыбку в бассейн, взбежала по лестнице, хлопнув дверью, кинулась вон из клетки и бросилась во дворец.

«Когда же усакал граф Люсьен? – недоумевала она. – Всего несколько минут тому назад!»

Она неслась по Зеленому ковру к Версалью, стараясь уверить себя, что еще не так поздно.

Она ворвалась в комнату Ива, надеясь, что в постели никого не будет, что он уже ушел, что его разбудила Оделетт. Но он, тихонько похрапывая, лежал в темноте.

– Ив, пожалуйста, проснись, умоляю, прости меня!..

– Что? – пробормотал он. – В чем дело, что случилось?

Он сел в постели, всклокоченный и смешной.

– Что, уже семь?

– Уже половина девятого, прости меня, я пошла кормить русалку и забыла обо всем на свете.

Уж лучше бы он разозлился и накричал на нее, чем молча глядел с убитым видом.

– Прости, – повторила она.

– А мне ведь так нужно было туда явиться, – протянул Ив.

Мари-Жозеф опустила голову. Она глубоко осознавала собственную вину и оттого чувствовала себя не взрослой девицей, а нашалившей маленькой девочкой и не находила ни оправданий, ни отговорок.

– Я знаю, – прошептала она.

Ее тяготило молчание.

– Где Оделетт?

– Я отправила ее прислуживать мадемуазель вместо меня, – сказала Мари-Жозеф. – Откуда ей было знать, что тебя следовало разбудить! Это я виновата, я не сдержала обещания.

Ив обнял ее за плечи.

– Ничего, – возразил он с деланой бодростью, – уж лучше поспать подольше, чем проснуться ни свет ни заря и благоговейно взирать, как старик встает с постели и отправляется на седалище с судном.

Мари-Жозеф попыталась было рассмеяться, но вместо этого прикусила губу, сдерживая слезы.

– Да никто и не заметит, что меня там не было! – с жаром заявил Ив. – А русалка стала наконец есть?

– Проглотила несколько рыбок, – грустно произнесла Мари-Жозеф.

– Да это же прекрасно! – воскликнул Ив. – И куда важнее королевских милостей! Я знал, что у тебя получится.

– Ты слишком добр ко мне, – сказала она. – Я такое натворила, а ты не сердишься и даже готов похвалить!

– Вздор, пустяки, забудь, – перебил ее Ив. – А сейчас уходи, дай мне одеться в благопристойном одиночестве.

Она поцеловала его в щеку. Проходя по гардеробной, соседней с их спальнями, она услышала его голос:

– Сестрица, а нет ли у нас хлеба и шоколада? Я умираю с голоду.

Глава 5

С тяжелым сердцем Мари-Жозеф спустилась с холма к фонтану Аполлона и темнице русалки. Кроме прочего, она умудрилась пропустить мессу, которую его величество и придворные слушали в маленькой дворцовой часовне. Она прошептала молитву и принесла обет посетить вечерню, даже если будет присутствовать на службе в полном одиночестве.

Она вернулась к фонтану Аполлона и вошла в шатер. Ее притягивала песня русалки, однако она помедлила у входа в клетку. С твердым намерением отрешиться от тревоги и смятения, чтобы ее чувства невольно не передались русалке, она несколько минут успокаивалась, раскладывая на секционном столе инструменты для вскрытия. Мертвая русалка лежала под слоем тающего льда; по ножкам стола стекали струйки воды, образуя на полу лужицу, в которой кое-где плавали опилки.

Мари-Жозеф пристроила лист бумаги в ящике с принадлежностями для живописи, чтобы, не теряя времени, приступить к работе одновременно с Ивом. Вспомнив о падающих листьях, она нацарапала дифференциальное уравнение в нотации господина Лейбница. Подумав минуту, она поняла: мало его решить, этой задачей стоит заняться основательнее.

Русалка прошептала что-то и негромко вскрикнула. Мари-Жозеф от греха стерла уравнение. Наконец овладев собой, она вошла в клетку. Русалка выглядывала из-под скульптуры. Длинные темные волосы, со странными спутанными зелеными прядями, ниспадали ей на плечи.

– Плыви ко мне, русалочка, ну пожалуйста.

Она зачерпнула сачком рыбу из кувшина – бедняжки на поверхности уже судорожно хватали ртами воздух, вот-вот уснут, – достала ее из сачка и опустила серебристое трепещущее тельце в бассейн.

Русалка нырнула и устремилась к ней, а ее печальная песня зазвучала громче и мрачнее. Мари-Жозеф поболтала рыбкой в воде.

Русалка бросилась к Мари-Жозеф, выхватила у нее рыбу, слегка оцарапав ее руку когтями, быстрым движением засунула рыбу в рот и, нырнув поглубже, отплыла. Брызги упали Мари-Жозеф на лицо и прозрачным бисером усеяли ее амазонку. Она торопливо стряхнула их, чтобы не испортить бархат. Несколько воспрянув духом, хотя и не совсем довольная результатом, она выудила из кувшина еще одну рыбку.

Русалка осмелела настолько, что вскоре стала аккуратно брать рыбу из рук Мари-Жозеф. На ощупь ее плавательные перепонки напоминали шелк. Теперь русалка, получив рыбу, не отплывала поспешно, а спокойно поглощала ее поблизости. Мари-Жозеф стала подносить руку все ближе и ближе, надеясь приучить морскую тварь к своим прикосновениям.

И тут обе они вздрогнули, услышав шум и заметив какое-то движение. Стенки шатра затрепетали на ветру, когда мимо проскакал всадник и, осадив коня, разметал гравий. Русалка ощерилась и зашипела, нырнула в глубину, совершив подобие заднего сальто, и устремилась в свое укрытие под статуей Аполлона. Мари-Жозеф обреченно вздохнула.

Шартр откинул полог шатра, с грохотом распахнул дверцу клетки и поднялся на бордюры фонтана. Высокие каблуки его лакированных, с золотыми пряжками башмаков громко стучали по доскам помоста. Мари-Жозеф присела в реверансе. Шартр с ухмылкой склонился над ее рукой, протянутой для поцелуя:

– Доброе утро, мадемуазель де ла Круа.

Смущенная и польщенная, стыдясь своих сморщившихся от воды пальцев, прилипшей чешуи и запаха рыбы, она мягко отняла у него руку и снова сделала реверанс.

– Доброе утро, сударь.

Его светло-каштановые локоны – собственные волосы, не парик – переливались, ниспадая на сизый воротник. Он так и не отказался от простого шейного платка и не сбрил усы. Лотта как-то раз призналась со смехом, что он иногда подкрашивает их ее сурьмой.

Повернув голову, он неловко заглянул в фонтан. Ей стало жаль его, ведь он был слеп на один глаз.

– Где же она? Вот, кажется... Да нет...

– Затаилась под копытами Аполлонова коня, – сказала Мари-Жозеф. – Вон там, видите? Если будете стоять молча, не шелохнувшись, она, может быть, и выплывет.

Мари-Жозеф поймала рыбку, опустила ее в фонтан и поболтала ею в холодной воде. Рыбка слабо дернулась.

– Позвольте мне покормить русалку! – попросил Шартр.

«Своей рукой я могу рискнуть, – подумала она, – а вот рукой герцога едва ли. Если русалка его укусит, мадам мне этого никогда не простит».

Она протянула ему рыбу, но сделала вид, что рыба случайно выскользнула у нее из пальцев.

– Сударь, простите...

– Сейчас я ее достану!

К ее удивлению, он встал на колени и опустил руку в фонтан, замочив кружевные манжеты. Рыбка опустилась на дно, так что он смог до нее дотянуться, а потом ожила и решила ретироваться. Привлеченная суетой, на спине подплыла русалка. Она схватила рыбку снизу и стрелой метнулась прочь. Шартр от восторга чуть было не грохнулся в фонтан. Мари-Жозеф с трудом удержала его, вцепившись в промокший рукав.

– Великолепно! – заявил он. – Я и вправду хочу ассистировать отцу де ла Круа.

Он стал рядом с ней на колени, не замечая, что рвет о доски помоста свои шелковые чулки:

– Если вы замолвите словечко перед вашим братом, он, может быть, позволит подавать ему инструменты. Или держать смотровое зеркало. Или...

Мари-Жозеф рассмеялась:

– Сударь, вы вправе занять место в первом ряду. Вы все увидите. Вы сможете всецело сосредоточиться на вскрытии.

– Пожалуй, – недовольно согласился он. – Но ваш брат всегда может без всяких церемоний обращаться ко мне и пользоваться моей обсерваторией. Вы же расскажете ему о моем оборудовании?

– Конечно, сударь. Благодарю вас.

В распоряжении Шартра имелись сложный микроскоп из двух линз, телескоп и логарифмическая линейка, ради которой Мари-Жозеф была готова на все.

О Шартре ходили зловещие слухи: что это он делает в тиши обсерватории, не иначе как приготавливает яды, или занимается черной магией, или воскрешает мертвецов? Все это было вопиюще несправедливо, ведь Шартра интересовали химические опыты, а не смешивание тайных зелий или союз с демонами.

– Сударь, – переменяла она тему разговора, скрывая волнение, – вы не видели моего брата?

А что, если его величество заметил отсутствие Ива на церемонии пробуждения и разгневался? Что, если он призвал его к ответу, если лишил его своих милостей, отрешил от должности?

– Нет, – но глядите, не он ли это?

Стражник отвел белый шелковый полог у входа.

В шатер вошел монсеньор великий дофин, наследник престола, кузен Шартра. Дофина умерла несколько лет тому назад. Поговаривали, что он содержит любовницу, мадемуазель де Шуан; она жила в личных апартаментах и никогда не появлялась при дворе.

За своим отцом великим дофином шагали августейшие внуки, герцоги Бургундский, Анжуйский и Беррийский. Они выступали с наигранной серьезностью, но не упускали случая толкнуть друг друга и вытягивали шею, стремясь разглядеть русалку в бассейне.

Вошли мадам и Лотта, а следом за ними – герцог Мэнский. Мадам обращалась с ним неизменно вежливо, но холодно. Его величество мог сколько ему угодно объявлять законно-рожденными Луи-Огюста, его брата Луи-Александра и его сводных сестер; все они, даже ее собственная невестка, в глазах мадам оставались презренными бастардами.

Если такое мнение мадам их и печалило, в чем лично Мари-Жозеф сомневалась, они умели это скрывать. Герцог дю Мэн был особенно хорош сегодня, в изысканном новом красном платье с золотым шитьем и серебряными кружевами. С его шляпы низвергался водопад пышных белоснежных перьев. Наряд позволял скрыть, что одно плечо у него было выше другого. Герцог шагал медленно и осторожно, и потому его хромота не бросалась в глаза.

Придворные все прибывали и прибывали, а кроме них, в шатер набились и посетители – незнатные подданные его величества, парижане и жители предместий: на вскрытие явилось куда больше любопытных, чем ожидала Мари-Жозеф. Придворные толпились возле бассейна, выбирая места поближе к креслам королевской семьи, а простолюдины выстроились за спинами аристократов вдоль стенок шатра.

Несколько человек продвинулись к клетке и стали заглядывать за решетку. Один поднял было засов, но тут его остановил мушкетер.

– Вход воспрещен, сударь, – предупредил мушкетер. – Это опасно.

– Мне, значит, нельзя, а ей можно? – Посетитель ткнул пальцем в Мари-Жозеф и расхохотался. – Или ее принесут в жертву морскому чудовищу, во славу Посейдона?

– Прошу вас, выбирайте выражения, – остановил его мушкетер.

– Его величество пригласил желающих...

– На публичное вскрытие.

Парижанин открыл было рот, чтобы возразить, но вовремя передумал и с поклоном отступил на шаг.

– Вы правы, офицер, – поспешно согласился он, – его величество пригласил желающих на публичное вскрытие. Его величество покажет живую русалку, когда сообразовит.

– Может быть, когда ее приручат, – сказал мушкетер.

Мари-Жозеф бросила в бассейн рыбу. Русалка метнулась вперед, стремясь ухватить ее на лету, подняв брызги, зарывав и щелкнув зубами. Мари-Жозеф стало немного жаль рыбку. Тщетно выискивая взглядом Ива, она вместе с Шартром поднялась по ступеням из клетки, закрыв ее за собой на засов.

Она сделала реверанс королевской семье, поцеловала край роброна мадам и обняла Лотту; та наклонилась и в свою очередь поцеловала Мари-Жозеф в щеку и губы. При этом Лотта старалась не опрокинуть свой фонтанж, множеством оборок вздымавшийся над ее затейливой прической и низвергавший целый каскад лент и кружев по ее спине.

– Доброе утро, душенька, – сказала мадам. – А мы все дивились во время мессы, где же вы.

– Вдруг она все это время пребывала в обществе месье де Кретьена? – весело засмеялась Лотта.

– Тише, дочь моя! – предостерегла ее мадам.

– Пожалуйста, простите меня, – протянула Мари-Жозеф, пытаясь понять, что же так развеселило Лотту.

– Простить вас за то, что вы были избавлены от необходимости слушать самую скучную за последние недели проповедь этого несчастного священника? Дитя, да я просто завидую вам!

Жалобы мадам на версальских священнослужителей всегда расстраивали Мари-Жозеф. Она-то знала: Господь поймет, что мадам не имела в виду ничего кощунственного или еретического, но не была уверена, что мадам правильно поймут другие придворные, в особенности мадам де Ментенон и в особенности потому, что мадам до замужества исповедовала протестантизм. Хотя сама мадам де Ментенон тоже перешла в католичество, отвергнув протестантизм.

– Вам нравится моя прическа? Ваша Оделетт – просто прелесть! – восторгалась Лотта. – Она же окторонка, правда? И где она до сих пор пряталась, почему мы ее не видели?

– Прошу прощения, мадемуазель, она турчанка и присоединилась ко мне, недавно прибыв с Мартиники.

– Она чудесно убрала мне волосы, а еще одним прикосновением совершенно преобразила мои старенькие фонтанжи.

– Я не могу покупать вам новые всякий раз, когда меняются моды, – сухо подытожила мадам, – а меняются они каждый день.

Тут к ним подошел месье, как всегда сопровождаемый Лорреном. Мари-Жозеф присела в реверансе, а когда Лоррен взял ее руку в свои, поднес к губам, поцеловал и задержал чуть дольше, чем это полагалось по правилам этикета, сердце у нее учащенно забилося. Она отступила на шаг, удивленная, шокированная и взволнованная его вызывающим прикосновением, а он с улыбкой взглянул на нее из-под полуприкрытых век. У него были очень красивые длинные черные ресницы.

Месье холодно поклонился Мари-Жозеф и повел свое семейство и Лоррена к полагающимся им местам. Месье сел, тщательно расправив полы сюртука.

Шартр развязно опустил на стул рядом с сестрой.

– Мадемуазель де ла Круа, – спросил он, – правда ли, что русалки – людоеды?

– О да, – ответила Мари-Жозеф со всей серьезностью, на какую только была способна, – я уверена, что это так.

– А люди, – вставил Лоррен, – платят им той же монетой.

Заскрипев, залязгав и застонав, ожили фонтанные механизмы. Где-то вдалеке с шумом хлынула вода.

– Значит, его величество близко, – отметила мадам.

«Где же Ив? – в панике подумала Мари-Жозеф. – Если его величество здесь, то вскрытие *во что бы то ни стало* должно идти своим чередом... А что, если его величество разгневался и явился изгнать меня? Что за вздор, перестань немедленно, – принялась она утешать себя. – Кто ты такая, чтобы король лично обрушивал на тебя кару? В крайнем случае он послал бы графа Люсьена, а то и ограничился простым лакеем».

– Прошу извинить меня. Мадам, мадемуазель...

Мари-Жозеф сделала книксен. Придерживая подол бархатной амазонки, она бросилась к выходу из шатра.

В голову ей закралась ужасное сомнение. А вдруг Ив ожидал, что она напомним ему, на какой час назначено вскрытие? Вдруг она опять подвела его, уже второй раз за день? Ей следовало вернуться во дворец еще час тому назад. Если она побежит за Ивом сейчас, то его величеству придется ждать, а это немыслимо. Сама она не могла приступить к вскрытию: она обладала для этого достаточными знаниями и сумела бы его провести, но так выставить себя на всеобщее обозрение было бы совершенно неуместно.

«Спрошу мушкетеров», – решила она и тут чуть было не столкнулась с графом Люсьеном, но успела вовремя остановиться и сделать ему реверанс.

– Займите свое место, мадемуазель де ла Круа, – велел он, а потом быстро, но внимательно оглядел шатер, проверяя, не предстанет ли взору его величества нечто такое, от чего он был обязан избавить монарха.

– Но я... Мой брат...

Вслед за графом Люсьеном в шатер вошел квартет; он жестом указал музыкантам, где им надлежало встать, чтобы музыка изливалась прямо на монарха. Они расположились, где было приказано, заиграли вразнобой, настраивая инструменты, нашли верный тон, и вот уже шатер наполнили стройные, гармоничные звуки.

– Отец де ла Круа явится в свое время, – объявил Люсьен.

Мушкетеры вновь развели полог шатра. Фанфара трубача громогласно возвестила о начале действия и появлении короля.

Его ввели в трехколесном кресле-каталке двое глухонемых лакеев. Пораженная подагрой ступня его величества возлежала на подушке. Одесную монарха выступал Ив, а тотчас за ними в шатер слуги внесли портшез мадам де Ментенон.

Торжественная музыка стихла; квартет заиграл какую-то мажорную мелодию. Ив жестиком кулировал, говорил и смеялся, словно перед ним был не король, а сверстник, иезуит, занимающий то же положение, что и он.

Граф Люсьен с поклоном отступил в сторону. Мари-Жозеф скользнула к стенке шатра, чтобы не оказаться на пути у его величества, и присела в глубоком реверансе. Все члены королевской семьи встали. Зашуршали шелка и атласы, зазвенели портупей, зашелестели перья на шляпах. И аристократы, и простолюдины склонились перед монархом.

Его величество принял знаки благоговения и преданности как должное. Лакеи бросились убирать из первого ряда королевское кресло, освобождая место для трехколесного кресла-каталки. Носильщики опустили наземь рядом с ним портшез мадам де Ментенон. Занавеси по бокам портшеза не шелохнулись, однако окошко слегка приоткрылось.

– Корабль лег на другой галс так быстро, – говорил Ив, – что матрос через леер кубарем полетел на верхнюю палубу и приземлился прямо на... – Ив замялся, а потом произнес, обращаясь к приоткрытому окошку мадам де Ментенон: – Прошу прощения, ваша светлость, я слишком долго пробыл среди неотесанных моряков. Я хотел сказать, что он приземлился в сидячем положении и не разлил ни капли своей порции спиртного.

Король усмехнулся. Из портшеза мадам де Ментенон не донеслось ни звука.

Король милостиво позволил дамам королевской крови сесть, улыбнулся брату и соблаговолил предложить ему кресло.

– Сегодня утром я весьма опечалился, не увидев вас, отец де ла Круа, – вновь обратился к Иву его величество. – Я бываю весьма разочарован, если мои друзья не присутствуют при моем утреннем пробуждении.

От смущения у Мари-Жозеф запылали пунцовым румянцем щеки и шея. Она невольно шагнула вперед, решив во что бы то ни стало взять вину на себя. Граф Люсьен потянулся и удержал ее за руку.

– Я должна сказать его величеству... – прошептала она.

– Сейчас не время отвлекать его величество.

– Прошу прощения, ваше величество, – сокрушенно произнес Ив. – Из-за страстного желания тщательнее подготовиться к вскрытию, чтобы провести его возможно лучше, я лишил себя счастья созерцать церемонию вашего пробуждения. С моей стороны это было непростительной бестактностью.

– Воистину непростительной, – любезно подтвердил его величество. – Но на сей раз я прошу вас – при условии, что вы явитесь на церемонию моего пробуждения завтра утром.

Ив поклонился, и король улыбнулся ему. Мари-Жозеф вздохнула с облегчением, но от сознания собственной вины ее не переставала бить дрожь.

Внезапно мадам де Ментенон громко постучала в окно своего портшеза.

– Я также ожидаю увидеть вас на мессе.

– Нет нужды упоминать об этом, ваше величество.

С глубокой благодарностью Ив склонился перед монархом.

Граф Люсьен тихо произнес на ухо Мари-Жозеф:

– Вы должны убедить своего брата в необходимости...

– Он знает, сударь. Это всецело моя вина, – перебила его Мари-Жозеф.

– Но спрашивать будут с него.

– Вы тоже не присутствовали на мессе, – вставила Мари-Жозеф, уязвленная критикой в адрес брата. – Может быть, его величество пожурит и вас.

– Не пожурит.

Граф Люсьен прохромал по полу шатра и встал на полагающемся ему месте подле монарха.

Все это время музыканты исполняли какую-то ненавязчивую мелодию. Русалка зашебетала в такт, ее трели влились в их мотив, производя странное, волшебное впечатление.

– Мари-Жозеф! – позвал ее Ив. – Мне нужна твоя помощь.

Она поспешила на его зов меж рядами кресел и заняла свое место у секционного стола.

– Хорошо, – сказал он. – Ты готова?

– Я готова.

Хотя ее задел его властный тон, она ответила спокойно, признавая всю справедливость такого обращения. Она торопливо направилась к ящику с принадлежностями для рисования. В нем хранилась бумага, угольные и пастельные карандаши. Сухой уголь зашелестел у нее под пальцами. В монастырской школе на Мартинике ей не дозволялось рисовать; в Сен-Сире у нее не было времени упражняться. Она надеялась, что окажется на высоте и не посрамит исследований брата.

– Уберите лед! – велел Ив.

Два лакея ковшами стали счищать лед и слой абсорбирующих опилок с секционного стола, открыв взорам окутанное саваном тело. Другие лакеи стояли рядом, держа большие зеркала под таким углом, чтобы его величество мог видеть всю процедуру, не вытягивая шею. В анатомическом театре Парижского хирургического коллежа с большим удобством разместилось бы большее число зрителей, но здесь, в Версале, комфорт его величества затмевал любые соображения.

В конце первого ряда Шартр не сводил взгляда с Ива и Мари-Жозеф, подавшись вперед и боясь пропустить хоть одно слово из уст Ива, хоть одну деталь процедуры, хоть одну подробность зрелища. Он встретился глазами с Мари-Жозеф, словно бы в задумчивости говоря: «А ведь это я мог счистить лед. Это я мог бы держать зеркало».

Мари-Жозеф с трудом подавила смехок, представив себе, как удивил бы Шартр придворных, если бы взялся за лакейскую работу.

– Щедрость и великодушие его величества, предоставившего средства для моей экспедиции, позволили мне обнаружить место, где ежегодно собираются последние русалки, – начал Ив, – и изловить двух. Создание мужского пола сопротивлялось до последнего и предпочло смерть. Русалка женского пола выжила, ибо лишена такой воли к свободе.

Тут участники квартета, солируя, стали вести мелодию поочередно, и вдруг, снова заиграв слаженно, воспарили на небывалую высоту, дерзко нарушив правило, согласно которому в присутствии короля обыкновенно исполнялась размеренная музыка. Мадам, сама весьма незаурядная музыкантша, шепотом ахнула, прикинув к уху Лотты; даже его величество взглянул на участников квартета. Скрипач сбился от ужаса. Музыканты никак не изменяли привычную пьесу.

Это пела русалка.

«Словно птица, – подумала восхищенная Мари-Жозеф, – пересмешник, который может подражать всему, что слышит!»

Скрипач вступил снова. Голос русалки взмыл над мелодией, а потом словно бросился под ее поверхность, в глубину. Мягкий рокот ее голоса поразил Мари-Жозеф в самое сердце, заставив ее на мгновение похолодеть.

От парусины, немедля наполнив шатер, распространился едкий запах противогнилостного раствора и жуткий сладковатый смрад разлагающейся плоти. Месье поднес к лицу ароматический шарик, понюхал его, а затем, подавшись вперед, протянул начиненный гвоздикой апельсин своему августейшему брату. Его величество принял средство от вредоносных испарений, кивнул в знак благодарности и поднес ароматический шарик к носу.

– Сначала я проведу макроскопическое вскрытие и рассечу кожу, связки и мышцы русалки.

Словно не замечая музыки и невыносимого зловония, Ив откинул парусину.

Песнь живой русалки смолкла.

Русалка мужского пола была еще более безобразна, чем пленница фонтана, черты лица были грубее, а волосы, светло-зеленые, спутанные, неровными прядями ниспадали на плечи. Безобразие морской твари не удивило Мари-Жозеф, ей и прежде случалось ассистировать Иву при вскрытии лягушек, змей, грязных крыс, мерзких, скользких червей, акул, ощерившихся редкими острыми зубами в адской ухмылке.

Однако ее удивил нимб вокруг головы водяного, расходившийся словно солнечными лучами и сложенный из осколков стекла и обломков позолоченного металла. Она зарисовывала облик удивительного создания машинально, как будто рука повиновалась непосредственно ее взгляду. Вот на листе появились очертания головы, спутанные волосы, лучи битого стекла, чередующиеся с полосками скрученной позолоты.

Ив небрежно смел осколки стекла и фрагменты металла, как случайный мусор. Он приподнял прядь русалочьих волос. Из нее выпала позолоченная металлическая стружка. Ив отбросил ее прочь вместе с сором.

Выглядывая из-за края фонтана, меж прутьями решетки, живая русалка принялась вздыхать и посвистывать.

Мари-Жозеф просунула запечатлевший нимб русалки набросок под стопку чистых листов и приступила к следующей зарисовке.

– Господь наделил этих тварей волосами, – продолжал Ив, – дабы они могли укрыться в скоплениях водорослей. Они пугливы и любят уединение. Они ловят мелкую рыбу, но, без сомнения, питаются по большей части бурыми водорослями.

Мари-Жозеф проворно зарисовывала сбившиеся колтунами волосы, кое-где неровные, словно их стригли, массивную челюсть, острые клыки, выступающие из-за нижней губы.

– Когда вы наконец разрежете эту тварь, стоит поджарить несколько кусочков на пробу, – изрек монсеньор.

– С вашего позволения, монсеньор, – поклонился Ив великому дофину, – это невозможно. Труп был заспиртован не для употребления в пищу, а для анатомирования.

– Без сомнения, если эту тварь замариновали, нам уже не ощутить ее истинного вкуса, – заметил Лоррен.

– Постарайтесь не потерять аппетита до пира в моих покоях, монсеньор, – сказал его величество, которого подобные шутки вовсе не забавляли.

Все замолчали и, подобно королю, постарались не отрывать взгляда от водяного или его зеркального отражения.

Ив взял скальпель и рассек тело твари от грудины до лобка.

Живая русалка пронзительно вскрикнула.

Музыканты заиграли громче, тщетно пытаясь заглушить ее крики.

– Кожа у русалки грубая, точно выдубленная, – как можно громче продолжил Ив. – Ее назначение – защищать русалку от таких хищников, как акулы, киты и гигантские спруты. Ваше величество, должно быть, заметили, что самая толстая кожа у русалки на хвосте, там она похожа на настоящие доспехи, а это, в свою очередь, доказывает, что главная защита от хищников для русалки – спасение бегством.

Живая русалка пронзительно вскрикнула, и у Мари-Жозеф дрогнула рука, оставив на бумаге неровную угольную линию. В глазах у нее неожиданно помутилось.

«Не от голода же она кричит, – подумала Мари-Жозеф. – Русалка, что случилось? Я же слышу эту печаль. Но я не могу подойти к тебе. Я должна остаться здесь и зарисовать вскрытие».

Она закончила рисунок, изображающий голову мертвой русалки. Стоявший подле нее слуга быстро забрал его и приколот к доске за ее спиной, чтобы весь двор мог его увидеть. Она протянула руку в надежде остановить слугу, но было уже поздно.

Она изобразила морскую тварь с открытыми большими темными глазами, почти лишенными белков, с расширенными зрачками. На лице русалки застыло выражение скорби и страха.

Мари-Жозеф вздрогнула, но поборола волнение.

«Что за вздор! – решила она. – У звериных морд не бывает выражения. А глаза я сделала как у живой русалки».

Ив отогнул кожу.

Живая русалка то ли застонала, то ли зарыдала в бассейне. На ее стенания откликнулись животные из королевского зверинца, заревев и затрубив, заголосив и зафыркав вдалеке. Его величество слегка повернул голову в сторону фонтана Аполлона; это едва заметное движение возвестило придворным, что шум и вопли докучают ему и нарушают его покой. Музыканты заиграли громче. Никто не знал, что делать, и меньше всех – Мари-Жозеф.

– Мы видим слой подкожного жира – ворвани, характерный для китов и морских коров, – попытался Ив перекричать какофонию. – У русалок он относительно тонок, а это означает, что они не ныряют на большую глубину и не преодолевают вплавь большие расстояния. Вероятно, они приплывают к местам своего летнего сбора, переносимые теплым морским течением. Предполагаю, что они скрываются на мелководье и редко отваживаются отплывать далеко от островов, где появляются на свет.

Мари-Жозеф бегло набросала на бумаге торс русалки. Слой жира смягчал очертания тела, но не мог скрыть хорошо развитых мускулов и мощных костей.

– Мадемуазель де ла Круа!

Мари-Жозеф испуганно вздрогнула. За ее спиной появился граф Люсьен. Он обратился к ней полупшепотом, хотя в таком невероятном шуме и гвалте мог бы говорить в полный голос, нисколько не опасаясь отвлечь Ива. Тем временем его величество и придворные старательно отводили глаза от Мари-Жозеф и графа Люсьена.

– Заставьте эту тварь замолчать! – властно произнес он. – Ради его величества...

– Я ее кормила, – прошептала Мари-Жозеф, – и поняла, что, когда она голодна, она кричит по-другому. Не знаю, может быть, ей не нравится музыка?..

– Да как вы смеете!..

Она покраснела:

– Я не хотела...

Однако он справедливо ее одернул. Если его величество покинет импровизированный анатомический театр, не выдержав шума и воплей, значит Ив упадет в его глазах. Карьера Ива, его положение при дворе явно пострадают.

– Она поет как птица, – сказала Мари-Жозеф. – Если закрыть клетку, как делают с птицами, русалка, может быть, замолчит.

Взгляд графа Люсьена, брошенный на клетку, был столь выразителен, словно он без обиняков назвал Мари-Жозеф дурой. Клетка вмещала в себя весь фонтан, а верх ее почти касался потолка шатра. Чтобы полностью закрыть ее, потребовался бы еще один шатер.

Граф Люсьен прохромал к русалочьей клетке, жестом подозвав нескольких лакеев:

– Принесите вон ту сеть.

Сеть из толстых веревок со стуком упала на доски помоста.

А плач русалки все не умолкал. Мари-Жозеф сама готова была разрыдаться, ведь если они станут ловить русалку сетью, если заставят ее замолчать, засунут ей в рот кляп, то вся дрессировка, на которую она потратила столько сил, пойдет прахом.

Мари-Жозеф лихорадочно зарисовывала мертвого водяного, пытаясь поспеть за объяснениями Ива. Эпидермис, дерма, подкожный жир, связки. Ей бы хотелось запечатлеть кожу морской твари во всех подробностях, в большом увеличении, пока она окончательно не разложилась, – возможно, за неимением собственного под микроскопом Шартра, если герцог разрешит им воспользоваться.

За фонтаном лакеи сняли боковые шелковые полотнища шатра и отнесли их к клетке. По знаку графа Люсьена они повесили белый шелк на прутья, отделив русалку от его величества. Хотя тонкий занавес едва ли мог заглушить звуки или объять морскую тварь ночной тьмой, чтобы, обманутая, она нырнула на дно фонтана и заснула, Мари-Жозеф предполагала, что все-таки стоит попробовать. Плотную парусину нельзя было привезти из Версаля быстрее чем за час, а из Парижа – быстрее чем за день.

Крики русалки действительно стали все глуше и глуше. Все, за исключением короля, удивленно взглянули на клетку.

В толпе послышались отдельные свистки, но потом они стихли, и по рядам зрителей прошел вздох облегчения. Граф Люсьен подал знак слугам вернуться на места и отвесил поклон Мари-Жозеф. Она застенчиво улыбнулась. Едва ли ее догадка оказалась верной, скорее всего, это просто совпадение, именно этот миг русалка выбрала, чтобы погрузиться в безмолвие. Ответный рев и вопли животных в королевском зверинце тоже постепенно умолкли, лишь тигр где-то далеко напоследок издал отрывистый хриплый рык, и все стихло.

Квартет заиграл тише. Граф Люсьен вернулся на свое место, Ив вернулся к прерванной лекции, а Мари-Жозеф – к неоконченному эскизу. Король с интересом наблюдал за вскрытием грудной клетки и плечевых мышц.

Доска украсилась целой серией рисунков. Пять, десять: тело морской твари, нога, ступня, снабженная когтями и плавательными перепонками. У Мари-Жозеф от напряжения свело пальцы.

– Сейчас я обнажу внутренние органы...

Его величество произнес что-то, обращаясь к графу Люсьену, и тот жестом велел глухим слугам стать на свои места. Придворные повскакали на ноги. Шатер снова наполнился шуршанием и шелестом шелка и атласа.

– ...которые, если я не ошибаюсь, должны напоминать...

Всецело поглощенный работой, Ив выбрал новый острый скальпель.

– Отец де ла Круа! – воззвал к нему граф Люсьен.

Ив выпрямился, в недоумении уставился на него и лишь спустя несколько секунд вспомнил, где он и в присутствии каких особ находится.

– Необычайно увлекательно, – сказал его величество. – Чрезвычайно интересно.

– Благодарю вас, ваше величество, – ответил Ив.

– Месье де Кретъен? – обратился к адъютанту король.

Граф Люсьен приблизился к королевской коляске:

– Что вам угодно, ваше величество?

– Прикажите Академии наук опубликовать подробный отчет о вскрытии, вместе с рисунками. И отчеканить памятную медаль.

– Разумеется, ваше величество.

– Отец де ла Круа, месье де Кретьен сообщит вам, когда у нас появится время снова присутствовать в анатомическом театре. Возможно, его святейшество папа соблаговолит к нам присоединиться.

У Мари-Жозеф упало сердце: надо же, еще одна задержка. Если король не позволит Иву препарировать русалку в одиночестве, без зрителей, не дожидаясь папы, ее, возможно, и вовсе не удастся описать должным образом.

Ив поклонился. Мари-Жозеф сделала реверанс. Пальцами в угольной пыли она запачкала юбку амазонки.

– Как будет угодно вашему величеству, – произнес Ив.

После того как король покинул шатер в сопровождении не перестававших играть музыкантов, после того как удалились придворные, королевские слуги, стража, после того как разбрелись посетители, Мари-Жозеф осталась в обществе Ива и графа Люсьена.

Мари-Жозеф устало опустилась на стул, разумеется не стул его величества, это было бы непростительной дерзостью, а на другой, еще хранивший тепло тела шевалье де Лоррена.

Новые туфли, которым Мари-Жозеф так радовалась поначалу, нестерпимо жали.

– И когда мне будет позволено продолжить, граф Люсьен?

Не отвечая, граф Люсьен задумчиво разглядывал приколотые к доске рисунки Мари-Жозеф.

– Скажите, мадемуазель де ла Круа, живые существа удаются вам столь же хорошо, сколь мертвые?

– Да, месье де Кретьен, запечатлеть жизнь куда проще.

– Пожалуйста, представьте Академии наук рисунок, изображающий русалку – живую русалку, – для медали, отчеканить которую задумал его величество. Впрочем, не могу обещать вам, что именно он будет избран.

– Но когда мой брат сможет продолжить препарирование?

– Сестра, – перебил ее Ив, – граф Люсьен оказывает нам неслыханную честь. Будь добра, потрудись хотя бы вежливо ответить.

– Конечно, сударь, как же иначе! – воскликнула она. – Я польщена, сударь, и от всего сердца благодарю вас. Но рисунки и медали не подвержены разложению. А вот вскрытие русалки...

– Продолжение вскрытия – всецело во власти его величества, – напомнил Ив.

Он взял с лабораторного стола длинный осколок стекла, швырнул в мусорное ведро и разбил с гулким, точно колокольным, звоном. Ив закрыл парусиной истерзанное тело мертвого водяного.

– Но ты же сам говорил, что русалок осталось мало. Что, если тебе больше не удастся препарировать ни одну?

– Конечно, я буду сожалеть об этом. Но в мире множество неизвестных науке созданий. Ив приказал слугам обложить тело колотым льдом.

– Вскрытие будет продолжено через два-три дня, – неожиданно объявил граф Люсьен.

– Не сегодня? – ахнула Мари-Жозеф.

– Полагаю, сегодня это невозможно. Сегодня его величество принимает его святейшество папу.

Ив кивнул, соглашаясь с графом Люсьеном.

– Я должен прибыть в распоряжение его святейшества. Морская тварь подождет.

Лакеи засыпали колотый лед толстым слоем опилок.

– Тогда завтра? – спросила Мари-Жозеф.

Граф Люсьен рассмеялся:

– Уверяю вас, его величество будет занят с утра до глубокой ночи. Торжественные церемонии, развлечения, пикник в королевском зверинце... Кроме того, королю предстоит обсудить с папой Иннокентием Крестовый поход против еретиков-лавочников. Его величество рассчитывает, что успеет встретиться с членами Государственного совета, а также отрепетировать конные номера для Карусели⁴.

– А его величество непременно должен присутствовать при вскрытии?

– Его величество желает присутствовать при вскрытии, – произнес граф Люсьен тоном, не допускающим возражений.

– Но если король так занят, неужели он заметит, если Ив...

– Что ж, тогда у вашего брата появится бесценный опыт пребывания в Бастилии, – сухо продолжил граф Люсьен.

– Мари-Жозеф, – одернул ее Ив, – я намерен скрупулезно исполнить все желания его величества.

– Граф Люсьен, – взмолилась Мари-Жозеф, – пожалуйста, объясните его величеству: мой брат изловил и исследует русалок лишь для того, чтобы слава его величества воссияла в веках!

– Вы ожидаете от меня слишком многого, мадемуазель де ла Круа, – с легким раздражением промолвил граф Люсьен. – Пожалуй, лучше всего было бы продолжить препарирование после Карусели, когда живая русалка научится вести себя тихо.

– Но к тому времени останутся только кости русалки да черви, которые выведутся из ее плоти!

– Сожалею, – откликнулся граф Люсьен.

– Пожалуйста, простите мою сестру, месье де Кретьен, – вмешался Ив, – она имеет самое смутное представление об этикете.

Мари-Жозеф смущенно замолчала. Слуги подмели мокрый, в разбухших опилках пол вокруг секционного стола, едва слышно скребя метлами по доскам.

– Не вам рассуждать о придворном этикете, сударь. Вы разочаровали его величество, не явившись на церемонию утреннего пробуждения. Советую вам более не разочаровывать монарха. Он ожидает вас в своих личных покоях на званом ужине сегодня вечером. Не пренебрегайте оказанной вам честью.

Мари-Жозеф вскочила со стула:

– Его величество думает, что это вина Ива! Я должна перед ним покаяться!

Русалка ахнула, подражая ее взволнованному восклицанию.

– Тише, Мари-Жозеф! – велел Ив. – Незачем посвящать в эти недоразумения месье де Кретьена. Его величество простил меня...

– А умолять о прощении должна была я!

Русалка свистнула, словно подчеркивая тяжесть вины Мари-Жозеф.

– Какая разница? Все кончилось хорошо.

Граф Люсьен на минуту задумался, нахмутив лоб.

– Месье де ла Круа прав, – сказал он Мари-Жозеф. – Не стоит беспокоить его величество дважды, чтобы получить прощение за один-единственный проступок. Но должен предупредить вас: впредь будьте осмотрительнее.

Граф Люсьен поклонился Иву, Мари-Жозеф и отправился восвояси. От долгого пребывания без движения все тело у него затекло, он тяжело опирался на трость. Хотя с боков шатер остался не закрыт, он прошагал к выходу, и мушкетеры отвели для него полог. Его арабская кобыла тотчас преклонила колени. Он неуклюже взобрался в седло и ускакал.

⁴ *Карусель* – здесь: род конных состязаний, разновидность конного балета, пришедшая на смену рыцарским турнирам в XVII в.

Когда он скрылся из глаз, Мари-Жозеф печально произнесла:

– Прости меня, пожалуйста, я таких дел натворила... И подумать только, это сегодня-то, в день твоего триумфа...

– Послушай, – заверил ее Ив, – я и вправду все уже забыл.

Не в силах скрыть свою благодарность, она на миг его обняла.

– Иди покорми русалку, да побыстрее. И заставь ее замолчать!

Мари-Жозеф вошла в клетку и выловила очередную рыбу. Она слабо билась в сачке, словно вот-вот уснет.

– Русалка! Ужинать! Рыба!

Мари-Жозеф поболтала сачком под водой. В толще воды она пальцами ощутила тихие колебания, рождаемые русалочьим голосом.

Русалка высунула голову из-под копыт Аполлонова коня. Над водой постепенно показались ее макушка, лоб, глаза. Она уставилась на Мари-Жозеф.

– Интересно, она снова закричит, если я сниму занавеси? – спросил Ив.

– Не знаю, Ив, я даже не знаю, почему она начинает кричать. Или почему затихает, или почему поет.

Он пожал плечами:

– Не важно, лишь бы шум не беспокоил его величество.

Лакеи сняли импровизированные занавеси и вернули их на боковые стенки шатра.

– Она так горевала, – протянула Мари-Жозеф. – Плыви ко мне, русалочка. Тебе не больно? Ты не ранена?

Русалка молча подплыла к Мари-Жозеф. Та выпустила рыбку в воду. Русалка метнулась к ней, схватила ее перепончатыми руками и проглотила не жуя.

– Какая она проворная!

– Но, несмотря на все свое проворство, попала в сеть.

Мари-Жозеф бросила ей еще одну рыбу. Русалка с силой ударила хвостом, наполовину выбросилась из воды и схватила рыбу прямо в воздухе, а потом снова нырнула в фонтан, хрустя рыбьими косточками и плавниками.

– Но ты же говорил, что тогда они совокуплялись, от страсти позабыв обо всем на свете...

– Я не хочу обсуждать это!

Под поблекшим загаром стало заметно, как Ив вспыхнул до корней волос.

– Но...

– Я не буду обсуждать со своей сестрой, только что вышедшей из монастырской школы, блудодеяние, даже совершаемое животными!

Резкость Ива удивила ее. В детстве они обсуждали все. Конечно, в детстве они ничего не знали о блудодеянии, людском или зверином. Может быть, он и до сих пор ничего не знает и его смущает собственная неосведомленность, или, наоборот, знание истинной природы совокупления испугало его так же, как в свое время в монастыре и Мари-Жозеф.

Она поймала последнюю рыбку и протянула ее русалке на ладони, без сачка. Русалка подплыла и замерла в нескольких саженях от нее. Рыбка забилась в ладони у Мари-Жозеф.

– Ну, плыви сюда, русалочка, милая русалочка. Смотри, какая рыбка.

– Ррыбка, – выдохнула русалка.

Мари-Жозеф ахнула от восторга:

– Она разговаривает, как попугай!

Она выпустила рыбку прямо русалке в руки. Русалка с хрустом прожевала ее и нырнула в глубину.

– Я приучу ее...

– Сидеть тихо? – спросил Ив.

– Не уверена, – задумчиво сказала Мари-Жозеф. – Вот если бы я знала, что ее печалит. Она так горевала... Я сама чуть не расплакалась.

– Если бы ты расплакалась, никто бы и не заметил. А вот плач русалки докучал его величеству. Пойдем, нам пора.

Пока Мари-Жозеф собирала в ящик принадлежности для рисования, он закрыл дверцу на цепочку и запер на засов. Она достала из-под стопки листов тот, на котором зарисовала голову русалки с нимбом из стекла и золота.

– А это что? Откуда взялось стекло? И позолота?

– Не знаю, должно быть, она нашла в фонтане разбитую бутылку и отслоившиеся листики позолоты со статуй.

– Их положила туда живая русалка? Для этого она и убегала вчера ночью? Но зачем?

Ив пожал плечами:

– Русалки – как вороны. Тащат к себе все, что блестит.

– Похоже на...

– Ни на что это не похоже.

Ив вырвал листок у нее из рук, скомкал его и поднес к огнепроводному шнуру. Бумага загорелась. Нимб вокруг головы мертвого водяного почернел и съежился. Ив бросил рисунок Мари-Жозеф в плавильный тигель и сжег.

– Ив!..

Он только улыбнулся:

– Пойдем.

Он взял ее руку, положил на сгиб своего локтя и повел ее прочь из шатра.

За их спинами русалка негромко пророкотала:

– Ррыба...

Глава 6

Мари-Жозеф просунула руки в проймы нового придворного роброна, который Оделетт держала, присборив, у нее над головой.

Увидев этот чудесный синий атлас, украшенный серебристыми кружевами, Мари-Жозеф тотчас перестала жалеть об испорченном желтом шелке. Это платье принесла одна из служанок Лотты; Оделетт совершила небольшое чудо, ушив его и обновив отделку.

Корсаж на китовом усе и юбка плавно скользнули вниз, скрыв рубашку на тонких бретелях, корсет, чулки, парадную нижнюю юбку и юбку исподнюю. Оделетт застегнула крючки, отвела полы, чтобы приоткрыть парадную нижнюю юбку и ловко расправила оборки.

Мари-Жозеф испытывала к Лотте несказанную благодарность. Подарок мадемуазель позволял ей присутствовать на приеме в честь папы римского, одетой как подобает.

Мари-Жозеф гадала, разрешат ли ей приблизиться к папе и поцеловать его перстень. Конечно нет; этой милости удостоятся лишь избранные придворные. И все-таки она увидит его, а она ведь на это даже не надеялась, так как визит папы во Францию был чем-то неслыханным.

«Он добр, – думала она, – он добр и свят. Когда его святейшество и его величество заключат перемирие, они исцелят мир от всех бед и всякого зла».

Оделетт внесла новый фонтанж, украшенный остатками тех кружев, что пошли на платье, и несколькими последними лентами Мари-Жозеф.

– Ты не успеешь его на мне заколоть, – посетовала Мари-Жозеф, – а не то я опоздаю к мадемуазель.

Оделетт с неохотой отложила замысловатый головной убор и причесала Мари-Жозеф совсем просто, украсив ее волосы одним-единственным искусственным камнем.

Оделетт вздохнула.

– Вот если бы король пожаловал вам настоящий бриллиант, мадемуазель Мари, – сказала она. – Ведь всем известно, что у вас нет ничего, кроме фальшивых украшений.

– Всем известно, что у меня нет денег, – сказала Мари-Жозеф. – Если у меня вдруг появится бриллиант, все начнут судачить, откуда он взялся.

– Но они же все занимают деньги: у короля, друг у друга, у торговцев. Занимают и глазом не моргнув.

Оделетт опустила пуховку из овечьей шерсти в баночку с пудрой. Она хотела бы припудрить своей хозяйке обнаженную шею и декольте, но потом передумала.

– Нет, – задумчиво произнесла она, – иначе пудра скроет голубоватые вены и никто не заметит, как вы белы.

Поднялось целое облако мучнистой пудры. Мари-Жозеф чихнула.

– Хорошо, – согласилась она, – значит, я и так достаточно бледна.

Тогда Оделетт припудрила себе лоб, щеки и шею, испещрив безупречно гладкую смуглую кожу белыми пятнами.

– Вы – самая красивая женщина при дворе, – сказала Оделетт. – Все принцы поглядят на вас и скажут: «А кто эта прекрасная принцесса? Я во что бы то ни стало женюсь на ней, а турецкий посланник пусть женится на ее прислужнице!»

– Оделетт, ты просто прелесть, – рассмеялась Мари-Жозеф.

– Почему бы и нет? – мечтательно протянула Оделетт. – Так ведь всегда бывает в сказках.

– Принцы женятся на принцессах, а Турция вряд ли направит посланника во Францию.

Хотя Франция и Турция воевали против общего врага, король едва ли считал турок союзниками. В прошлом его войска не раз брали турок в плен и продавали в рабство. Так случилось и с матерью Оделетт.

– Благородные господа скажут: «Кто эта девица из колоний, дурнушка, провинциалка? Я бы никогда на такой не женился, разве что за ней дадут огромное приданое!»

Оделетт принесла Мари-Жозеф остроносые туфли на высоких каблуках, и Мари-Жозеф надела их.

– Теперь вы – само совершенство, мадемуазель Мари. Вот только волосы у вас убраны слишком просто.

Мари-Жозеф смотрела на бледное отражение в зеркале, почти не узнавая себя.

Мари-Жозеф и Оделетт торопливо зашагали по захламленным, дурнопахнущим чердачным коридорам. Оделетт несла фонтанж, точно затейливый торт с кремовой башенкой.

Они спустились по бесконечным узким лесенкам и наконец добрались до королевского бельэтажа. Вытертые ковры и темные переходы сменились полированным паркетом, пышными гобеленами, резьбой и позолотой. Дворец изобиловал великолепными произведениями искусств, и потому его величество всегда был окружен красотой. Почти все предметы, к которым прикасался его величество, были изготовлены во Франции, и благодаря августейшему покровительству французское искусство и ремесла вошли в моду во всех европейских столицах. Даже враги Франции воздвигали дворцы по образцу Версаля.

Во дворце Мари-Жозеф часто беспомощно застывала перед картинами, утонченное мастерство и прелесть которых представлялись ей как художнице недостижимыми. Она восторгалась живописью Тициана и Веронезе, словно чудом. И сегодня с трудом заставляла себя не задерживаться перед их картинами.

В покоях Лотты лакей возвестил о ее приходе.

– Мадемуазель Мари-Жозеф де ла Круа.

Он распахнул одну створку двойной двери:

– Прошу вас.

Лотта вырвалась ей навстречу из целого облака разноцветного шелка, атласа и бархата и стайки фрейлин, блиставших лучшими нарядами и изысканными драгоценностями.

– Мадемуазель де ла Круа! – воскликнула она, обняв Мари-Жозеф, потом отступила на шаг и оглядела ее с головы до ног.

– Годится, – вымолвила она делано строгим тоном, подражая мадам.

– Благодарю вас, мадемуазель.

Мари-Жозеф присела в реверансе перед мадемуазель и другими дамами, несравненно превосходившими ее знатностью, богатством и положением.

– Сегодня было так интересно! – Лотта слегка взбила юбку Мари-Жозеф, чтобы изящнее смотрелись оборки. – Но, бедняжка Мари-Жозеф, вы не вымазались рыбьей требухой?

– Нет, мадемуазель, только чуть-чуть запачкала пальцы углем.

– Это ваша знаменитая Оделетт? – спросила мадемуазель д'Арманьяк, прославленная красавица сезона. Кожа у нее была бледная, словно фарфоровая, а кудри – светло-русые, цветом напоминающие золотистое молодое вино.

Дамы столпились вокруг Оделетт, не в силах оторвать взор от ее рукоделия. Лотта завладела новым фонтанжем. Его замысловатая, в оборках, башня вздымалась над ее головой чуть ли не на полсажени, а ленты пышным каскадом низвергались на спину. Мадемуазель д'Арманьяк принесла еще серебряных лент, в тон нижней юбке Лотты, и Оделетт вплела их в каркас фонтанжа.

– Чудесно! – воскликнула Лотта. – Какая ты искусница!

Она обняла Мари-Жозеф, подарила Оделетт золотой луидор и выплыла из своих покоев, сопровождаемая целой толпой фрейлин, среди которых Мари-Жозеф совсем затерялась.

В апартаментах мадам перед ними распахнули обе половинки высоких резных дверей. Этого требовало высокое положение мадемуазель. В передней перед ней присели в реверансе

фрейлины мадам. Лотта с улыбкой им кивнула. Но, не успев дойти до личных покоев матери, она вдруг обернулась:

– А где мадемуазель де ла Круа? Мне нужна мадемуазель де ла Круа!

Мари-Жозеф сделала книксен. Лотта клюнула ее в щеку, подхватила под руку и прошептала на ушко:

– Вы готовы предстать перед моей мамой?

– Я безгранично ценю вашу матушку, – искренне сказала Мари-Жозеф.

– А она любит вас. Но иногда она бывает такой скучной и надутой!

Спальню мадам освещала одна-единственная свеча. Мадам что-то писала за столом, закутавшись в широкий шлафрок. Огонь в камине потух. В покое было сумрачно и холодно. Мари-Жозеф сделала глубокий реверанс.

Мадам оторвалась от письма и отложила перо.

– Лизелотта, душенька моя, – произнесла она, – подойди-ка поближе, дай на тебя поглядеть.

В семье мадам и мадемуазель принято было величать одним и тем же ласкательным именем.

Встревоженные реверансом Мари-Жозеф, из-под полы шлафрока мадам выскочили две собачки. Истерически затавжав, они принялись шумно носиться по комнате, стуча лапками и царапая коготками паркет. В любом углу посетителя охватывал застоявшийся запах их испражнений. Собачки, словно ожившие кучки ветоши, запрыгали вокруг Мари-Жозеф, теребя ее нижнюю юбку.

Не дожидаясь, когда мадам позволит ей встать, она невольно отпрыгнула, чтобы не получить лапкой в лицо, и украдкой легонько пнула Георгинчика Старшего. Престарелый песик тявкнул чуть громче, попытался было, клацнув зубами, схватить ее за юбку, утратил к ней всякий интерес и заковылял прочь, обнюхивая пол и пыхтя. Вторая болонка, по кличке Георгинчик Младший, подобострастно последовала за ним. Даже по сравнению с Георгинчиком Старшим он был песиком невеликого ума.

Мадам встала, обняла Лотту, нежно потрепала ее по щеке и чуть отошла, чтобы как следует ее разглядеть.

– Твой роброн стоит целое состояние, Карусель его величества всех нас разорит, – но в этом платье ты прелестна, оно тебе очень к лицу.

Низкий вырез сильно обнажал великолепную грудь Лотты; сизый атлас, серебристые кружева и бриллианты подчеркивали голубизну ее глаз. Пышущая здоровьем, плотная, бодрая и добродушная, Лотта пошла в своих немецких предков с материнской стороны, тогда как ее красавец-брат со всеми его достоинствами и недугами был Бурбоном до мозга костей.

Мадам окинула Мари-Жозеф с головы до ног внимательным взглядом:

– Полагаю, мадемуазель де ла Круа, это платье мне случалось видеть и прежде.

– Оно так идет Мари-Жозеф, мама! – вступилась за нее Лотта. – А ее искусница Оделетт совершенно его преобразила!

– Настолько, что ты сама могла бы его надеть.

– Помилуйте, мама, надеть одно и то же платье второй раз, да еще пока при дворе гостят иностранные принцы!

– А где же палантин, что я вам подарила?

Мари-Жозеф сделала вид, будто спохватилась и расстроилась:

– О мадам, прошу прощения, увидев новое платье, я забыла обо всем на свете!

Как она ни была привязана к мадам, в ее намерения отнюдь не входило подражать ее старомодным причудам и скрывать декольте под палантином или шарфом.

– Однако о моде вы не позабыли, – печально покачала головой мадам, смирившись с неизбежным. – Ну что ж, годится.

Мадам произнесла это точь-в-точь как Лотта, когда та ее передразнивала.

Лотта с трудом сдержала смех. Мари-Жозеф скрыла улыбку, снова присев в реверансе.

– Дочь моя, – изрекла тучная герцогиня, – я уж начала было волноваться, куда это вы пропали.

Лотта рассмеялась:

– Ах, матушка, мне пришлось спасти Мари-Жозеф от чудовищной рыбы!

Мари-Жозеф приблизилась к мадам и, преклонив колени, поцеловала край ее платья.

– Пожалуйста, простите меня, мадам. Я не нарочно. Я очень сожалею, что мадемуазель из-за меня опоздала.

– Прощать вас второй раз на дню? – улыбнулась герцогиня. – Дитя мое, я же вам не духовник! Впрочем, не знаю, быть может, у вас и так слишком много обязанностей, чтобы вы еще прислуживали семье такой старухи, как я.

Она взяла Мари-Жозеф за руку и заставила ее встать.

– Пожалуйста, не отбирайте у меня Мари-Жозеф, матушка! – взмолилась Лотта. – Иначе я нанесу оскорбление месье де Кретьену. А потом, у меня на службе ее ждет большое будущее!

– А на службе у его величества большое будущее ждет ее брата, и брат не может обойтись без ее помощи. Отец де ла Круа для его величества важнее нас.

Мадам торжественным жестом обвела всю комнату с ее поблекшими шпалерами и свечными огарками:

– Я не завидую его успеху.

– Ах, мадам, если бы вы увидели наши комнаты! – жалобно протянула Мари-Жозеф, хотя и не могла вообразить, как мадам будет взбираться по лестнице на чердак, и от души надеялась, что она не попытается это сделать. – Вся моя каморка уместилась бы под пологом вашей постели, и комната моего брата не больше.

– Ах, душенька, долго это не продлится. Я чту вашего брата, ведь он добился необычайного успеха, – вздохнула она. – Мне только жаль, что я не могу обеспечить собственных детей, как пристало в их положении, и заплатить долги.

– Мама, вы, как обычно, преувеличиваете, – упрекнула ее Лотта. – Мы же богаты, наша дорогая великая мадемуазель⁵ завещала нам все свое состояние.

– Наша дорогая великая мадемуазель! Впрочем, о мертвых хорошо или ничего. Великая мадемуазель оставила все свое состояние вашему брату. Месье богат. Но я с трудом содержу своих слуг и не могу одеваться, как приличествует супруге месье, потому что в силах позволить себе только одно новое платье раз в два сезона.

– Матушка, но у вас же есть совершенно новое парадное платье! Нам надо поторопиться, почему фрейлины вас еще не одели?

– Они так *суетились*, что мне пришлось их отослать. Я засела за письма и стала поджидать вас.

Теперь задачу облачить мадам в парадный роброн взяла на себя Лотта, она отправила Оделетт за корсетом и чулками мадам, а Мари-Жозеф велела заняться нижней юбкой. Вместе они одевали принцессу Пфальцскую и заодно обсуждали русалок.

– Я написала рауграфине Софии, – поделилась мадам, – сообщила ей о триумфе вашего брата, мадемуазель де ла Круа, и о том, что мне довелось присутствовать на вскрытии, когда он разделявал эту рыбу.

– Эти создания на самом деле не рыбы, мадам. Они более напоминают китов или морских коров. Он препарирует русалку, чтобы увидеть, что у нее внутри, чтобы явить миру чудо – работу ее органов...

⁵ Речь идет о принцессе Анне-Марии-Луизе Орлеанской, герцогине де Монпансье (1627–1693), кузине короля Людовика XIV и принца Филиппа Орлеанского. Умерла незамужней и бездетной, завещав Филиппу Орлеанскому все свое состояние.

– Вскрытие, разделывание – все едино, – пожала плечами мадам.

– Единственный, кто в нашей семье интересуется алхимией, – это Шартр, – с наигранной дрожью в голосе произнесла Лотта. – Я ничего в этом не смыслю, но если бы смыслила, то разом лишилась бы сна, покоя и аппетита...

– Уж это-то тебе не грозит, – возразила мадам, – скажи уж лучше, не смогла бы помочь, или облегчиться, или пустить ветры.

– Мама! – Лотта рассмеялась так, словно зазвенели серебряные колокольчики. – А сейчас вам придется задержать дыхание, чтобы мы могли зашнуровать ваш корсет.

Георгинчик Старший, до сих пор бродивший по комнате, уткнулся мордочкой в ноги герцогини и плюхнулся на пол. Мари-Жозеф и Оделетт помогли мадам надеть нижнюю юбку. Она обрушилась сверху на Георгинчика Старшего, скрыв его под полами. Георгинчик Младший, потеряв приятеля из виду, принялся как сумасшедший носиться по комнате с громким тывканьем.

Не обращая на него внимания, мадам нагнулась и, отведя кружева и оборки, потрепала Георгинчика Старшего по длинным шелковистым ушам.

– Он совсем одряхлел. Если он умрет, я все глаза заплачу... А что будет с Георгинчиком Младшим, я даже боюсь вообразить.

– Мама, не говорите глупостей, он так же бодр и здоров, как вы.

– Тогда мы оба удалимся в монастырь, там мы уж точно не будем никому мешать, и вскоре все о нас забудут. Ведь примут же в монастырь комнатную собачку? Не лишат же меня немногих оставшихся радостей?

«Они лишат вас всего, что только можно, дорогая мадам», – подумала Мари-Жозеф, но не посмела произнести вслух столь кощунственную мысль.

– Мадам, боюсь, что монастырь не придется вам по нраву.

Они с Оделетт подняли тяжелое сооружение, которое представляло собой парадное платье, и водрузили на нее.

– Мама, если вы удалитесь в монастырь, вам запретят охотиться. Может быть, вам не позволят даже вести переписку. И что же тогда будет делать рауграфиня София?

– В монастыре мне и писать будет не о чем. Придется постричься в монахини и дать обет молчания.

– Вы никогда больше не увидите короля...

– Я и так... – Голос у мадам пресекся. – Я и так редко его вижу.

– А потом, ты должна найти мне принца, ты же обещала!

Лотта выпалила это с такой горячностью, что мадам невольно улыбнулась, вот только чуть грустно. Она протянула дочери руки; они с Лоттой снова обнялись.

– Должна, не стану спорить, – согласилась мадам. – Ведь свой долг перед вашим братом не выполнили ни я, ни его отец, ни его дядя-король, мы женили его неудачно, и теперь наше семейство породнилось с каким-то мерзким отродьем, мышиным пометом! Если бы только у Шартра было поменьше безумных мыслей и рискованных затей...

Мадам тяжело вздохнула.

– Мама, вы забываете...

– Что отец де ла Круа придерживается таких же взглядов, что и Шартр? Нет, не забыла, Лизелотта. Но, в отличие от Шартра, он может позволить себе проводить безумные опыты и рассуждать о натурфилософии.

Мадам опустила на стул. Георгинчик Старший, цепляясь за ее платье, запрыгнул ей на колени; шумно дыша и пыхтя, противный песик тяжело плюхнулся на ее бархатную юбку и стал коготками царапать кружево корсажа. Мадам нежно его потрепала.

– Нельзя равнять простого иезуита и августейшего внука. Что его величество может милостиво позволить одному, непростительно другому.

– Мадам, но ваш сын так увлечен наукой, – вступилась за Шартра Мари-Жозеф. – Если запретить ему заниматься исследованиями, он будет бесконечно несчастен.

– А если разрешить, это может стоить ему жизни! Для вашего брата подозрения тоже могут кончиться опалой. Да и вы лучше берегитесь.

– О каких подозрениях вы говорите, мадам? – изумилась Мари-Жозеф. – Неужели Ива можно подозревать в каком-то низком поступке? Неужели можно подозревать в чем-то бесчестном Шартра? Мадам, он и добр, и умен, и исполнен всяческих достоинств.

– Мой супруг тоже добр, и умен, и исполнен всяческих достоинств, – возразила мадам, – хотя есть у него и недостатки и грехов за ним водится немало. Но его доброта и ум никому не помешали распускать сплетни, что он-де отравил Генриетту Английскую⁶ и что его надлежит сжечь на костре.

– Вздор, мама. Всем, кто знал первую мадам, известно, что она умерла от истощения. Она зачахла от несчастной любви к...

– Ах, замолчи, откуда тебе знать, в ту пору твой отец только задумывался о втором браке...

– А вы пребывали в Пфальце с тетушкой Софией!

Мадам низко опустила голову, прижавшись лбом к шелковой золотистой шерсти Георгинчика Старшего. Георгинчик Младший, шумно дыша, не отрывая носа от пола, сновал у ее ног, безуспешно разыскивая своего товарища.

Мадам снова вздохнула:

– Как жаль, что я там не осталась!

Она целую минуту не отрываясь глядела на Лотту. Постепенно она задышала размереннее и совсем успокоилась, удержавшись от слез. Мари-Жозеф стало нестерпимо жаль мадам, которая так скучала по дому.

– Я найду тебе принца, Лизелотта, – пообещала мадам. – Мой долг – найти его, а твой – выйти за него. Надеюсь, в день свадьбы ты не будешь меня ненавидеть. Надеюсь, ты будешь счастливее меня.

– Мама, не тревожьтесь по поводу дня моего бракосочетания. Клянусь вам, вы будете мною гордиться. Но постойте, как же нам вас причесать?

– Дай мне ленту, я сейчас подвяжу волосы, – решила мадам, критическим взглядом окидывая Лоттин фонтанж. – У тебя их столько, что можешь одну мне пожертвовать. А на меня никто и не посмотрит, что за беда, если я не сделаю пышной прически.

– Мари-Жозеф, пожалуйста, помогите маме.

– Я могу лишь призвать на помощь Оделетт, мадемуазель.

Она вывела Оделетт вперед и держала коробочки со шпильками и лентами, пока Оделетт колдовала над волосами мадам. Лотта присоединилась к ним, с восторгом взяв на себя роль помощницы камеристки.

– Мама, улыбнитесь, прошу! – взмолилась Лотта. – Вы выглядите великолепно. Не прикажете ли подать шоколада с пирожными, ведь нам предстоит поститься до самого вечера?

– Мне нельзя улыбаться, потому что зубы у меня безобразные, и нельзя есть пирожные, потому что я и так толстая, – возразила мадам. – Но чтобы угодить вам, я сделаю и то и другое.

Оделетт как раз заканчивала убирать волосы мадам, когда, в сверкающих бриллиантах и блестящих шелковистых париках, словно три павлина, в покои мадам с шумом вторглись месье, Лоррен и Шартр. Откуда ни возьмись явились слуги с блюдами пирожных, фруктов и вином.

⁶ *Генриетта Английская*, урожденная принцесса Генриетта Стюарт (1644–1670) – первая супруга Филиппа Орлеанского. По слухам, была отравлена им или его возлюбленным шевалье де Лорреном. Современные историки не подтверждают эту гипотезу.

Мадам механически, будто заведенная кукла, тотчас встала со стула и сделала супругу реверанс. Месье ответил на ее приветствие по всем правилам этикета.

– Я привел вам своего парикмахера, мадам.

Месье пригладил локон пышного черного парика и отпил глоток вина из серебряного кубка.

– Позвольте ему...

– Меня и так уж измучили, – возразила мадам, махнув парикмахеру, чтобы он их оставил.

Лоррен и Шартр, потягивая вино, с удовольствием и явным злорадством наблюдали эту сцену. Разочарованный парикмахер с поклонами удалился.

– У вас новый парикмахер? – спросил месье. – Волосы убраны изящно, я бы сказал, очень изящно. Вот если бы еще добавить пару оборок...

– Нет, благодарю вас, месье. Я слишком стара, чтобы носить фонтанж. Уж лучше я буду убирать волосы просто. Такую простоту предпочитает ныне и ваш брат-король.

Месье и Лоррен переглянулись; даже Мари-Жозеф знала, что в юности король вел себя куда свободнее и обожал красавиц, следовавших всем капризам моды. – Кто вас причесал? – спросил месье у дочери. – Просто очаровательно!

– Мадемуазель де ла Круа, папа, – ответила Лотта. – Мне так посчастливилось, что она моя фрейлина, а ведь подумать только, она могла навеки похоронить себя в Сен-Сире!

– Это всецело заслуга Оделетт! – запротестовала Мари-Жозеф.

Оделетт робко присела в реверансе. Месье поискал по карманам и, не найдя ничего, кроме крошек, отколол со своего жилета брошь с бриллиантом и протянул ее Оделетт.

– А где же отец де ла Круа? – осведомилась мадам. – Он обещал ненадолго отвлечься от своих исследований и поведать нам о путешествии.

– Он будет здесь с минуту на минуту, мадам.

– Если он опоздает, мадемуазель де ла Круа, – вставил Шартр, – я буду счастлив сопровождать вас.

– Если уж ваша супруга не устраивает своим сиятельным появлением мои покои, – отрезала мадам, – то вы будете сопровождать сестру.

– Ах, мадам, – откликнулся Лоррен, – мадемуазель де Блуа боится, что из ваших покоев ее выметут вместе с мышиным пометом.

– Мадам Люцифер найдет себе занятия более увлекательные, нежели пребывание в моем обществе, – сказал Шартр, – за что я ей бесконечно благодарен.

– Я так хочу услышать рассказы вашего брата о приключениях, – произнесла мадам, – если я опоздаю, то чего-то интересного и волнующего мне придется ждать еще лет десять.

– Если вы пропустите хоть один эпизод, мадам, – заверила Мари-Жозеф, – мой брат повторит все нарочно для вас столько раз, сколько вы захотите.

– Вы доброе дитя.

– Мадемуазель де ла Круа, я принес вам подарок.

С этими словами Шартр неловко двинулся к ней, обводя комнату остановившимся незрячим глазом. Мари-Жозеф всегда боялась, как бы он не упал у ее ног.

Он вытащил пробку из красивого маленького серебряного флакончика и протянул ей.

– Что это, сударь?

– Духи, я сам их изготовил.

Он стал перед ней на одно колено. Мари-Жозеф смущенно отшатнулась:

– Сударь, встаньте, молю вас!

Он схватил ее за руку, чтобы нанести несколько капель духов ей на запястье, но его остановила Лотта:

– Постой, Филипп, пусть она сначала их понюхает. Вдруг они ей не подойдут.

– Неужели это возможно?

Мари-Жозеф лихорадочно соображала, уместно ли принимать в подарок духи от жена-того мужчины фрейлине его сестры, однако критиковать его манеры не решилась – это было бы и вовсе верхом неприличия. Она задумалась, почему жена постоянно избегает его общества, хотя он, несмотря на частичную слепоту, очень хорош собой и занимательный собеседник.

– Чистые цветочные эссенции!

Шартр помахал пробкой перед лицом Мари-Жозеф, и ее объяло нежное благоухание.

– Розы! Сударь, какая прелесть!

Шартр пролил несколько капель на запястье Мари-Жозеф, а потом потянулся к ее груди. Мадам выхватила у него флакончик. Шартр обиженно надул губы.

– Принцу не пристало выполнять обязанности камеристки! – Мадам передала флакон Мари-Жозеф. – Пусть ваша служанка надушит вас, мадемуазель де ла Круа, если вам угодно.

– Я всего лишь хотел доказать мадемуазель де ла Круа, что я настоящий химик, – возразил Шартр. – Я мог бы ассистировать ее брату. Я мог бы заниматься исследованиями вместе с ним.

Оделетт слегка окропила розовой водой запястья Мари-Жозеф, шею за ушами и грудь в вырезе платья. Эссенция быстро улетучилась, оставив на коже холодок и окутав Мари-Жозеф ароматным облаком.

– Хотя ты и воображаешь себя химиком, – съязвил месье, – парфюмер ты в лучшем случае начинающий.

Шартр своим странным зловещим взором следил за руками Оделетт. Лоррен улыбался Мари-Жозеф иронично и сочувственно. От улыбки в уголках глаз у него появлялись чудесные морщинки.

– Попробуйте лучше как-нибудь один из моих составов, – сказал месье, взмахнув платком возле ее лица. Благоухание роз тотчас поглотил резкий запах мускуса.

– Ну, так кто же победил, отец или сын?

– Прошу прощения, сударь, но я до сих пор чувствую аромат роз и не в силах оценить другой запах.

Она не посмела сказать месье, что аромат его духов неожиданно напомнил ей о Лоррене.

– Для столь знаменательного дня вы одеты слишком невзрачно, – вынес вердикт месье.

Он подошел к зеркалу, отлепил одну из своих мушек и посадил ее на щеку Мари-Жозеф, прямо над уголком рта.

– Благодарю вас, сударь.

Она присела в реверансе, не зная, что еще сказать.

– Теперь, когда я доказал, что я настоящий химик, – вы порекомендуете меня в качестве ассистента вашему брату?

– Ни в коем случае! – отрезал месье.

– Вы явились к ужину, распространяя зловоние серы, – упрекнула сына мадам, – а теперь еще хотите вымазаться рыбьей требухой? Вам не пристало марать руки.

– Или репутацию, – многозначительно добавил Лоррен, словно предостерегая Шартра от чего-то.

– Не будем об этом, мой милый, – явно обеспокоенный, произнес месье и тут же постарался сменить тему, снова обратившись к сыну: – Баловаться алхимией – ниже твоего достоинства.

– Конечно, сударь, конечно! – воскликнул Шартр. – Я изучаю *химию*. Это весьма и весьма важная наука. Перед нами открывается возможность узнать, какие законы лежат в основе мироздания.

– А зачем это нужно, сударь? – осведомился его отец. – Это как-то упрочит положение нашей семьи?

– Чтобы упрочить положение нашей семьи, – подхватил Шартр, – я женился на мадам Люцифер.

– Ради всех благ, которые за этим воспоследовали, – заключила мадам.

Месье, угрожая покраснев, возвысил голос:

– У вас и так достаточно обязанностей.

– И что же это за обязанности, сударь? – Хотя Шартр говорил совершенно спокойно, даже почтительно, взор его незрячего глаза пугающе блуждал по комнате.

– Угодить королю, – ответил месье.

Мари-Жозеф облегченно вздохнула, когда, всего за минуту до того, как месье и мадам со свитой встали с мест, чтобы направиться по дворцу в Мраморный двор Версаля, появился Ив. Он галантно поклонился; дамы стайкой сбились вокруг него, с притворной застенчивостью прикрываясь веерами. На фоне придворных – и мужчин и дам – он неизменно выделялся своей простой рясой и красотой. Однако поведать мадам истории о русалках он уже не успел.

Ив взял руку Мари-Жозеф, положил на стиб своего локтя, и они присоединились к торжественной процессии. Она гордилась тем, что сопровождает брата, но невольно ощутила укол зависти к мадемуазель д'Арманьяк: та шла между шевалье де Лорреном и Шартром, взяв под руку одного и кокетливо таясь за веером от другого.

– Что ты налепила на лицо? – прошептал Ив.

– Это не я, это месье.

– Моя сестра должна обходиться без таких ухищрений.

Мягко и осторожно он снял мушку с ее верхней губы.

– Прости. – Мари-Жозеф старалась говорить как можно тише. – Я не знала, как вежливо отказаться.

– И платье у тебя...

Озабоченно нахмурившись, он с усилием потянул кружево, виднеющееся над низким вырезом платья, и дергал за его расшитый край, пока не показался простой муслин рубашки. Она оттолкнула его руку, надеясь, что никто не видел этой сцены, но мадемуазель д'Арманьяк все это время смотрела на них и теперь что-то прошептала на ухо Лоррену.

– Это платье одобрила сама мадам, а она – воплощение благопристойности!

О палантине Мари-Жозеф предпочла не упоминать. Он одернула муслин, заправив его за декольте, так чтобы видна была только отделка из шелковых кружев. В свое время Мари-Жозеф очень удивилась, обнаружив, что все рубашки Лотты – из муслина, только оторочка на них кружевная. Мадам была воплощением не только благопристойности, но и бережливости.

– Ты всегда быстро училась, – съязвил Ив. – Всего несколько месяцев во Франции, каких-нибудь две недели в Версале, и ты уже знаток придворного этикета.

– Ты забываешь, что я провела не только две недели в Версале, но и целое лето в Сен-Сире, а там принято говорить лишь о короле, религии и моде.

Ив насмешливо посмотрел на нее:

– Не сердись, я просто тебя чуть-чуть подразнил. Ты молодец, прекрасно со всем справилась, но теперь я здесь, так что больше беспокоиться не о чем.

Ив сказал правду. Его триумф затмил маленькие успехи Мари-Жозеф. Ей оставалось только померкнуть в сиянии его славы. Она могла вести хозяйство у него в доме; если ей посчастливится, он позволит и дальше ассистировать ему во время опытов. Она была эгоистичной дурочкой, если смела надеяться на большее. Осознав всю тщетность своих глупеньких притязаний, она слегка стиснула его предплечье и прижалась щекой к грубой шерсти рясы. Ив нежно погладил ее по руке.

Держа Ива под руку, Мари-Жозеф стояла в Мраморном дворе на предписанном ей месте позади мадемуазель. Площадь до отказа заполнили придворные и священнослужители, скрыв четкий геометрический черно-белый узор недавно отполированных мраморных плит.

Дворец сиял: сверкали отполированные до блеска колонны и вазы, мерцала подновленная позолота на дверях и оконных переплетах, мягко переливались отмытые и отреставрированные мраморные бюсты. Гигантские вазы с цветами обрамляли по периметру дворы, выходившие на врата Чести и площадь Оружия; каждый последующий двор был шире предыдущего, и все вместе они с трудом вмещали тысячи зрителей.

По всему маршруту проезда его святейшества, вдоль Парижского проспекта, по площади Оружия, до самых позолоченных ворот, были расставлены цветущие апельсиновые деревца в серебряных кадках. Более крупные апельсиновые деревья украшали путь его святейшества через мощенную булыжником Посольскую площадь, по Переднему двору, меж дворцовыми флигелями, до самого края Мраморного двора. Посетители благоговейно держались поодаль, скрытые апельсиновыми деревьями, не смея ступить на освящаемую папским присутствием дорогу.

Мари-Жозеф никогда не видела такого скопления людей. Все они облачились в свое лучшее платье, даже если оно было собрано с миру по нитке. Все мужчины явились со шпагами, как того требовал этикет: иногда вместо изящных шпаг они влачили за собой массивные средневековые мечи, явно переходившие в их семье из поколения в поколение, иногда – погнутые, покрытые вмятинами трофеи давних войн, иногда – позолоченные или медные клинки, взятые напрокат в одном из ларьков вдоль дороги, ведущей из города.

Мари-Жозеф нестерпимо жали туфли. Солнце опустилось за крышу, и во дворе воцарились тень и прохлада. Хотя августовский день выдался ясный и теплый и она стояла в густо сбитой толпе, по спине у девушки бегали мурашки. Платком она осторожно промокнула капли пота, выступившие на лбу у мадемуазель.

Вдалеке прокатилось приветственное «ура!». Мари-Жозеф тотчас забыла о тесных туфлях и дрожи.

Когда тысячи зрителей одновременно ликующе закричали, радуясь примирению Людовика и Римско-католической церкви, Мари-Жозеф потряс мощный рокот целого моря голосов. Двор, расположенный между флигелями дворца, усиливал и сосредоточивал приветственные клики, словно бюсты философов и героев тоже одобрительно кричали, словно Марс и Гераклес на пьедесталах возглашали торжество христианской веры.

Отряд швейцарских гвардейцев в великолепной яркой униформе спешил к вратам Чести и двинулся ко дворцу меж деревьями. За ними катилась карета его святейшества. Хотя его величество дал его святейшеству позволение подъехать в карете к самому входу во дворец, его гвардейцам полагалось идти пешком.

Людовик мог потребовать, чтобы Иннокентий также почтительно приблизился к нему, словно простой смертный; в конце концов, однажды он заставил одного из предшественников Иннокентия унижаться и просить прощения за мародерство, учиненное его гвардейцами. Этот французский монарх имел случаи возвыситься над представителями Римско-католической церкви, однако он был проницательным дипломатом: он никогда не вынудил бы идти пешком богобоязненного, смиренного старца, он слишком дорожил перспективой заключить с ним договор.

Карета медленно проследовала меж двумя апельсиновыми деревьями. Проезжая сквозь толпу, Иннокентий милостиво кивал собравшимся, сопровождаемый мощными, как рокот волн, неумолчными криками «ура!». Толпа сомкнулась вслед за каретой, заполнив все пространство меж апельсиновыми деревьями. Зеленые листья и белые цветы затрепетали, словно ожив.

Высокие двери дворца распахнулись, и на пороге появился король.

Людовик неторопливо, размеренным шагом пересек Мраморный двор; король был великолепен в своем коричневом бархатном жюстокоре, украшенном целой россыпью тигриного глаза и отделанном золотым кружевом, в зеленом атласном жилете, сплошь расшитом золотом, сияя бриллиантами подвязок и пряжек на башмаках. Ради сего знаменательного случая он надел поверх жюстокора орден Святого Духа. Сверкающие бриллианты покрывали длинную голубую орденскую ленту, а рубины и сапфиры – золотые ножны парадной шпаги его величества. Поля его шляпы были обшиты испанским игольным кружевом, а на плечи монарху с нее низвергался целый водопад прекрасных белоснежных пышных перьев.

Мари-Жозеф сделала глубокий реверанс. Вокруг нее принялись кланяться придворные, зашуршали шелка, зашептали бархаты. Мари-Жозеф решила выглянуть из-за спин и посмотреть, что происходит.

Внизу, во Внешнем дворе, швейцарские гвардейцы выстроились двумя шеренгами, обрамляя путь папской кареты. Лошади, высоко поднимая ноги, рысью подскакали к пологой лестнице на самом краю Мраморного двора.

Его величество остановился наверху лестницы.

Король не прерывал все нарастающих криков ликования. Он стоял, во всем своем великолепии и славе, в окружении двух поколений своей семьи, сопровождаемый свергнутым королем Яковом Английским и его супругой королевой Марией, министрами и советниками. Мадам де Ментенон, бесцветная и безмятежная, потерялась в последних рядах блестящей королевской свиты.

У Мари-Жозеф перехватило дыхание. Белоснежное облачение понтифика выделялось на фоне сумрачно-серой коляски.

Его святейшество спустился с подножки. Его величество стоял, держась очень прямо и неотрывно глядя на старца, во власти которого было помочь ему победить в войне с Аугсбургской лигой⁷. Толпа умолкла.

Два самых могущественных человека в Европе встретились лицом к лицу.

Когда Иннокентий вышел из кареты, за ним последовала свита, состоящая из кардиналов и епископов. Все они поклонились его величеству. Как только они поднялись, выпрямились и Мари-Жозеф, и другие придворные.

– Добро пожаловать, кузен. Наше взаимное отчуждение весьма и весьма печалило меня.

– Кузен, я преисполнен радости оттого, что Франция примирилась с Римом. Я преисполнен радости оттого, что могу заключить с вами союз.

– Вместе мы сокрушим протестантов. Мы изничтожим еретиков во Франции, в Европе, во всем мире. Ради вящей славы Господней.

Гигантская толпа, охваченная религиозным экстазом, взорвалась ликующими криками, прославляя Господа и короля.

Потрясенная, мадам де Ментенон прижала руки к губам. Ее темные глаза сияли от слез. Несмотря на ее высокое положение, Мари-Жозеф невольно ощутила к ней жалость: все говорили, что она обвенчана с королем, но обвенчана тайно, его величество никогда публично не признавал ее супругой, и потому ее нередко обвиняли в прелюбодеянии и распутстве. Именно она убедила короля пойти на беспрецедентный шаг – встретиться с папой. Однако сейчас ей, безмолвной, едва не лишавшейся чувств от волнения, пришлось держаться в задних рядах свиты, за спиной незаконнорожденных принцев.

⁷ *Аугсбургская лига* (по названию баварского города, где она была заключена) – союз государств, включавший в себя в том числе Священную Римскую империю, Испанию, Швецию, Баварию, Англию и Ирландию, Голландию. Был образован в 1686 г. с целью противодействия Людовику XIV и французской захватнической политике. Причиной разногласий между перечисленными странами и Францией явилось Курфюршество Пфальцское, которое Людовик XIV пытался захватить, мотивируя это наследственными правами своей невестки Лизелотты Пфальцской. Военное противостояние Франции и Аугсбургской лиги закончилось поражением Франции и ее отказом от притязаний на Курфюршество Пфальцское.

Под непрерывные приветственные клики толпы один из епископов вынес золотую раку, богато инкрустированную жемчугом и бриллиантами. Он вручил реликварий его святейшеству, и тот благоговейно его принял. Папа Иннокентий поднес высокую куполообразную раку к устам и затем передал ее королю.

Людовик принял этот бесценный дар – святые мощи, частичку кости или плоти святого, которым отныне предстояло навеки освящать своим присутствием Францию. Возможно, его величество прикажет поместить реликварий в версальской часовне, где все придворные смогут узреть святыню, прикоснуться к ней, исполниться чрез ее посредство добродетели и благочестия.

Его величество передал реликварий графу Люсьену, а тот – отцу де ла Шезу. Заметив графа Люсьена, его святейшество нахмурился, но спустя мгновение его лицо вновь приняло кроткое выражение. И в самом деле, даже Мари-Жозеф показалось, что граф Люсьен обошелся со святыми мощами слишком бесцеремонно. Дар Иннокентия заслуживал того, чтобы быть поставленным на золотой алтарь или, по крайней мере, на бархатную подушку.

По знаку графа Люсьена вперед выступили шестеро лакеев, сгибаясь под тяжестью великолепного, тончайшей работы аналая черного дерева, со скамеечкой для преклонения колен. Его украшала интарсия из редких пород дерева и перламутра, обрамленная золотом и представлявшая сцены из Книги притчей Соломоновых.

«Искусные ремесленники его величества превзошли самих себя», – подумала Мари-Жозеф.

Король и папа обменялись приветствиями: папа поклонился с искренним смирением, а Людовик соизволил слегка наклонить голову, отдавая дань уважения равному по статусу принцу. Поклонами обменялись и духовенство в свите папы с королевскими придворными. Когда они выпрямились, лицо мадам де Ментенон засияло невыразимой радостью, словно солнце. На публике она вела себя чрезвычайно сдержанно и потому прикрыла лицо черным кружевным веером; лишь дрожь веера выдавала ее волнение.

Его величество мог подать руку только императору Священной Римской империи, единственному человеку в Европе, сопоставимому с ним по занимаемому положению. Он не стал нарушать этикет ради папы Иннокентия, несмотря на то что прежде пренебрег правилами ради своего союзника, свергнутого короля Англии Якова.

Хотя его святейшество не стал протягивать Людовику перстень для поцелуя, он обвел глазами королевскую свиту и протянул руку мадам де Ментенон.

Мадам де Ментенон поспешила к нему, шурша черными шелковыми юбками по черно-белому мрамору. Могущественная непризнанная королева на шахматной доске с перекошенными клетками, она изящно, невзирая на свой возраст, преклонила перед Иннокентием колени и прижала к губам его руку с папским перстнем.

– Возможно, он прикажет побить ее камнями, – прошептала мадам так, чтобы ее могли слышать только стоявшая рядом с ней Лотта и стоявшая за ее спиной Мари-Жозеф. Мари-Жозеф была неприятно поражена, но Лотта едва сдержала смех.

– Встаньте, сестра!

Иннокентий обращался с мадам де Ментенон необычайно вежливо и учтиво, тем самым поддерживая придворную партию, которая верила в законность королевского брака.

Его величество, папа Иннокентий и мадам де Ментенон вместе прошествовали по Мраморному двору к входу во дворец, в то время как члены королевской семьи, кардиналы и епископы поотстали, а придворные отвешивали низкие поклоны на всем их пути. Над толпой пронеслось еще одно «ура!», эхом отдаваясь от стен, словно это бюсты героев и святых закричали так, как они никогда не кричали при жизни.

Глава 7

Мари-Жозеф проводила своих покровительниц в покои мадам. Раздосадованная триумфом мадам де Ментенон, мадам всю дорогу не переставая брюзжала.

– Иннокентий отнимет у его величества уйму времени, – обреченно констатировала она. – Будут затевать войны да поглубже вбивать клин между мной и моими близкими. Боюсь, его величество больше не пригласит нас ни на охоту, ни даже на прогулку.

– Мама, на прогулку мы можем пойти и сами, – возразила Лотта.

– Это разные вещи.

– О, мадам, – удивилась Мари-Жозеф, – неужели в столь знаменательный день его величество будет уделять время столь заурядным занятиям?

– Развлечения сегодня будут те же, что и всегда, не сомневаюсь. Ни одному папе не удалось искоренить азартные игры или возлияния, а тем более развеять скуку!

Мадам вздохнула, но, по мере того как она приближалась к своим покоям, хорошее расположение духа стало к ней возвращаться.

– Я должна дописать письмо рауграфине Софии.

– И тогда в письме вам придется признать, что папа не приказал побить камнями мадам де Ментенон.

Мадам сделала вид, будто ее вот-вот вырвет.

– Старая шлюха! Простите, мадемуазель де ла Круа.

– Что вы сказали, мадам?

– Простите, я привыкла к непристойностям, и все потому, что в юности была настоящим сорванцом, не имеющим представления о хороших манерах.

– Я не услышала ничего непристойного, – объявила Мари-Жозеф.

Мадам рассмеялась, и Лотта вместе с ней.

– Что ж, значит, старая карга не обманула вас своим показным благочестием и не внушила вам почтение к мышиному помету! Я всегда знала, что вы разумная девица.

– Вы слишком высокого мнения обо мне, мадам.

Щеки у Мари-Жозеф зарделись от смущения.

– Я не знаю, что именно в ваших речах было непристойно, – мне неизвестно, что значит это слово.

– Какое? – сухо спросила Лотта. – «Помет», «карга» или «шлюха»?

– Последнее, – прошептала Мари-Жозеф.

– Не знаете? Какая прелесть! – заключила мадам. – Впрочем, мне пора вернуться к письму.

Мари-Жозеф и Лотта сделали реверанс, и мадам исчезла в спальне.

Лотта взяла Мари-Жозеф под руку. Вместе они, сопровождаемые Оделетт, вышли из покоев мадам. Сгущались сумерки; в каждом зале слуги опускали хрустальные канделябры и зажигали множество новых свечей.

В апартаментах Лотты фрейлины потребовали, чтобы их причесала Оделетт. Лотта увлекла Мари-Жозеф за собой, на приоконный диванчик, чтобы без помех пошептаться.

– Надо же, как вас от всего оберегали! – удивилась Лотта.

– Конечно, вы же знаете!

– Шлюха – это женщина, которая продает себя за деньги.

– На Мартинике мы называли бы ее рабыней или крепостной, если она сама продала себя в рабство.

– Боже, я не о том! Я о женщинах, которые продают свое тело.

Мари-Жозеф ошеломленно покачала головой.

– Которые продают свое тело мужчинам. Любому, кто только захочет. – И, потеряв терпение, Лотта решительно добавила: – Вступают с ними в связь!

– Вступают в связь? – непонимающе переспросила Мари-Жозеф. – То есть совершают прелюбодеяние? Вне брака?

– Какого брака? Вы, верно, совсем дуручка.

– Я...

Мари-Жозеф замолчала. С ее стороны было бы нарушением этикета защищаться от насмешек августейшей покровительницы, хотя ее и оскорбил пыл, с которым Лотта подняла ее на смех.

«Ты слишком вознеслась, – сказала себе Мари-Жозеф, – и получила по заслугам. Поделом тебе».

– Не сердитесь, я не хотела вас обидеть! – сказала Лотта. – Простите меня. Мне предстоит научить вас очень и очень многому: я все дивлюсь, как это монахини сумели воспитать вас в таком неведении!

– Они лишь надеялись уберечь от зла мою невинность, – промолвила Мари-Жозеф. – Сестры во Христе и сами невинны. Они ничего не знают о... – Она перешла на шепот.

– О шлюхах и блуде? – громко заключила Лотта. – Я расскажу вам о Нинон де Ланкло, я ведь с ней знакома – только бы об этом не узнали его величество или мама! – но, разумеется, она не шлюха, а куртизанка.

– А что это значит?

Лотта объяснила разницу, хотя Мари-Жозеф выяснение этой разницы напоминало дискуссию о том, сколько ангелов могут поместиться на кончике иглы.

В школе монахини без конца твердили о греховности плоти, но смысл их зловещих и загадочных предупреждений от Мари-Жозеф ускользал. Только однажды она решилась спросить, что такое прелюбодеяние, а проведя потом неделю в полном одиночестве в комнате на хлебе и воде, не избавилась от своего не подобающего девице любопытства, однако отныне стала осторожнее и не спешила задавать вопросы. Единственное благочестивое убеждение, которое она вынесла из наказания, заключалось в том, что близость между мужчиной и женщиной греховна, неприятна и обязательна в браке.

В возрасте Лотты Мари-Жозеф горько оплакивала покойных родителей, которые так любили друг друга, любили ее и Ива и которым пришлось обречь себя на горе и муки, чтобы создать семью и произвести на свет потомство. Она оплакивала их и думала, что ей и ее будущему мужу тоже придется пройти через это, чтобы ее дети могли насладиться тем же блаженством, какое в детстве выпало ей на долю. Она надеялась, что сумеет это вынести, и размышляла, почему Господь создал мир таким. А вдруг это Господня шутка? Но когда она спросила об этом священника на исповеди, тот рассмеялся. А потом сказал, что люди не должны любить друг друга, ибо такая любовь греховна. Людям надлежит возлюбить Господа, ибо единственно любовь к Нему освящает и возносит над греховными помыслами. После этого священник наложил на нее столь тяжкую епитимию, что уж лучше бы, думалось Мари-Жозеф, ее просто поколотили.

Однажды мать настоятельница прочитала воспитанницам лекцию о прелюбодеянии. Прослушав ее предостережения, девицы пришли в такое смятение и волнение, что всю ночь перешептывались, вместо того чтобы спать. Явившись в полночь проверить, как ведут себя их воспитанницы, сестры услышали шепот. В ту ночь и весь последующий месяц монахини спали в девичьем дортуаре, неподвижные и бдительные, и зорко следили за тем, чтобы воспитанницы не перешептывались и спали, как полагается по правилам приличия, на спине, вытянув руки поверх одеяла.

– Теперь вы знаете, кто такая Нинон де Ланкло, – заключила Лотта. – Она славится остроумием и была любимицей всего Парижа, а ведь она куртизанка.

- Она совершила смертный грех, – возразила Мари-Жозеф.
- Что ж, значит, весь двор после смерти попадет в ад!
- Не весь! *Мадам*, например, нет...
- Да, – согласилась Лотта, – бедная мама избежит этой участи.
- И его величество тоже!
- Сейчас-то, конечно, он добродетелен, но в молодости был развратник, каких поискать!
- Боже, как вы смеете говорить в таком тоне о его величестве!
- А откуда, по-вашему, взялся весь этот мышиный помет?

Мари-Жозеф попыталась примирить свое убеждение, что дети есть следствие только законного брака, с неоспоримым фактом существования герцога дю Мэна, его братьев и сестер, его сводной сестры.

- Его величество вправе поступать, как ему заблагорассудится, – сказала Мари-Жозеф.

А вдруг, подумала Мари-Жозеф, для своего помазанника Господь Бог как-то облагородил ужасный процесс зачатия и деторождения? Тогда было бы понятно, откуда у него взялось столько детей.

- А Церковь и мадам де Ментенон считают, что нет! Придворные распустили сплетню, что она будто бы заставляет его носить пояс целомудрия!

Мари-Жозеф смущенно замолчала. Ей, старшей из двух, следовало бы быть более осведомленной. Лотта вполне вольготно чувствовала себя в сфере, о которой Мари-Жозеф даже не подозревала.

- И я не попаду в ад, а если буду низвергнута в преисподнюю, то, по крайней мере, не за это, – попыталась обрести уверенность Мари-Жозеф. – И *вы* тоже!

- Вы так в этом уверены? – лукаво спросила Лотта.

Но Мари-Жозеф продолжала в том же духе, не желая понять намек Лотты.

- И мой брат!

– Ваш прекрасный брат! Ив – священник и навеки потерян для прелестниц, какая жалость! Всех придворных красавиц его глаза просто околдовали.

- Или... или... – Мари-Жозеф запнулась, словно застигнутая врасплох, – граф Люсьен!

Лотта удивленно воззрилась на Мари-Жозеф, обнаружив, что их мнения совпадают, а потом, к удивлению уже Мари-Жозеф, она грубовато расхохоталась.

- Дорогая Мари-Жозеф! – начала она, хихикнув и с трудом переведя дыхание от смеха.

Мари-Жозеф не имела представления, чему она смеется.

- Выходит, вы шутите, а я-то все это время думала, что вы говорите серьезно. Я было решила: «Как же так, моя подруга столь учена и одновременно кое в чем столь невежественна...» Но теперь я понимаю, вы просто с самого начала меня разыгрывали. – Лотта вздохнула: – Так что нечего мне и пытаться как-то вырасти в ваших глазах, вы ведь сразу почувствуете, как я пыжусь, и я только утрачу ваше уважение.

– Такого не может быть, – заверила ее Мари-Жозеф, с облегчением ощутив твердую почву под ногами. – Такого просто не может быть, никогда.

- Увидим, – тихо произнесла Лотта.

Мари-Жозеф и Ив подошли к подножию великолепной Посольской лестницы, уже запруженной придворными, которые стремились попасть в святая святых дворца – королевские апартаменты, где его величество нынче принимал гостей. На двух пролетах столпилось такое множество людей, что Мари-Жозеф с трудом различала затейливую отделку стен, скульптуры, разноцветный мрамор.

Она надела все то же синее платье – другого, в котором, не стыдясь, можно было явиться в королевских покоях, у нее не было, – но после того, как Оделетт украсила затейливый головной убор Лотты еще одним слоем лент, мадемуазель настояла, чтобы Мари-Жозеф надела ее

старенький фонтанж. «Сегодня и я не столь уж старомодна», – высоко подняв голову, с гордостью думала Мари-Жозеф.

Они дошли до Салона Венеры. Церемониймейстер ударил жезлом оземь, возгласив:
– Отец де ла Круа и мадемуазель де ла Круа!

Мари-Жозеф вступила в королевские парадные залы, залитые морем огней.

Нескончаемые ряды свечей сияли и мерцали, вздымаясь из золотых и серебряных подсвечников на всех столах, полочках и консолях и переливаясь всеми цветами радуги на гра-
ненных подвесках канделябров. Мерцание свечей отражалось в оконных стеклах, в золотых барельефах, изображающих солнечный диск, в позолоте настенной резьбы и в мебельных инкрустациях. Свет играл и переливался на драгоценностях, на золотом шитье мужских нарядов, на золотом и серебряном кружеве дамских платьев и нижних юбок. В свете свечей торжественно сияли картины на стенах и потолочные панно, им вторил сверкающий мрамор пола.

В королевских покоях негромко, словно шепотом, играла музыка, вливаясь в приглушенную болтовню придворных. Даже услышав размеренную музыкальную пьесу, из тех, что принято было исполнять при дворе, Мари-Жозеф с трудом удерживалась, чтобы не пуститься в пляс на полированном полу.

Потолочное панно изображало Венеру, увенчанную Грациями. Она обвивала шеи покоренных богов цветочными гирляндами, словно триумфатор – шеи побежденных врагов цепями, обращая их в сладостное рабство. Она была столь прелестна, лепестки цветов выписаны столь достоверно, что Мари-Жозеф невольно хотелось привстать и поймать цветочный венок, весь в каплях росы. Может быть, от цветов даже будет исходить благоухание Венерин-
ных духов. Салон Венеры украшали любовные сцены. Под милостивым взором богини было возможно невозможное, даже для провинциальной девицы, уроженки колоний без связей и средств. В конце концов, разве мадам де Ментенон не приплыла когда-то с Мартиники и вовсе нищей?

Салон Венеры заполнили блестящие аристократы и члены королевской семьи. Все на свете мечтали попасть на празднество по случаю пятидесятилетия правления Людовика XIV. Иностранные принцы – принц Конде, принц Конти и герцог Лотарингский – явились еще прежде папы Иннокентия засвидетельствовать свое почтение королю. Вскоре аристократы из далеких краев, из всех средиземноморских стран, из всей Западной Европы и земель, лежащих на Шелковом пути, тоже придут сюда воздать должное его величеству в его славе и блеске.

Как только церемониймейстер возгласил имя Ива, по залу прокатился одобрител-
ный шепот, под стать жужжанию пчел. Все поворачивали голову, чтобы увидеть Ива, чтобы поклониться, или улыбнуться, или кивнуть ему. Ив отвечал на приветствия любезно, но с достоинством, как пристало придворному.

Аристократы сверкающей волной устремились навстречу Иву, но, не успев приблизиться, дрогнули и расступились, словно Черное море.

Точно по обнажившемуся песку морскому, к Иву шествовал сам Людовик. Отступившая волна заструилась и покрылась рябью, когда его подданные и гости поочередно стали встречать его низким поклоном. Перья мужских шляп мели мраморный пол, кружева женских юбок зашептали, колеблемые в такт движениям их обладательниц, разноцветная пена отхлынувшей волны омыла ноги монарха. Море придворных сомкнулось за его спиной, однако королевская семья настояла на своем праве первенства. Если мадам и не под силу было разделить волны придворных, она все же могла проплыть по ним, подобно галеону.

Месье влачил следом за нею, не забыв и шевалье де Лоррена; за ними шествовала Лотта, держа под руку Шарля де Лоррена, герцога Лотарингского. Этот иностранный принц был дальним родственником шевалье, куда более богатым и родовитым, но далеко не столь пригожим. Однако Лотта явно наслаждалась знаками его внимания. Радость жизни, которую она излучала, заставляла забыть о невыигрышной внешности, унаследованной ею от матери.

Людовик остановился в нескольких шагах от Ива.

Ив поклонился королю учтиво, но сдержанно. Мари-Жозеф присела в глубоком реверансе.

– Отец де ла Круа, – обратился к нему монарх, – я рад видеть вас на своем вечернем приеме.

– Благодарю вас, ваше величество.

Ив подошел к его величеству и снова поклонился.

– Поведайте нам о своих приключениях, – велел Людовик. – Поведайте, как вам удалось изловить русалок.

– Да, ваше величество.

Монарх всецело сосредоточил внимание на Иве и его рассказе. Людовик был солнцем, а его натурфилософ сиял отраженным светом короля. Невидимая в тени успеха брата, Мари-Жозеф могла без помех наблюдать за придворными. Члены королевской семьи образовали вокруг Ива водоворот, оставив Мари-Жозеф на мелководье, где было не так опасно.

– Поведайте нам все, отец де ла Круа!

Мадам взяла Ива под руку, словно король, месье или шевалье могли отнять его, чтобы единолично насладиться его историями.

– Не упустите ни одного чудовища, ни одной русалки, ни одного левиафана, ни одного морского бриза!

– С удовольствием исполню ваше желание, мадам, хотя, по правде говоря, плавание сопровождалось не столько приключениями, сколько неудобствами и скукой.

Придворные пробирались мимо Мари-Жозеф, оттесняя ее от круга избранных. Аристократы обоего пола наперебой удивленно восклицали, превознося дерзание и смелость Ива, его победу над чудовищами.

– Какой красавчик! – прошептала юная герцогиня Шартрская, мадам Люцифер, как прозвал ее супруг и кузен Филипп Орлеанский. Ее фрейлина мадемуазель д'Арманьяк чуть слышно промурлыкала в ответ: «Да-да».

Мадам де Шартр и ее супруг не обменялись ни единым словом, ни единым взглядом. Мадам кивнула ей безупречно вежливо, но холодно. Пока мадам де Шартр беззастенчиво разглядывала Ива, трепеща всею, мадемуазель д'Арманьяк беззастенчиво разглядывала супруга мадам Люцифер Шартра, трепеща ресницами.

За спиной признанной дочери его величества выросла высокая фигура шевалье де Лоррена.

– Дамы, он разобьет вам сердце, – произнес он негромким веселым голосом, противиться обаянию которого было невозможно.

Мари-Жозеф пропустила придворных, занимающих более высокое по сравнению с ней положение. Устроившись в тени возле дверей, так чтобы ее не толкали, она решила, что лучше выпросит Ива обо всем без посторонних. Он может поведать ей о своих приключениях, когда они останутся вдвоем. Сегодняшний вечер всецело принадлежит ее брату, а он принадлежит двору. Он заслужил каждое мгновение своей сияющей славы, которой облек его король.

В воздухе чувствовался густой запах дыма, пота и духов. Из Салона Изобилия долетел аппетитный аромат пирожков. У Мари-Жозеф заурчало в животе. Ей не оставалось ничего иного, как постараться забыть о голоде. За весь день она съела только несколько пирожных и выпила чашку шоколада; от обилия сластей у нее разболелась голова, а желудок требовал супа, мяса и салата. Однако она знала, что придворных пригласят ужинать лишь через несколько часов.

Мари-Жозеф переступила порог, проскользнув в пустой Салон Дианы: ей так хотелось побыть в одиночестве, подальше от толпы. Бильярдные столы в зале ждали, когда его величество соблаговолит предаться любимой игре. В пустом зале играл еще один камерный оркестр.

Из Салона Марса донеслись мощные начальные аккорды какой-то музыкальной пьесы. Мари-Жозеф заглянула в дверную щель. Музыканты еще одного оркестра настраивали инструменты. Перед ними в позе, выдававшей нервозность, замер месье Никола Гупийе, капельмейстер его величества.

Синьор Алессандро Скарлатти, неаполитанец, возвышался над своим маленьким сынишкой Доменико, который сидел за великолепным клавесином. В свете свечей на боковых стенках клавесина сияли сцены, инкрустированные редкими породами дерева и перламутром. Жадность – грех, алчность – грех, но Мари-Жозеф отчаянно жаждала, просто алкала поиграть на этом клавесине.

Ее окружали изображения войны и триумфа. На потолке злобные волки влекли на битву колесницу бога Марса. Всюду, насколько хватало глаз, посетителя встречали символы войны и победы. Мари-Жозеф жалела, что король не избрал своим музыкальным салоном Салон Дианы, так как ей куда больше нравилась мифическая охотница и высеченный месье Бернини мраморный бюст короля, с высоты пьедестала, казалось, с юной надменностью окидывавший взором весь покой. Мари-Жозеф горевала о том, что ей не довелось видеть его величество юным. Разумеется, он был до сих пор хорош собой, но тридцать лет тому назад он был сказочно прекрасен.

Синьор Скарлатти рявкнул на сына, отдавая ему какое-то приказание. Мари-Жозеф разобрала отдельные итальянские слова, по большей части «нет, нет, нет». Доменико перестал играть и сложил руки на коленях. Синьор Скарлатти пропел мотив без слов, не исключая и мелизмов, отбивая такт дирижерской тростью по сверкающему перламутру клавесина.

– Тра-та-та-та! *Capisci?*⁸

– Да, отец.

Доменико заиграл снова; синьор Скарлатти, сложив руки на груди, грозно воззрился на него, пока он играл. Мари-Жозеф считала Доменико несравненным вундеркиндом и лукавым шалуном.

Синьор Скарлатти заметил Мари-Жозеф:

– Надо же, а ведь это наша малютка, учительница арифметики!

Он подошел к Мари-Жозеф и поцеловал ей руку.

– Добрый вечер, синьор, – приветствовала его Мари-Жозеф.

– Фортуна была к вам благосклонна, – промолвил он.

– Я всего лишь стала по-другому одеваться, – возразила Мари-Жозеф.

– И прошли немалый путь от Сен-Сира до Версаля. – Он томно поглядел на нее. – Теперь, когда вы заняли столь высокое положение, смею ли я, смиренный, надеяться на поцелуй?

Мари-Жозеф покраснела:

– Если я стану целовать мужчин, особенно женатых, то непременно навлеку на себя гнев брата.

– Но если я сумею угодить вам, если я сумею угодить ему, если я сумею угодить его величеству...

– Сударь, я и не предполагала, что, написав вам в подарок незатейливую песенку, я превращусь в вашу должницу.

Она вырвала у него руку.

Скарлатти усмехнулся:

– Судя по всему, вы пробывали при дворе недолго.

– Вы же сами знаете. Пожалуйста, забудьте, что я когда-то просила вас об услуге, пожалуйста, забудьте, что когда-то к вам обращалась!

– Синьорина Мария!

⁸ Понятно? (*ит.*)

Доменико кинулся к ней и пылко обхватил за талию, почти исчезнув в пышных оборках нижней юбки.

– Маэстро Демонико! Как чудно вы играли!

Он, как обычно, рассмеялся, услышав прозвище, которое она придумала ему, когда он и его отец приезжали в Сен-Сир играть перед воспитанницами. Она опустила на колени и обняла его.

– Он играл бы лучше, если бы упражнялся, – вздохнул синьор Скарлатти. – Здесь мы порепетировали, – он грозно покосился на сынишку, – но недостаточно! Он убежал – захотел, видите ли, поиграть! И это в день, когда ему предстоит выступить перед королем! Можно подумать, ему три года, а не шесть.

– Мне не шесть! Мне восемь!

– Ш-ш-ш! Если спросят в Версале, говори «шесть». Ну давай, репетируем!

Мальчик за руку потянул Мари-Жозеф к клавесину. Она села рядом с ним.

– А я видел вашу русалку, синьорина Мария!

– И что же? Она очень страшная?

– Нет, она красивая и поет, как будто рассказывает чудесные истории.

– Это вам сейчас придется пропеть историю, молодой человек, – перебил его синьор Скарлатти. – А если сыграешь скверно, что скажет наш покровитель? Вице-король вышлет нас из Неаполя. – Он склонился к самому уху Мари-Жозеф. – Но тогда я смог бы остаться во Франции и боготворить вас, пока вы не вознаградите меня за преданность.

– Ваша игра придется по вкусу королю, – сказала Мари-Жозеф Доменико, а затем обратилась к синьору Скарлатти: – И его величество вознаградит вас куда более щедро, чем это под силу мне.

– Я бы отдал все его богатства и титулы за один-единственный поцелуй, – не уступал синьор Скарлатти.

Его домогательства уже нельзя было принять за дружеские шутки; Мари-Жозеф напонила себе, что он, может быть, богат и знаменит, но она – девица благородного происхождения.

– Синьор, – сурово произнесла она, – мы вернемся к этому разговору, когда вы обретете его богатства и его титулы.

Синьор Скарлатти в отчаянии прижал руки к груди.

– Сдаюсь! – признал он. – Вы меня победили. Можете забрать мое сердце и повесить у себя на стене в качестве трофея.

– Я предпочла бы не лишать вас его, синьор Скарлатти. Лучше всецело отдайте его музыке.

– Я-то готов, а вот готов ли Доменико... Он разочаровывает меня, он разочаровывает месье Гупийе, но больше ни одна живая душа не заметит, если он сыграет неправильно. Месье Галлан восхищался нашей игрой на репетиции. А мое самое заветное желание – угодить вам.

– Угождать вы должны не мне, а его величеству, – поправила Скарлатти Мари-Жозеф.

– И его величеству, – согласился синьор Скарлатти.

Мари-Жозеф поцеловала Доменико в щеку.

– Нет на свете того, кому может не понравиться ваша игра, – сказала она мальчику и поспешила обратно в Салон Венеры, в царство благодатного тепла и рассеянного света.

В алькове, полускрытая занавесями и апельсиновыми деревцами, мадам Люцифер устроилась, как в гнездышке, с мадемуазель д'Арманьяк.

«Не забывай, ты всегда, даже мысленно, должна называть ее не „мадам Люцифер“, а „герцогиня Шартрская“, – одернула себя Мари-Жозеф. – Мари-Жозеф де ла Круа не вправе именовать члена королевской семьи прозвищем, да еще таким злобным». Разумеется, если бы оно вырвалось из уст Мари-Жозеф, мадам бы это позабавило, но публично ей пришлось бы притвориться оскорбленной.

Из-за занавесей приплыло облачко табачного дыма. Мадам де Шартр с наслаждением затянулась тоненькой сигарой, а потом передала ее мадемуазель д'Арманьяк; та поглубже вдохнула дым и сладострастно выдохнула. Мари-Жозеф захотелось присоединиться к ним, но у нее не хватало смелости.

– А вот и маленькая монашка, – процедила мадам Люцифер.

– Вы совершенно правы, мадам де Шартр.

Мари-Жозеф застенчиво улыбнулась, надеясь, что они предложат ей сигару.

– Полагаете, что она идет исповедаться? – спросила мадемуазель д'Арманьяк.

Дым струился от ее губ, а запах табака заглушал аромат апельсиновых цветов.

– Или исповедать *нас*?

Мадам Люцифер придвинулась к Мари-Жозеф. Драгоценности на ее корсаже сверкали, затмевая сияние ее безумного взора.

– Вы сообщите о наших прегрешениях своему брату, душенька, или моему отцу-королю?

– Мне не пристало обращаться к его величеству, – возразила Мари-Жозеф. – А мой брат всецело поглощен работой. Он не читает проповеди и не исповедует.

– А какие еще не приличествующие духовному лицу науки он изучает? – спросила мадемуазель д'Арманьяк уже более дружелюбным тоном.

– Мой брат не изучает никаких наук, не приличествующих духовному лицу!

– Ах, какая жалость! – вздохнула мадемуазель д'Арманьяк. – Подумайте, мадам де Шартр, скольким грехам можно было бы предаться с таким красивым священником!

– Сейчас подсчитаю, моя милая, – и я могла бы совершить на один грех больше, чем вы.

– Полагаю, на два больше, ведь вы же замужем!

Обе дамы рассмеялись. Мадемуазель д'Арманьяк передала сигару мадам Люцифер, и та проскользнула за апельсиновые деревья.

Глашатай остановился на пороге Салона Марса и трижды ударил о паркет жезлом:

– Званный вечер начинается!

Мадам Люцифер за рукав увлекла мадемуазель д'Арманьяк с глаз долой.

Показался его величество, возглавлявший процессию свиты в Салон Марса, на вечерние увеселения. По правую руку шествовал его святейшество. Ив шествовал слева – рядом с королем и папой, даже превосходя положением короля и королеву Англии, следовавших сзади. Мари-Жозеф была столь поражена, что замерла на пороге, открыв рот, и лишь в последнее мгновение, спохватившись, отпрянула и присела в глубоком реверансе.

Его величество остановился. Перед нею появились его белые шелковые чулки, красные башмаки на высоких каблуках, ноги, некогда славившиеся безупречной формой и малым размером ступни, но ныне жестоко истерзанные подагрой.

– Мадемуазель де ла Круа, – строго спросил король, – от вас пахнет табаком?

Она поднялась. Вспомнив о насмешках мадам Люцифер в адрес Ива, она испытывала искушение попросить его величество обернуться и посмотреть, кто притаился за апельсиновыми деревьями. Но если бы мадам Люцифер была с ней любезна, то предложила бы ей сигару и от Мари-Жозеф сейчас пахло бы табаком, поэтому она не могла утверждать, что не совершила никакого прегрешения.

– Это обычай, принятый на Мартинике, – сказала она, ни в малой мере не солгав.

– Это языческий обычай, – сурово поправил Мари-Жозеф его святейшество, – заимствованный у американских дикарей.

Он стоял совсем близко и мог бы милостиво протянуть ей руку и дать поцеловать перстень, но он не удостоил ее этой чести.

– По крайней мере, гнусный. Я не одобряю курения, особенно когда курят дамы, – промолвил Людовик. Он печально вздохнул. – Курение мне по душе еще меньше, чем фонтанжи,

но пользуюсь ли я при собственном дворе хоть каким-то влиянием? Я вижу, вы привезли с собой один ужасный обычай, а другой, не менее ужасный, переняли уже здесь, во Франции.

– Прошу прощения у вашего величества, – прошептала она, сжавшись под его неодобрительным взглядом.

Его величество прошествовал дальше, но, поравнявшись с апельсиновыми деревьями, отвел ветви тростью, обнаружив за ними мадам Люцифер и мадемуазель д'Арманьяк. Облачко сигарного дыма, выплывшее из-за апельсиновых деревьев, окутало его величество и его святейшество.

Мадам Люцифер с вызовом воззрилась на них и лишь спустя несколько секунд соизволила сделать реверанс. Его величество грустно покачал головой с отеческим неодобрением и направился далее, в музыкальный салон. Придворные устремились за ним. Шартр, смущенный молодой супруг, не удостоил опозоренную супругу взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.